В ДРЕВНЕМ ЦЕНТРЕ СИБИРИ

Второвагайское
Абалан
Менделеево
ТОБОЛЬСК
Сумкино
Карачино
Дегтярево
Сетово
Тобол
Кутарбитка
Булашово
Хмелевка
Байналово
Бачелино
Гилево
Иевлево
ЯРКОВО
Маранка
Покровское
Тура
Староалександровка
Шапнуль
Новоатьялово
Созоново
Борки
Ембаево
Иртыш
Вагай
ВАГАЙ
Куларово
Санниково
Птицкое
Ашлык
Шестовое
Агалья
Аслана
Ашлык
Тобол
1
2
3
4
5
6
7-10

1. Ембаево. Мечеть.
Середина XIX в.
2. Ярково.
Трехстворчатое окно
жилого дома

3. Кутарбитка.
Жилой дом
4. Абалакский монастырь.
Знаменская церковь.
1690-е гг.

5. Сабанаки.
Минарет мечети.
XIX в.
6. Вагай.
Ворота современного
жилого дома

7. Тобольск.
Памятник Ермаку.
1838
8. Тобольск.
Софийский собор.
Конец XVII в.

9. Тобольская резная кость.
1980
10. Тобольск.
Здание театра.
Конец XIX в.

В ДРЕВНЕМ ЦЕНТРЕ СИБИРИ

С. П. ЗАВАРИХИН

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1987

ББК 85.113(2)1
3—13

Рецензенты:
искусствовед Л. А. Перфильева,
кандидат исторических наук В. С. Шульгин

3 $\frac{4901000000\text{-}091}{025(01)\text{-}87}$ 63-87

© Издательство «Искусство», 1987 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА — 6

1. ПО ТУРЕ И ТОБОЛУ — 8
Ембаево (9). Созоново (11). Покровское (13). Ярково (15). Гилево (17). Липовское (18). Байкалово (20). Булашово (21). Кутарбитка (23). Карачино (24).

2. ВВЕРХ ПО ИРТЫШУ — 25
Чувашский мыс (25). Ивановский монастырь (28). Искер (36). Преображенское (39), Абалак (39), Сумкино (50). Санниково (52). Куларово (52). Вагай (57).

3. ТОБОЛЬСКИЙ КРЕМЛЬ — 64
Софийский взвоз (65). Софийский собор (73). Строители кремля (79). Кремлевские стены и башни (82). С. У. Ремезов (93). Гостиный двор (101). Рентерея (103). Радищев в Тобольске (107). Покровский собор (110). Архиерейский дом (111). Наместнический дворец (113). Соборная колокольня (117). Соборная ризница (122).

4. ТОБОЛЬСК — ГОРОД — 125
Панорама верхнего города: памятник Ермаку (125), Дом пионеров (129), памятник Д. Менделееву (129), Петропавловская церковь (131), дом М. А. Фонвизина (133), Спасская церковь (135), А. П. Барятинский в Тобольске (137), Завальное кладбище (138), церковь Семи отроков (142), тобольские косторезы (144), железнодорожный вокзал (147). Нижний город: Знаменский монастырь (149), Крестовоздвиженская церковь (155), Андреевская церковь (157), дом А. М. Муравьева (157), Пятницкая церковь (160), Рождественская церковь (161), почтамт (163), дом П. П. Ершова (165), дом Куклина (166), дом Корниловых (168), дом Володимировых (169), Захарьевская церковь (171), губернская гимназия (178), церковь Михаила Архангела (183), тобольский театр (187).

ПРИМЕЧАНИЯ — 189

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ — 190

От автора

В ранее вышедшей книге «Ворота в Сибирь» рассказывалось об архитектуре городов и сел по реке Туре — важнейшем древнем пути из Европейской России в Сибирь.

Теперь мы приглашаем читателя продолжить знакомство с архитектурой Западной Сибири и отправиться по следам Ермака из Тюмени по Туре, Тоболу и Иртышу вплоть до Вагая — места гибели казачьего атамана. В своей заключительной части маршрут проходит через древнюю столицу Сибири — Тобольск. Архитектурные достоинства знаменитого города и его богатая история, достопримечательности монастырей и приречных старинных сел составляют интересный и очень важный пласт сибирской истории и культуры.

Принципы знакомства с архитектурой в предлагаемой книге остаются теми же, что и в предыдущей: памятники зодчества рассматриваются не изолированно, а в их градостроительной связи с ландшафтом и окружающей застройкой. Исторический фон постоянно сопровождает архитектурные описания.

Путь от Тюмени до Вагая не близок, но для путешествия большого затруднения не представляет: до каждого пункта можно добраться на рейсовом автобусе или на машине. Шоссе Тюмень — Тобольск в настоящее время полностью асфальтировано.

От Тобольска до Абалака и Вагая дороги значительно хуже, поэтому отправляться в путь лучше в сухую погоду. Путешествие облегчается и наполняется особым смыслом

и настроением благодари неизменной благожелательности и отзывчивости местных жителей. Можно сказать, что само появление этой книги было бы невозможно без доброй помощи многих людей. Особую благодарность за целый ряд весьма ценных советов и замечаний приношу искусствоведу Л. А. Перфильевой, историкам Л. К. Мухиной и В. С. Шульгину, директору Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника А. В. Малышкину.

1. По Туре и Тоболу

Прежде чем предложить читателям продолжить путешествие «по следам Ермака», напомним вкратце этапы исторического похода до Тюмени.

Летом 1579 года в Прикамье, во владения уральских солепромышленников Строгановых, прибыл полутысячный отряд вольных казаков во главе с Ермаком. После победы казаков над отборным татарским войском, дошедшим до Чусовой, возникла идея похода за Урал. Трудно сейчас установить, кому именно эта идея принадлежала — правительству, Строгановым или самим казакам. Но определенную заинтересованность в этом походе Строгановых (особенно Максима, владельца самых дальних земель) отрицать невозможно.

Спорят историки и о времени начала похода. Общепринятой является сейчас дата 1 сентября 1581 года (ленинградский историк Р. Г. Скрынников обосновывает другую дату — 1 сентября 1582 года). По нескольким уральским речкам, выдержав (хотя и с потерями) зимовку, преодолев трудный перевал, казаки попали в Туру — прямой путь в Сибирь. Без больших боев дошли до бывшей столицы Сибири Чинги-Туры (будущая Тюмень), легко овладели ею и, не задерживаясь, отправились дальше вниз по Туре: нужно было до заморозков взять Кашлык — столицу Сибирского ханства.

Полоса вдоль пойменных низин Туры и Тобола уже в то время была довольно плотно заселена — это были коренные татарские земли. Народность — сибирские татары — возникла из нескольких этнических элементов. У исто-

ков народности стояли угорские и самодийские племена, расселившиеся к началу новой эры по Западной Сибири. В VI—XIV веках происходит смешение сибирских племен с пришельцами — алтайскими и центральноказахстанскими тюрками, с тюрками-кыпчаками и с татаро-монголами, лавиной прокатившимися по Южной Сибири. Так, к XV веку окончательно формируется новая этническая группа — тюркоязычные татары Западной Сибири, чаще именуемые сибирскими татарами.

Поселения сибирских татар назывались юртами. За последние четыре века некоторые из них превратились в большие села. Одно из них, самое близкое к Тюмени, — село Ембаево.

ЕМБАЕВО. Это современное название бывших Ембаевских юрт. Расположено село на западной оконечности узкого озера-старицы Мальцык. На другой оконечности — деревня Тураево (бывшие Тураевские юрты). «Тобольские губернские ведомости» писали в 1862 году: «Эти юрты, находясь вблизи друг от друга, производят по хорошим постройкам, богатству вид города».

Основаны эти два села были бухарцами, которые еще в XVII веке постоянно приезжали в Тюмень со своими товарами (вообще же бухарские караваны приходили в Сибирь задолго до основания русской Тюмени). Первоначально жители Ембаевских юрт занимались только торговлей и кожевенным ремеслом. Позже к этим занятиям прибавились звероловство, продажа чугунных и железных изделий в киргизскую степь.

В Ембаеве две каменные мечети, построенные не ранее середины XIX века. Располагаясь на противоположных концах села, они образуют своеобразную красивую раму, в которую вписывается панорама села. Места вокруг открытые, в основном поля и поля, поэтому силуэты остроконечных минаретов видны издалека.

Мечети очень похожи друг на друга, но в деталях не совпадают. Одна из мечетей несколько «богаче», тоньше декорирована, вокруг нее сохранились красивая ограда, гражданские постройки, старые деревья.

По своему объемному построению ембаевские мечети напоминают русские церкви: здесь тоже на одну ось нанизаны притвор, «трапеза», четверик храма. Только вместо вертикали колокольни над трапезной — вертикаль минарета. Не исключено, что мечети строились по проекту, присланному из Петербурга в период, когда самодержавие особенно нуждалось в создании видимости националь-

Ембаево. Мечеть.
Середина XIX в.

ной гармонии в стране. Ведь были времена (XVI—XVII века), когда мечети в Сибири и Поволжье просто разрушали (в Поволжье, например, за два года разобрали более четырехсот мечетей). Но позже в России появилось Магометанское духовное управление и началось регламентированное строительство мечетей. В XIX веке духовные управления всех иноверческих исповеданий подчинялись правительственному синоду. Специальным ведомством синода разрабатывались типовые проекты как православных, так и иноверческих культовых зданий. Неудивительно поэтому, что архитектура мечетей и православных церквей имела единую композиционную основу.

Влияние «регламентированной» архитектуры в мечетях Ембаева прослеживается не только в характере плана (древние мечети в основном имели компактный план), но и в классицистической обработке стен рустами, пилястрами, полуциркульными окнами. Входы в мечети выделены фигурными фронтонами, больше свойственными стилю

барокко. Но тем не менее здесь сохранены и традиционные черты: многогранная форма минарета и круговой балкон вокруг него для муэдзина, а главное, купольное покрытие, пришедшее в архитектуру мечетей очень давно (турки, например, восприняли эту форму от сельджуков еще в XIV веке). Выдержана и традиционная ориентация здания: вход — на север, ниша михраба — на юг, в сторону святой Мекки. Характерна для татарских мечетей постановка минарета прямо на здание, а не рядом.

Можно сказать, что в Ембаеве осуществлен тип «официальной» каменной сибирской мечети, не повторяющий в точности форм деревянных мечетей (до этого все мечети в Сибири были деревянными), но удачно связывающий принципы построения мусульманских и христианских культовых зданий.

СОЗОНОВО. Расположено село близ озера Кривого на обрывистом берегу Туры, в тридцати пяти километрах от Ембаева. Когда-то здесь старый тобольский тракт переходил с правого берега реки на левый — работала переправа. В селе были волостное училище, почтовая станция, сельское училище. Основано Созоново переселенцами в конце XVII века. Среди переселенцев в то время было много выходцев из европейского Севера России, поэтому и сформировалось село на основе добротных северных традиций — избами крепкими, украшенными резными наличниками, высокими заборами, образовавшими первоначально одну улицу. Постепенно, с ростом села, возникла и общественная площадь, на которой была построена деревянная церковь (дата сооружения неизвестна). К началу XX века церковь обветшала, и по инициативе местного купца И. П. Скотина в 1909 году было начато строительство нового храма. Строилась церковь на пожертвования прихожан. Для сбора средств и руководства строительством было создано специальное Общество. Освящена церковь осенью 1915 года во имя св. Екатерины.

Храм являет собой образец так называемого «кирпичного стиля»: фасады выложены из хорошо обожженного лицевого кирпича с расшивкой швов цементным раствором. Этот стиль возник на волне рационализма XIX века, который своеобразно накладывался на одновременно процветавшую гипертрофированную декоративность в архитектуре. Инициаторами «кирпичного стиля» были петербургские архитекторы И. С. Китнер и В. А. Шретер, которые с начала 70-х годов прошлого века теоретически и практически утверждали новое направление в зодчестве.

Созоново.
Церковь св. Екатерины.
1915

В Сибирь оно пришло, естественно, значительно позже и в основном через «образцовые» проекты.

Созоновская церковь интересна не только как представитель «кирпичного стиля», но и своим объемным решением. Семиглавый храм с формой плана в виде креста и громадной пятигранной апсидой похож скорее на иноверческую, чем на православную церковь. Покрытая шатром колокольня напоминает абрисом минарет, а окружающие собственно храм и притвор высокие фронтоны вызывают ассоциации с мечетями. Архитектура здания отличается некоторой жесткостью и угловатостью, нередкой в сооружениях «кирпичного стиля».

Внутри церкви плиточный пол, стены были подготовлены под живопись, но не расписаны.

Одновременно с церковью была сооружена высокая кирпичная ограда со сторожкой. Это смягчало сухость форм церкви. Теперь от ограды почти ничего не осталось, здание стоит на неорганизованной площади, подавляя

Покровское.
Фрагмент жилого дома

окружающие двухэтажные дома своей большой темной массой. Но зато церковь прекрасно «держит» большие пространства при подъезде к Созонову, и высоченная ретрансляционная мачта, построенная невдалеке от храма, не может соперничать с ним по активности силуэта.

Следующее крупное село на нашем пути — Покровское.

ПОКРОВСКОЕ. Это большое сибирское село расположилось необычно — не параллельно, а перпендикулярно тракту. Две широкие, большие улицы ведут прохожего от дома к дому, демонстрируя искусство народных плотников и столяров. На этих двух улицах как будто специально собраны разнообразные сибирские типы домов и домового декора. Одноэтажные простые избы соседствуют здесь с двухэтажными представительными домами, открытые бревенчатые стены сменяются обшитыми, причем рисунок обшивки не повторяется в других зданиях. Разнообразны формы крыш, фронтонов, подоконных резных досок, навер-

ший наличников, ставен. Любят в Покровском обшивать углы зданий, особенно двухэтажных, превращая эти углы в своеобразные филенчатые пилястры. Это придает городской вид сельским постройкам. У нескольких домов фронтоны имеют вид заглубленных треугольных ниш со скругленными углами. Здесь налицо дух модерна.

В Покровском нет такой сочной объемной домовой резьбы, как в Тюмени или Исетске; больше распространена резьба плоскостная, глухая, в виде тонкого растительного орнамента. И эта сдержанность, граничащая с изысканным благородством, как-то неожиданна здесь, в далеком сибирском селе, на немощеных улицах, за уютными палисадниками. Обычные окна, украшенные наличниками и подоконными досками, становятся большими, сильно вытянутыми по вертикали и превращаются, по сути, в главный элемент фасада. При этом стены, как бы выразительны ни были фактура бревенчатого сруба или орнаментальный рисунок обшивки, все равно играют роль лишь нейтрального фона для нарядных окон, особенно если они имеют ставни. Удивительно, как органично и разнообразно умеет народное зодчество выявлять декоративные возможности сугубо функциональных, казалось бы, элементов! Одних только ставен можно насчитать десятки типов. В Сибири ставни почти всегда филенчатые, трехчастные, напоминают висячие двери. Эти «двери», подобно цветку в природе, открываются и закрываются по солнечному расписанию.

В прошлом жители Покровского занимались хлебопашеством, сплавом судов, выделкой попон, рогож, ямской гоньбой. Там было десять постоялых дворов, которые, как правило, не пустовали благодаря почтовому тракту. Жизнь в селе была довольно оживленной. А в начале XX века село неожиданно стало знаменитым благодаря Григорию Распутину (настоящая его фамилия Новых), который родился и вырос здесь, примкнул к секте хлыстов и, превратившись в «сибирского пророка», отправился завоевывать столицу. Но почти каждое лето приезжал сюда на летний отдых, даже находясь в зените своей скандальной славы, так своеобразно отразившей агонию российского самодержавия.

Летом 1918 года в Покровском красноармейские отряды сдерживали натиск белых, рвавшихся к Тюмени. В тех боях белые были отброшены, но позже они все же овладели селом. Освободил Покровское в августе 1919 года один из полков знаменитой дивизии В. К. Блюхера.

ЯРКОВО. Село стоит на Тоболе, принявшем в себя Туру ниже Покровского. Где-то здесь, в районе Яркова, из флотилии Ермака татарами (или манси) был похищен струг вместе с находившимися на нем казаками, однако вскоре его отбили. Дальнейший путь отряд до самого Иртыша прошел без стычек.

Но после того как Ермак завладел столицей Сибири, Кучум укрепился именно здесь, на озерном мысу, около будущего Яркова. Это укрепление было обнаружено археологами и получило название Ярково городище. Отсюда Кучум руководил действиями против Ермака.

Ярково — старинное село, возникшее в удобном для переправы месте: вплоть до недавнего времени невдалеке от села тобольский тракт переходил с одного берега Тобола на другой. В 1854 году в Яркове была поставлена деревянная церковь. В 1904 году на средства купцов Копылова и Дворникова начали возводить каменный храм. До наших дней дошел лишь его фрагмент, встроенный в один из корпусов районной больницы.

Село вытянулось вдоль трех почти параллельных тракту улиц. Главная из них, улица Ленина, — очевидно, самая древняя. На нее выходят фасады наиболее интересных деревянных зданий, до сих пор сохранивших аромат старинного поселения. Улица идет по окраине, поэтому между домами то и дело просматриваются окрестные поля. Такое совмещение масштабов, совмещение замкнутости, обжитости с большими просторами невольно вызывает в памяти щемящие есенинские мотивы.

Ярково сейчас разрослось, стало районным центром, но оно и раньше было большим селом. Поэтому здесь можно встретить дома с совсем уж «городскими» трехстворчатыми окнами. С такими окнами обращались как с драгоценностью — больше одного на этаже не делали. Введение трехстворчатых окон говорило о состоятельности владельца дома и выявляло существование большого парадного «зала». Такие окна, естественно, становились композиционным центром фасада. При этом они необязательно располагались по оси симметрии дома, отчасти потому, что дома эти чаще всего строились пятистенными. А вот шестистенки были симметричными, и большое окно, всегда располагавшееся на втором этаже, получало своеобразную поддержку двумя рядами венцов. Торжественность и монументальность такого решения очевидны.

Глядя на ярковские трехстворчатые окна, вспоминаешь знаменитые «венецианские» окна — тоже трехстворчатые (вернее, трехдольные), только арочные. «Венециан-

Ярково.
Трехстворчатое окно
жилого дома

ские» окна знамениты, о них написано немало, но вот народный их вариант, выполненный в дереве, незаслуженно обойден молчанием. А ведь здесь перед мастерами стояли тоже сложные композиционные задачи: практика русского деревянного зодчества до XIX века почти не знала случаев устройства таких окон. Поэтому встал естественный вопрос композиционной трактовки новшества — соединением ли трех обычных окон или созданием единого большого окна с трехчастным делением. В Яркове представлены оба эти варианта. Если первый привлекает простодушием и наивностью, то второй удивляет профессионализмом, приобретенным, очевидно, не здесь, в Яркове, а в городах, где круг богатых заказчиков и образцов для подражания гораздо шире. Композиция ярковских окон, их симметричность, четкость членений, тонкость прорисовки выдает их безусловно классицистическое происхождение. Но буйный народный резной декор, заполняющий все без исключения плоскости подоконных досок, очелий, боко-

Гилево.
Богоявленская церковь.
1821

вых обрамлений, делает ярковские окна самобытными произведениями народного сибирского зодчества.

Как и Покровское, Ярково в 1919 году стало ареной кровопролитного боя — 456-й полк блюхеровской дивизии отбивал у белых переправу через Тобол. В феврале 1921 года под Ярковом разгорелся еще один бой — на этот раз с участниками кулацко-эсеровского мятежа.

Сейчас о боевом прошлом села говорит лишь памятник. Да еще воспоминания теперь уже немногих ветеранов. Палисадники, деревянные мостки, колодцы под двускатными навесиками выглядят умиротворенными, скромно-красивыми спутниками деятельной человеческой жизни.

ГИЛЕВО. Почти в одиночестве стоит это село на левом берегу Тобола: отсюда до Тобольска почти все поселения сосредоточились на правом берегу, сухом и высоком.

Само село не представляет особого интереса. Но на окраине его, почти в чистом поле, стоит громадная двухэтаж-

ная церковь, сравнительно хорошо сохранившаяся, потерявшая лишь колокольню да крест на главном куполе.

Вероятно, мы так и не узнаем, почему в небольшом селе построили такую большую церковь, да еще на окраине. Но можно предположить, что существовал план развития «большого Гилева» и церковь должна была быть центром прихода, включавшего в себя окрестные деревни.

Документы говорят, что Богоявленская церковь с двумя приделами (Троицким и Николая Чудотворца) сооружена в 1821 году. Но строилась церковь, вероятно, не одно десятилетие. Такой большой храм в отдаленном селе не мог быть возведен быстро. О длительности строительства говорят и фасады здания: первый ярус имеет декор явно барочного происхождения, декор второго яруса организован по принципам классицизма. Вызванная длительностью строительства или переделками разностильность зданий явление не такое уж редкое в истории зодчества, доказывающее богатые возможности естественного развития архитектуры, не скованной жесткими концепциями «чистого стиля».

Разностильность ярусов Богоявленской церкви не режет глаз, не вызывает желания мысленно «подправить» строителей. Вероятно, работает привычная логика восприятия зданий: первый этаж, принадлежащий земле, должен отличаться от верхнего, «парящего» в воздухе. «Объединяющую» роль играет и завершение четверика традиционным для Сибири восьмигранным, чуть тянутым вверх куполом с барочным фонариком на нем. Колокольня, очевидно, своей прорезанной арками вертикалью делала еще более органичным синтез стилей.

Места вокруг Гилева открытые, и, удаляясь от села, долго еще видишь чеканный силуэт одинокого купола на фоне неба.

Дальше наш путь пойдет по правому берегу, куда переезжаем по новому мосту через Тобол. Минуя большие села Иевлево и Караульный Яр, сворачиваем на старую дорогу, громадным полукольцом изогнувшуюся вдоль излучины Тобола. Этот большой крюк и дорожная тряска — ради того, чтобы попасть в старинную деревню Липки.

ЛИПОВСКОЕ. Сибирские летописи XVII века сообщают, что, плывя вниз по Тоболу, недалеко от устья впадающей в него Тавды, казаки Ермака захватили в плен татарина Таузака из «царева Кучюмова двора», от которого узнали, как основательно готовится Кучум к встрече русского отряда. Через много лет около этого места возникло село, на-

Липовское.
Богоявленская церковь.
1807

званное Липоярским. Со временем оно стало просто Липками. Сейчас это небольшая деревня на берегу Тобола, оставшаяся далеко в стороне от современного тракта. Новое название очень точно соответствует типично среднерусскому пейзажу — грунтовая дорога среди уютных полей в обрамлении лесов, то подступающих — рукой подать, то превращающихся в далекий фон. Дорогу венчает пологая возвышенность, на которой классическим силуэтом виднеются Липки — высокая церковь над серыми треугольниками крыш. Клубящаяся зелень полисадников дополняет картину.

Деревня опрятна, красива, но вызывает ощущение некоторой оторванности от большого мира. В немалой степени этому способствует церковь, большая, прекрасно сохранившаяся, но молчаливая, с пустыми глазницами-окнами, так же, как и в Гилево, стоящая на окраине деревни, окруженная близко подступившими зарослями кустарника и ольховника.

Церковь построена в 1807 году. Главный ее престол — Богоявленский Южный придел (единственный) освящен во имя Прокопия Устюжского — святого, культ которого принесли в Сибирь ее первые насельники — устюжане.

Архитектура церкви проста, но выразительна своим силуэтом. Тянутый абрис куполов делает их похожими на шатры. Двухэтажный объем строг и четок и был бы даже суховат, если бы не тонко прорисованные наличники вытянутых окон да барочные фонарики над куполами.

Удивительно выигрышно поставлена церковь. Она не только неповторимо организовывает пространство деревни, но и встречает и провожает человека за несколько километров от Липок, что удивительно для лесного края, где дальние «простролы» редкость. Здесь же многие перспективы замыкаются выразительным силуэтом старинного храма.

Придорожный пейзаж сохраняет свой «среднерусский» характер и после Липок, почти до самого Байкалова, — большого села, расположенного там, где старинная дорога встречается с современным трактом Тюмень — Тобольск.

БАЙКАЛОВО. Это типичное придорожное село, вытянувшееся длинной лентой, со своим ясно видимым центром, обязательным мостом через речушку, плавным поворотом улицы и с застройкой по неизменному принципу «точка — тире»: дом — ограда, дом — ограда... И тем не менее, как это свойственно всему народному зодчеству, типовая основа не мешает, а скорее, помогает проявляться индивидуальности. Идешь по деревянным мосткам-тротуарам и читаешь открытую книгу архитектуры, которая создана не только домами, оградами, воротами, декором, но и зеленью палисадников, всюду проникающей природой, тихо поскрипывающей повозкой на улице и яркими «Жигулями», осторожно объезжающими рытвины. Современность вписывает свои страницы в эту книгу, и, вопреки распространенному мнению, иногда вовсе не плохие страницы. Некоторые новые деревянные дома — двухэтажные, с острым выразительным силуэтом — в полном смысле украшают улицу. Вместо традиционного декора в этих домах — игра светотени от выступов, балконов, лоджий, сдвижек объемов. Современность и традиция сплетаются здесь в каком-то новом синтезе.

Растущее Байкалово почти вплотную подошло к небольшой татарской деревушке Ирек, разместившейся на берегу изогнутого старичного озера. У крутого поворота дороги-улицы, на возвышенном береговом мысике, стоит деревян-

Ирек. Мечеть

ная мечеть, правда, уже без минарета. И в таком виде она похожа на простой жилой дом. Тем более что мечеть (превращенная сейчас в клуб) была построена однообъемной с бескупольным молельным залом. Это, безусловно, облегчило трансформацию образа культового здания с утратой всего одного (правда, важнейшего) элемента. Утрата эта как бы обнажила первичную ячейку жилых и культовых деревянных зданий — клеть.

БУЛАШОВО. Село лежит в стороне от тракта, и потому оно не такое протяженное, как Байкалово, а более компактное. Но и здесь ясно выделяются главная улица и главная площадь. Вдоль улицы стоят большие крепкие сибирские избы со скромным, сдержанным декором. Так же как и по всей Сибири, здесь высокие глухие заборы и монументальные ворота. Особенно красивы трехчастные ворота с двумя калитками (одна ложная) и с изогнутыми надворотными балками. Полотна ворот и калиток — из плотно при-

Булашово.
Ворота жилого дома

гнанных толстых досок, связанных горизонтальными тягами. Декорированы порезкой лишь надворотные балки. Таким образом, вход и въезд во двор происходят под нарядными арками.

На центральной площади села в 1840 году была закончена постройка Покровской церкви. Традиционная для Сибири трехчастная схема (притвор — трапезная — храм) облечена здесь в классицистические формы — плотные, подчеркнуто геометризованные, но в то же время достаточно пластичные за счет рустованных ризалитов и арочных проемов. Венчание четверика, к сожалению, не сохранилось.

Покровская церковь — еще одно свидетельство провинциальной устойчивости архитектурных форм. Ведь ко времени завершения постройки классицизм в столице уже давно считался устаревшим, подвергался критике. Еще в начале 1830-х годов, возвещая начало новой архитектурной эпохи, Н. В. Гоголь опубликовал статью «Об архитектуре нашего времени», в которой утверждал, что классицизм не един-

Кутарбитка.
Жилая усадьба

ственно возможный стиль архитектуры и далеко не лучший, что есть величие и своя красота в других архитектурах — египетской, готической, мавританской, индийской. Нормативности классицизма Гоголь противопоставлял свободу творчества. Жизнь покажет, что эта «свобода» приведет к победе стилизаторства и эклектизма в зодчестве.

КУТАРБИТКА. Небольшая татарская деревенька разрослась в большое село. Когда-то она стояла на высоком берегу Тобола. Теперь река отошла на два километра, и внизу, под обрывом, стелется плоская ярко-зеленая летом лента бывшего дна реки. Это общая особенность многих притобольских сел — почти все они сейчас стоят не на реке, а у стариц или заливных лугов. Поэтому прибрежные околицы их характерны контрастностью пространств — уходящие вдаль плоские луга окаймляются зубчатыми стенами лесных массивов.

Мечети в селе нет уже давно, и роль высотных акцен-

тов поневоле перешла к зерносушилкам, кстати, весьма своеобразным по архитектуре.

Древняя часть села традиционно и естественно размещается на узком высоком мысу между руслом Тобола и небольшой речушкой. Здесь две недлинные улицы, одна из которых главная; на ней сохранился двухэтажный, украшенный резными наличниками дом местного богатея и добротные рядовые дома, тоже декорированные резьбой, правда, попроще и, пожалуй, посуше. Здесь встречается иная, чем в Булашове, разновидность сибирских ворот — не с изогнутыми надворотными балками, а под двускатной крышей. Строгость и монументальность такого приема под стать сибирскому характеру. Прием обеспечивает ансамблевое единство ворот и самого дома.

Главная улица старой Кутарбитки чиста, покрыта по обочинам бархатным зеленым ковром. Тишину улицы не может разрушить, кажется, ничто — настолько спокойна сама атмосфера старинного поселения.

КАРАЧИНО. Улус Карачи (Карачин) казакам Ермака пришлось брать с боем. Но Кучум в этой стычке не участвовал. Он готовился к решающему сражению в другом месте — у Чувашского мыса на Иртыше.

Вскоре, убедившись, что захваченный ими Кашлык не пригоден для зимовки большого отряда, казаки вернулись в Карачи, оставив в сибирской столице лишь небольшой гарнизон. На острове, образованном старичным дугообразным Карачиным островом (по-татарски Карача-куль), они устроили городище, ставшее форпостом Искера. Три трудные зимовки провели здесь казаки. Отсюда они ходили ясачными походами на Обский север, в Тавду, Пелым.

Жилые дома Карачина типичны для притобольских сел. Но само село сугубо типичным назвать нельзя — русские строительные традиции в течение XIX века постепенно изменили облик татарского компактного нерегулярного поселения. Современное Карачино — это две взаимноперпендикулярные улицы. Одна — основная — протянулась вдоль береговой террасы (хотя и довольно далеко от ее бровки), вторая соединяет село с транзитной дорогой. Большой темно-зеленый массив кладбища хранит память о многих поколениях карачинцев. Видимый отовсюду, он как бы кристаллизует в себе дух истории, романтизируя даже саму атмосферу старинного поселения.

До Иртыша отсюда уже недалеко.

2. Вверх по Иртышу

ЧУВАШСКИЙ МЫС. Тобольский тракт по правобережью Тобола подходит наконец к переправе через Иртыш. На другом берегу — Тобольск, далеко в дымке виден белый силуэт кремля, как бы парящий под облаками, а здесь нависает над рекой настоящая гора — Чувашский мыс — участок гигантской правобережной пойменной террасы Иртыша. Могучая река в этом месте круто, почти под прямым углом поворачивает свое русло, грозя унести с собой непокорный утес. Вот уже сколько веков длится этот поединок великанов.

Вся примыкающая к мысу пойма, окрестность Тобольска, называется Подчуваш (по-хантыйски «Олений городок»); другие названия — Потчеваш, Княжий луг. Здесь и состоялся решающий бой дружины Ермака с войском Кучума.

Кучум знал о приближении отряда Ермака и хорошо подготовился к бою. Он не мог собрать здесь все свои войска, ибо часть из них отправил со старшим сыном Алеем в Пермскую землю. Но и те силы, которые он выставил против Ермака, во много раз превосходили по численности отряд казаков. Форпостом своей столицы Кашлыка Кучум сделал Чувашский мыс, укрепил его подножие засекой из поваленных деревьев, а вершину — валом, рвами и частоколом. Установил две пушки (правда, выстрелить из них не пришлось). Командовал войсками родственник Кучума богатырь Маметкул.

При виде такого многочисленного войска среди казаков возникло чувство неуверенности. Некоторые даже убеждали вернуться назад. Но сильная воля Ермака победила. На

рассвете 26 октября 1582 года казаки начали штурм Чувашского мыса. Кучум наблюдал за боем с горы, Маметкул оборонял засеку, за которой татары были почти неуязвимы для ружейного огня. Поэтому Ермак пошел на хитрость — дал сигнал к отходу, а когда татары, сделав в засеке проходы, бросились вслед отступавшим, повернул свое войско им навстречу, подкрепив его резервной сотней со стругов. Это был переломный момент сражения. Ко всему Маметкул был ранен, едва избежал плена и с трудом был перевезен на другой берег. Лишившись полководца, побежали под защиту крепостных стен ханты и манси, за ними — татары. «Царь же Кучюм, виде свою погибель и царства своего и богатства лищение, рече ко всем своим з горким плачем... И прибеже окаянный во град Сибирь и взял себе мало нечто от сокровищ своих, и вдашася невозвратному бегству, а град Сибирь оставиша пуст...»[1]. Так описывает летопись окончание этого исторического сражения. Для казаков сражение закончилось с минимальными потерями.

Чувашский мыс ←

Знамя Ермака →

В тот же день войско Ермака было уже в Кашлыке, где их ждала богатая добыча: брошенная царская казна — мягкая рухлядь (меха).

Летописи и сказания передают немало подробностей чувашского боя (сообщается, например, о единоборстве Ермака с Маметкулом), но достоверность большинства из них доказать невозможно. Зато совершенно реальны наконечники стрел, костяные ножи и другие свидетельства битвы, во множестве добытые раскопками на мысу. Эта гора-легенда красива, таинственна, притягивает своей громадностью. Один ее склон осыпался, как будто срезанный гигантским ножом.

ИВАНОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ. Правый берег Иртыша вверх по течению очень живописен — изрезан оврагами, близ города густо зарос лесом, однако чем дальше, тем все чаще встречаются обширные луга и пашни с отдельными деревьями и небольшими рощицами. Но самое красивое и живо-

ГЪКИЙ

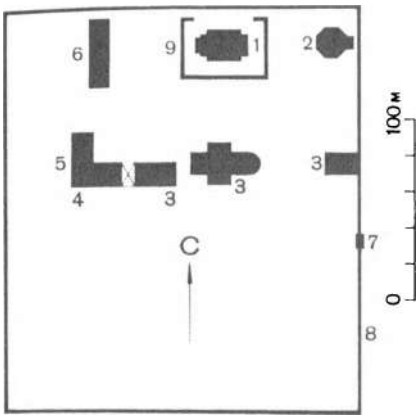
писное место находится совсем недалеко от Чувашского мыса, всего в десяти километрах от него. Это глубокая долина речки Шанталыки, с очень высокими лесистыми склонами, создающими почти горный пейзаж. Крутая стена леса открывается с дороги неожиданно, и так же неожиданно внизу, у подножия этой стены, возникают постройки бывшего Ивановского Междугорского монастыря.

Русская архитектура всегда была сильна своим удивительным единением с природой. Градостроительное чутье позволяло русским зодчим удачно использовать не только эффектные возвышенности, но и места низкие. На этот счет у Василия Шукшина есть очень точное наблюдение. В рассказе «Мастер» он сравнивает две церкви — Чебровскую и Талицкую: «...одна большая, на возвышении, другая спряталась где-то под косогором — какая должна выиграть, если сравнить? Выигрывала маленькая, под косогором. Она всем брала: и что легкая, и что открывалась глазам внезапно... Чебровскую видно было за пять километров — на то и рассчитывали строители. Талицкую как будто нарочно спрятали от праздного взора, и только тому, кто шел к ней, она являлась вся, сразу...»[2].

Приходские церкви редко ставились в низине; зато монастыри за чертой города располагались часто в местах укромных, защищенных от мирской суеты лесом или высокими склонами. К их числу принадлежит и Ивановский монастырь, «пленительная Междугорская Пустыня», как называл его исследователь Сибири П. А. Словцов. Монастырская долина была некогда любимым местом отдыха жителей Тобольска, в том числе и декабристов.

Основан был монастырь сибирским архиепископом Симеоном. Около татарской деревни Шанталык, где с 1620 года размещалась архиерейская дача, заложил он в 1653 году первую постройку мужского монастыря — деревянную церковь во имя усекновения главы Иоанна Предтечи. Ровно через сто лет церковь сгорела, а в 1758 году на ее месте уже было закончено сооружение холодного каменного храма и расположенного восточнее тоже каменного монашеского корпуса. В 1770-х годах построили капитальные настоятельские кельи и два монашеских корпуса, между которыми в 1782 году поставили кухню. Через полвека было завершено строительство монастырской каменной ограды с четырьмя воротами и двумя башнями.

Каменный храм, простояв полвека, обветшал и в 1808 году был разобран. В этом же году на его месте архиепископ Амвросий заложил новый, тоже холодный храм; в 1812 году подрядчики ямщики А. Мильзин и И. Колин закончили его



Иваковский Междугорский монастырь под Тобольском. План-схема: 1) Церковь Иоакима Предтечи; 2) Троицкая церковь; 3) монашеский корпус; 4) кухня; 5) заезжая; 6) духовная школа; 7) проездные ворота; 8) каменная ограда

сооружение. Через пятнадцать лет была завершена колокольня, а еще через десять — каменная ограда вокруг храма (чтобы он мог использоваться и как приходская церковь). Как и весь комплекс, храм неплохо сохранился и до сих пор — массивный, коренастый, он господствует во всей долине. Типично классицистическая его архитектура имеет трудноуловимый оттенок барочности, особенно в венчаниях. Некоторая грузность объемов и их «приставленность» друг к другу выдают архитектоническое восприятие мастеров, корнями своими уходящее в древность. Главная часть здания — четверик основного объема — выше колокольни, что нечасто встречается в церквах. В данном случае, очевидно, повлияло расположение церкви — высокая колокольня на дне глубокой долины выглядела бы неестественно. Высокий восьмидольный купол четверика бесхитростно, без всякого барабана «оседлал» двускатную крышу. При взгляде снизу вершины фронтонов закрывают почти половину высоты купола.

Ивановский Междугорский монастырь. Церковь Иоанна Предтечи. 1820-е гг.

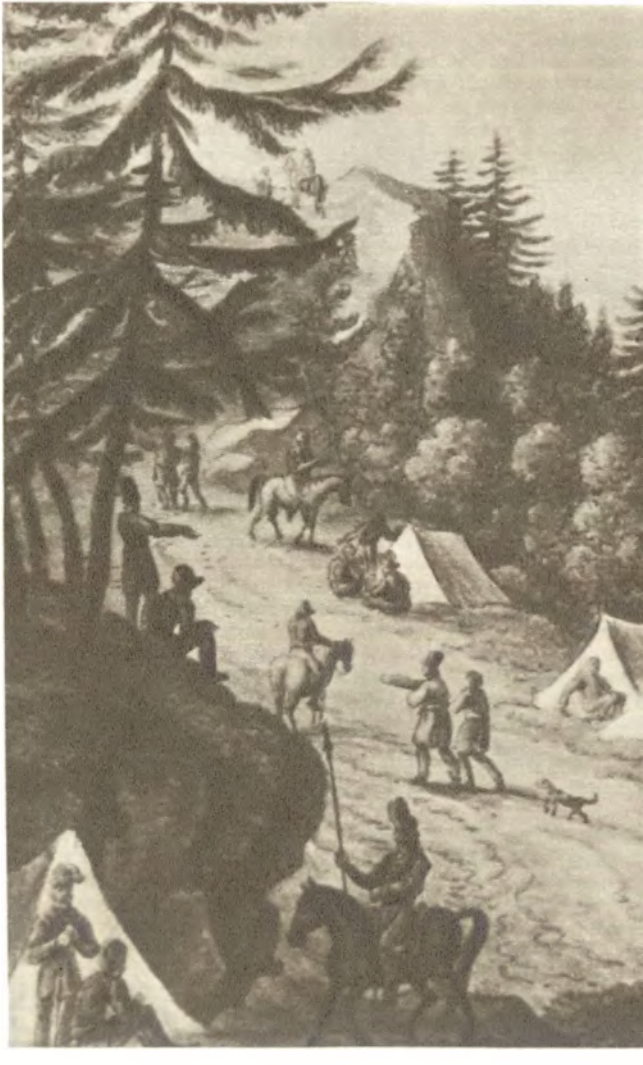
Очень своеобразна и апсида. Своим большим двухъярусным объемом она спорит с четвериком храма, а крупными членениями и архитектурным масштабом даже подавляет его. Колокольня тоже массивна, нижний ее ярус членениями и высотой своей повторяет апсиду и от этого кажется как бы ушедшим в землю. Второй ярус очень мал, это, скорее, широкий пояс; ярус звона напоминает каменную беседку, вознесенную на постамент. Все три яруса громоздятся друг на друге и тесно прижаты к четверику храма, создавая объем асимметричный, с вертикальным восточным фасадом и ступенчатым западным. Такая подчиненность формы колокольни общей форме церкви тоже нечасто встречается в русском культовом зодчестве.

Каменная ограда вокруг церкви не сохранилась, но осталась большая подпорная стенка (церковь стоит на уклоне), которая, по существу, является большим подножием-стилобатом и придает всей церкви дополнительную внушительность. Храм выглядит громадным монументом среди окру-

живших его склонов. Значительность этого сооружения как главного во всей окрестности подчеркнута и его месторасположением: во всей долине выбрано такое место, чтобы церковь замыкала перспективу Иркутского тракта. Каждый, кто оказывается на гребне тракта перед спуском в долину, прямо перед собой вдруг видит главы храма и колокольни. По мере спуска вниз храм все растет. И вот он уже весь на виду, спокойный, меж двумя зелеными кулисами придорожного сосняка. На дне долины тракт огибает монастырь с востока, и только здесь становятся видны остальные постройки: восьмиугольная Троицкая церковь в северо-восточном углу ограды, двухэтажная теплая церковь южнее Иоанновского храма, несколько гражданских построек по периметру главной монастырской площади. Вся композиция монастыря определяется расположением построек по периметру правильной четырехугольной каменной ограды, возведенной в 1805—1806 годах. Ограда с ее четырьмя воротами и двумя угловыми башнями дошла до наших дней без значительных разрушений.

Ивановский монастырь всегда был небогат. С самого начала он был приписан к архиерейскому дому, состоял на его содержании и лишь в 1807 году получил статус штатного вместо упраздненного в Ялуторовском уезде Рафаиловского монастыря. В 1864 году монастырь стал женским, и в нем были организованы золотошвейные мастерские.

Древнейшим из сохранившихся построек монастыря является корпус напротив южного фасада Иоанновской церкви, вернее, первый его этаж. Это здание заложили одноэтажным в 1752 году, а в 1811 году оно было надстроено вторым этажом и в его восточной части устроили теплую церковь Казанской божьей матери (Введенскую). В другой половине по традиционной коридорной системе разместились настоятельские кельи. Два раза — в 1827 и в 1852 годах — здание горело, но каждый раз восстанавливалось. В 1853 году к его восточному фасаду пристроили одноэтажный алтарь, который через четырнадцать лет был надстроен и увенчан куполом. В результате это простое, с полукруглым торцом здание архитектурно связалось с массивным объемом холодной церкви. Образовались своеобразные пропилеи, за которыми расположились остальные постройки монастыря — пристроенный к западному фасаду зимней церкви монашеский корпус (1780), расположенные за ним здания кухни (1782) и завозни (1834), вытянувшееся вдоль западного фасада Иоанновской церкви двухэтажное здание бывшей духовной школы, открытой в 1866 году (первый этаж, в котором разместились монашеские



кельи, построен в 1774 году). В 1900 году напротив главного монастырского храма, у самой ограды, возвели небольшую Троицкую церковь — однокупольную, с планом восьмиугольной формы и прямоугольной апсидой. Это еще более усилило значение северо-восточной части территории монастыря как главного архитектурного ядра всего ансамбля.

На возвратном пути после моста через Шанталыку долго и круто приходится подниматься трактом по противоположному склону. С высоты Междугорская пустынь кажется очень далекой, маленькой, заброшенной в глубокой долине. Даже не верится, что только что там, внизу, среди мощных массивных зданий, испытывал совсем другие чувства.

Старинная грунтовая дорога, петляя и то и дело западая в лощины, ведет на восток, к невидимому, таинственному Искеру.

ИСКЕР. Это красивое название носила первая столица Сибирского ханства. Располагался Искер в девятнадцати кило-

Ивановский
Междугорский монастырь
под Тобольском.
Акварель
худ. Е. М. Корнеева.
1802. ГИМ
←

метрах от современного Тобольска, там, где высохшая теперь речка Сибирка впадала в Иртыш. Теперь только неровности почвы да остатки трехъярусных скатов напоминают об этом городке.

Слово «Искер» означает «древняя земля». Еще до пришествия татар здесь было поселение одного из угорских племен. Татары, придя сюда, укрепили поселение; хан сделал его своей резиденцией. При татарском хане Махмете появились более мощные укрепления и новое название крепости — Сибирь-Тура. Название «Искер» возникло при Кучуме, который, придя в Сибирь из Кайсацкой степи, в 1563 году захватил городок. В битве за город погибли ханы местной династии Этигер (Едигер) и Бекбулат. Почти двадцать лет правил Кучум Сибирью из Искера (в русских летописях город чаще называется Кашлыком). Археологические находки говорят об обширных торговых связях Сибирского ханства с Бухарой, Китаем, Казахстаном, Ногайской ордой.

По сведениям археологов и историков, Искер времен Кучума был хорошо укрепленной земляной крепостью, окруженной глубоким тройным рвом с почти отвесными скатами. Крепость была сравнительно небольшой, ибо служила главным образом для проживания хана и его приближенных. Здесь же собирались войска во время нападения врагов. Посреди крепости размещалась площадь с курганом — ханской ставкой. Собственно город (теперь деревня Алемасово) располагался с наружной стороны крепости на той же сопке, состоял из мазанковых полуземлянок и соединялся с крепостью мостом через ров. Небольшие размеры крепости и отсутствие в ней воды (путь к колодцу, лежащему вне крепости, и к речке Сибирке легко мог быть перекрыт неприятелем) делали крепость непригодной для длительной осады. Поэтому после поражения под Чувашским мысом Кучум не стал задерживаться в Искере, а, забрав богатства, ушел дальше, в другую свою резиденцию на мысе Абалак. В столице Сибири обосновался гарнизон Ермака.

Три зимовки в Искере были очень трудными для гарнизона. Во время первой же зимы в стычке с татарами погибло двадцать казаков. Но зато с продовольствием поначалу больших затруднений не было: вассалы Кучума признали власть Ермака и исправно привозили ясак. Между русскими и аборигенами установились дружеские отношения. У казаков даже появились татарские жены. В 1583 году Ермак снарядил в Москву станицу (двадцать пять человек) во главе со своим первым помощником Иваном Кольцо. Проводником согласился быть мансийский князек Ишбердей, хорошо знавший путь в Пермь Великую. Казаки повезли в Москву пушнину и донесение Ермака о «сибирском взятии». Посольство было очень хорошо принято Иваном Грозным — «упавшая с неба Сибирь» (выражение Н. М. Карамзина) как бы уравновесила трехлетние военные неудачи в Ливонской войне. Перед возвращением в Сибирь Ивану Кольцо была вручена «похвальная» царская грамота, где царь прощал прошлые грехи атамана и его дружины[1]. Кроме грамоты посольство повезло с собой и царские подарки казакам — сукно и деньги. Предание прибавило еще и личные подарки Ермаку — два панциря, серебряный кубок и шубу с царского плеча. Вряд ли это было так, ибо в той же грамоте Иван IV приказывал Ермаку вернуться в Москву: сибирским воеводой был назначен государев человек князь Семен Болховский, который и должен был вскоре прибыть в Сибирь. Ермак ослушался указа и остался в Сибири.

Весной и летом 1583 года казаки (очевидно, под руководством самого Ермака) совершили поход на север для сбора

ясака. В этом походе они дошли до Оби. Несколько городков пришлось взять силой — не все население Сибири добровольно подчинялось новой власти.

Немало казаков погибло летом 1584 года, когда пришлось совершить военные походы на север и на реку Тавду. Замененный в ставку бывшего кучумовского визиря Карачи, погиб Иван Кольцо с сорока воинами. Погиб и отряд, бросившийся отомстить за своих товарищей.

Осенью 1584 года в Искер прибыл наконец сибирский воевода Семен Болховский с тремястами стрельцами. Встреча была пышной и радостной. Казаки получили жалованье, а прибывшие — дорогие меха в подарок. Казалось, дело освоения Сибири с этого времени пойдет успешнее. События, однако, развернулись трагически. Зимой 1584—1585 годов Карача сумел организовать союз татарских феодалов. В результате прекратился подвоз продовольствия русским войскам. А прибывшие стрельцы лишь усилили голод в Искере и в Карачине. К весне почти все стрельцы умерли, в том числе и князь Болховский. Из пятисот казаков в живых осталось не более двухсот.

Для окончательного уничтожения русских 12 марта 1585 года огромное татарское войско под руководством Карачи окружило Искер. Больше месяца продолжалась осада. И слишком малы были у казаков силы, чтобы прорвать ее. Но талант Ермака выручил и на этот раз. Он послал атамана Матвея Мещеряка с группой наиболее крепких воинов обезглавить татарское войско. 9 мая ночью эта группа сумела пробраться в стан Карачи (в семи километрах от Искера). Бывший визирь едва успел спастись бегством. Узнав об этом, татарское войско бросилось к стану, а в это время, прикрываясь обозами, воины Ермака ударили ему с тыла. Зажатые с двух сторон, татары бежали на север. Вскоре ясак снова стал поступать в Искер.

Летом Ермак вновь выступил в военный поход, на этот раз на юг, где в степях еще кочевал Кучум. На обратном пути завоеватель Сибири и часть его отряда погибли в водах притока Иртыша Вагая. Весть об этом мгновенно облетела всю Сибирь. Старший сын Кучума Алей стал готовить новый поход на Искер. Опять прекратилась выплата ясака. Оставшиеся в Искере сто пятьдесят воинов приняли решение покинуть Сибирь. 15 августа 1585 года Искер опустел. Казаки на судах спустились вниз по Иртышу и старым Печерским путем вернулись в Россию. Почти два года правил Алей из Искера Сибирью, но, после того как в 1587 году был основан Тобольск, татары ушли из Искера. На этот раз навсегда.

Опустевший городок, построенный из дерева, земли и необожженного кирпича, стал быстро разрушаться. Это отметил уже ученый путешественник Спефарий через девяносто лет после гибели Ермака. Спустя еще восемьдесят лет исследователь Сибири Миллер нашел Искер еще более разрушившимся. До сих пор постоянно подмываемый Иртышом берег съедает остатки территории города.

ПРЕОБРАЖЕНСКОЕ. Село стоит на Иркутском тракте посреди полей на плоской, лишь чуть всхолмленной местности. Село старинное — возникло оно еще в начале XVII века между Искером и Абалаком. В 1784 году здесь завершили строительство большой каменной церкви Спаса Преображения, куда и перевели приход из Абалака. Церковь встала в центре села, видимая отовсюду и издалека, высоко поднявшись над крышами домов и кронами одиноких деревьев. В разгар развития столичного классицизма храм получил формы, характерные для сибирского барокко, демонстрируя исключительную устойчивость барочных традиций в архитектуре Сибири. Широкая одноэтажная трапезная соединила разновеликие четвериковые объемы храма и колокольни. Эта привычная для западносибирского культового зодчества троечастная схема имела неисчислимое множество вариаций. Особенность Преображенской церкви — преувеличенная массивность колокольни. Широкий трехъярусный четверик ее прорезан лишь несколькими узкими проемами. Эта колокольня могла бы выглядеть грузной, если бы не легкое шпилеобразное завершение на узком барабане, венчающем плоский купол. Неожиданно легкий верх подчеркивает монументальность основного объема и в то же время придает изящество массивной колокольне и всей церкви.

Фасады четверика храма относительно просты: окна обрамлены несложными наличниками, углы закреплены пилястрами, оси стен отмечены полукруглыми фронтонами. Увенчан четверик по-барочному сложной композицией, состоящей из двухступенчатого громадного купола, невысокого светового фонаря и прихотливой по силуэту главки.

За свои двести лет Преображенская церковь почти на метр вросла в землю, но все еще стройна и высока. Общий силуэт ее исключительно выразителен и активен в окружающем ландшафте. Главы храма отчетливо видны с далеких полей и даже от стен монастыря в соседнем селе Абалак.

АБАЛАК. Перечисляя в своей книге «Письма из Сибири» архитектурные достопримечательности правобережья Иртыша, П. А. Словцов отмечает и «позолоченные маковицы

Преображенское.
Церковь
Спаса Преображения.
1784

Абалацкой Обители[1]. Позолота глав со временем исчезла и пока еще не восстановлена, но архитектурный ансамбль некогда знаменитого на всю Сибирь монастыря и в современном виде поражает своим сверхмонументализмом. Крутой высокий берег Иртыша, его безбрежная, до самого Тобольска уводящая взгляд пойма с озерами, прудами и старицами, группы мощных елей и пихт по краю обрыва — все это нисколько не подавляет архитектуру монастыря, а, напротив, делает ее органичной и естественной частью прииртышского пейзажа. Более трехсот лет создавался здесь религиозный центр — сначала как приходской, а с конца XVIII века как монастырский. История этого интересного произведения русского сибирского зодчества одновременно и типична и неповторима.

До прихода в Сибирь Ермака Абалак был небольшим татарским городком и название свое, по сведениям Миллера, получил от имени татарского князя Абалака, сына сибирского хана Мара. К концу XVI века городок стал настоя-

щей крепостью, с трех сторон обнесенной валом и рвами, а с четвертой защищенной береговым обрывом Иртыша. Узнав о приближении Ермака, одну из своих жен — Самбулу — Кучум укрыл в Абалаке, а после поражения под Чувашским мысом сам пришел сюда с остатками войска. Затем он надолго покинул эти места. Но его родственник Маметкул, оправившись от ранения, полученного в бою с казаками, постоянно кружил со своим отрядом вокруг лагеря Ермака. Когда из-под Перми вернулись войска Алея, Маметкул объединил их со своими и 5 декабря под Абалаком напал на казаков. Силы были слишком неравны, бой был кровопролитным, но казакам нужна была только победа, иначе перечеркивались все их завоевания. Историк Р. Скрынников даже утверждает, что не занятие Кашлыка, а победа под Абалаком определила успех экспедиции Ермака[5].

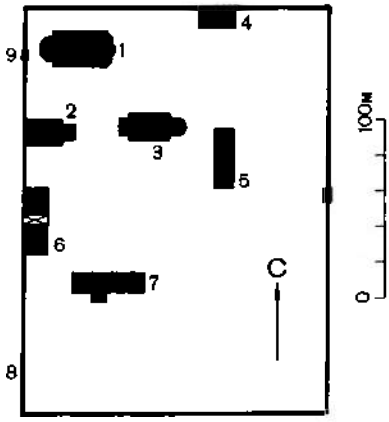
Последний раз Ермак был в Абалаке в 1585 году, когда, поверив ложному слуху, пустился на поиски каравана бухарцев навстречу своей гибели.

После прихода в Сибирь государственных войск в Абалаке стали селиться русские бок о бок с татарами, мирно уживаясь с ними. Наспех была построена на погосте деревянная Преображенская церковь, которая, простояв менее полувека, вконец обветшала. Новую деревянную церковь — Знаменскую — построили на том же погосте из сплавного леса в 1636 году. Вскоре срубили еще одну церковь — Никольскую. В 1680 году Знаменская церковь сгорела, и через три года на ее месте по указу царя Федора Алексеевича был заложен каменный холодный храм. В Тобольском кремле в это время строился Софийский собор.

Может показаться странным, что в условиях, когда даже для строительства в Тобольске не хватало средств, было разрешено сооружение каменной церкви в глухом далеком Абалаке. Объяснить этот факт можно интересами наступательной политики православной церкви в Сибири. В данном случае была удачно использована необычайная популярность «чудотворной» абалакской иконы богоматери, написанной в начале XVII века протодьяконом тобольского кафедрального собора Матвеем. Появилась даже повесть-легенда «Сказание об Абалацкой иконе»; текст ее создан под влиянием «Повести о знамении Новгородской иконы Богородицы». В честь знаменитой иконы и был построен Знаменский храм в Абалаке.

Имена строителей каменной абалакской Знаменской церкви пока неизвестны. Известно только, что выстроена она была четырехстолпной пятиглавой (как и тобольский Софийский собор) и освящена в 1691 году. Четверть века спустя, при сибирском митрополите Филофее Лещинском, заложили теплый Никольский придел, но до петровского указа о запрещении каменного строительства успели довести постройку лишь до окон. Завершили придел в 1750 году. Это было время второго (после конца XVII века) расцвета тобольского каменного культового зодчества. На волне этого подъема в Абалаке сформировался большой приходский комплекс. С 1748 по 1750 годы вместо старой деревянной там была построена каменная Никольская церковь; в течение 1752—1759 годов возведена церковь Марии Египетской «под колоколы», в 1761 году реконструирован Знаменский храм — разобраны столбы, пятиглавие заменено однокупольным покрытием, изменена апсидная часть.

В 1783 году приход на Абалаке был закрыт. Его переместили в село Преображенское, где для этого построили большую церковь. Абалакский же приходской комплекс с того времени стал монастырским. Согласно высочайшего указа сюда был переведен Богоявленский мужской монастырь из



Абалакский монастырь под Тобольском. План-схема: 1) Знаменская церковь; 2) церковь Марии Египетской; 3) Никольская (Троицкая) церковь; 4) каменные кельи; 5) монашеский корпус; 6) монастырская гостиница; 7) настоятельский корпус; 8) каменная ограда; 9) Святые ворота

Невьянской слободы Пермской губернии. На новом месте этот монастырь (он был основан Киприаном в 1621 году) стал называться Знаменским. Благодаря популярности Абалакской чудотворной иконы монастырь стал быстро богатеть и, как следствие, расширяться постройками. В 1784 году построили деревянную Богоявленскую церковь (простояла полвека), через два года территорию монастыря обнесли деревянной, из досок, оградой с башнями. В 1803 году эта ограда была заменена каменной. Скоро в той ограде монастырю стало тесно, и в 1825 году была построена новая, большего периметра (300 погонных сажен), с воротами в восточной стене и двумя воротами (проездными и Святыми) в западной стене. В 1844 году деревянная караульная у западных проездных ворот была перестроена в каменную гостиницу для именитых гостей. Через сорок лет ее надстроили. В конце 1850-х годов около южной стены, были возведены двухэтажный настоятельский корпус и несколько других зданий. На этом формирование ансамбля закончилось.

План абалакского монастыря в какой-то степени напоминает план Ивановской обители. В обоих комплексах ограды образуют правильный четырехугольник, а храмовая группа размещена не в геометрическом центре монастырской территории, а сильно смещена к одному из углов. В то же время в Абалаке группа культовых зданий значительно активнее, чем в Ивановском, как по количеству (три храма встали почти рядом друг с другом), так и по величине, монументальности и выразительности своих архитектурных форм. В отличие от ивановского ансамбля, где гражданские здания образуют почти замкнутый периметр, в Абалакском монастыре четыре каменные гражданские постройки рассредоточены на большой территории.

Знаменский храм — одно из самобытнейших произведений сибирского зодчества. По отдельности все составляющие его архитектурные элементы довольно привычны для Сибири, но в целом сооружение неповторимо своей поражающей неподвижной монументальностью. Эта необыч-

Абалакский монастырь. Знаменская церковь. 1690-е гг. ←

Абалакский монастырь. XVII—XIX вв. Вид с берега Иртыша →

ность — во многом результат перестройки 1761 года. Замена пятиглавия одним громадным куполом потребовала тогда значительной надстройки четверика храма. Эта надстройка была произведена так, что до сих пор отчетливо виден построенный по образцу тобольского Софийского собора первоначальный четверик со своим карнизом, угловыми пилястрами, наличниками окон. Полукружия декоративных закомар внесли новый мотив в декоративное решение фасадов церкви. Но самое существенное изменение облика здания вызвало сооружение большого, широкого восьмигранного купола с беседкой-фонариком, имеющим свою систему купольного покрытия. В результате венчание храма получило типичную для тобольского барокко многоярусную форму. Купол «придавил» четверик к земле, заставил по-иному звучать мощный каменный массив стен.

Своеобразие храму придала и постройка в алтарной части узкого поперечного нефа (в католическом зодчестве известного под названием «трансепт»). Эта трехступенчатая, под

небольшим глухим куполом пристройка значительно усложнила объем здания, сделала его еще более необычным. Соответственно усложнилось и внутреннее пространство храма.

Еще один элемент появился во время перестройки в 1761 году — крытая пятигранная паперть, по форме, скорее, похожая на апсиду. Этот неожиданный элемент еще больше подчеркнул величину и тяжеловесную кубичность основного объема Знаменской церкви.

В результате всех реконструкций Знаменский храм превратился в сооружение, состоящее из свободно сочлененных объемов, но имеющее ясно выраженное композиционное ядро — мощный центральный четверик под необъятным куполом. В ансамбле монастыря храм господствует, но не подавляет своей массой другие постройки, не менее монументальные.

Церковь Марии Египетской имеет ясное, четкое объемное построение: на высокий четверик собственно храма поставлен почти такой же высоты восьмерик колокольни под распространенным в Сибири «приплюснутым» восьмигранным куполом. Венчает вертикальную композицию пирамидальный свод барабана. Одноярусная апсида и двухъярусный притвор имеют упрощенную прямоугольную форму, что значительно повышает монументальность, весомость архитектуры сооружения. Декор фасадов церкви не нарушает этой монументальности: четверик по углам обрамлен плоскими пилястрами, а по верху — несложным профилированным карнизом. Членятся фасады лишь одним межъярусным карнизом. Наличники окон имеют простую колончатую форму. Архитектурное решение объема колокольни типично для Сибири: на нижний, глухой ярус установлен прорезной ярус звона. Оба яруса объединяются угловыми пилястрами, а членятся — карнизом. Арочные проемы яруса звона обрамлены архивольтами, а глухие прямоугольные ниши декорированы колончатыми наличниками. На фасадах выстроенного позже притвора полуциркульные проемы чередуются с подобными по форме и декору нишами. Треугольный фронтон, когда-то венчавший притвор, еще больше подчеркивал классицистический характер этой пристройки, хотя и подчинившейся в своих главных формах монументальному барокко церкви.

Церковь-колокольня выше и стройнее стоящего рядом Знаменского храма. Здесь, «на диком бреге Иртыша», эта силуэтная пара олицетворяет спокойное величие. Протяженная, расчлененная пилястрами и филенками кирпичная ограда еще больше подчеркивает монументализм зда-

ний монастыря и их живописные барочные формы, придает целостность всему комплексу. По-светски нарядны были некогда трехчастные Святые ворота, вставшие в этой ограде напротив входа в Знаменский храм. Каждый из трех проемов перекрывался своим фронтоном, в неглубоких нишках были помещены небольшие живописные вставки; остатки этой живописи сохранились до сих пор. Росписи были и на западном фасаде притвора церкви-колокольни.

Абалакский монастырь исключительно интересный архитектурный комплекс. На высоком берегу знаменитой сибирской реки, среди живописных групп елей и пихт, достигнута явно ощутимая гармония природы и архитектуры, хотя время не пощадило практически ни одной постройки монастыря. Внимательно изучить и восстановить этот уникальнейший памятник архитектурного и градостроительного искусства XVII—XIX веков — задача не завтрашнего, а сегодняшнего дня. Завтра может быть уже поздно.

Обрывистый берег Иртыша, тянущийся от самого Тобольска, восточнее Абалака резко снижается и превращается в типичную для Западной Сибири плоскую, поросшую лесом равнину. Дорога вдоль берега резко ухудшается, места становятся глухими. Дальнейший наш путь будет проходить уже по левому берегу, более освоенному. Перебраться через реку можно либо на лодке местных жителей — рыбаков, либо вернувшись в Тобольск, к Чувашскому мысу, где действует переправа.

Невысокий, но сухой и обжитой левый берег Иртыша очень красив не только чередованием сел, небольших полей и лугов в обрамлении темных хвойных лесов, но и дальними видовыми перспективами через Иртыш, хотя дорога проходит на значительном расстоянии от берега. Светлый силуэт далекого Абалака четко рисуется на фоне зубчатой стены леса. Именно отсюда, с левого берега, рисовал монастырь художник М. С. Знаменский — человек разносторонних талантов, много сделавший для изучения Сибири в области истории, этнографии, археологии. Его перу принадлежит несколько книг, в том числе «Воспоминания о декабристах», «Исторические окрестности Тобольска», «Искер». В Петербурге в 1882 году был издан альбом рисунков художника. Акварели Знаменского очень помогают современным исследователям воссоздавать и изучать быт, природу, архитектуру Тобольской губернии. На акварели, изображающей Абалакский монастырь с левого берега Иртыша (хранится в Государственном Историческом музее), величественна природа и мощная монументальная архитектура находятся

Иртышатское. Мечеть. XIX в.

Сабанаки. Минарет мечети. XIX в.

→

в полном и гармоническом согласии друг с другом. Характерная для русской архитектуры силуэтность здесь проявляет себя очень убедительно, а белая горизонталь монастырских стен создает ту самую устойчивость, без которой исторические ансамбли кажутся лишенными жизненной силы.

Все села на левом берегу Иртыша до самого Усть-Ишима возникли на месте татарских поселений. В некоторых из них до сих пор сохранились мечети. Первое такое село после переправы — Сумкино.

СУМКИНО. Это большое, разросшееся село, почти поселок, само по себе не представляет большого интереса. Но к нему примыкают две небольшие татарские деревеньки — Сабанаки и Иртышатское. Здесь как бы повторяется ситуация в Ембаеве: на берегу старичного озера напротив друг друга стоят две деревни с мечетями. Дуэт мечетей, сохранивших свои минареты, звучит на большом пространстве (места здесь открытые — пашни). Иртышатское — деревня по-

беднее и поменьше, здесь и мечеть попроще: однообъемная, под двускатной крышей. Стоит она на въезде в деревню, на небольшой площади, куда сходятся две основные улицы (третья идет вдоль бровки старичной террасы). Население сплошь татарское. Живут в избах, рубленных по образцу русских изб. Даже сени и палисадники перед окнами стали устраивать, чего раньше никогда не делали. Оконные наличники нередко декорированы накладной резьбой, правда, несложной.

Мечеть в Сабанаки стоит за оградой, в окружении зелени. В ней теперь клуб. Это красивое рубленое здание, со вкусом обшитое вагонкой; молельный зал перекрыт плоским деревянным куполом «с подсечкой». Восьмигранный островерхий минарет опоясан балконом с ажурной решеткой. Изящная и в то же время монументальная, мечеть в Сабанаки стоит как памятник татарского зодчества прошедших времен.

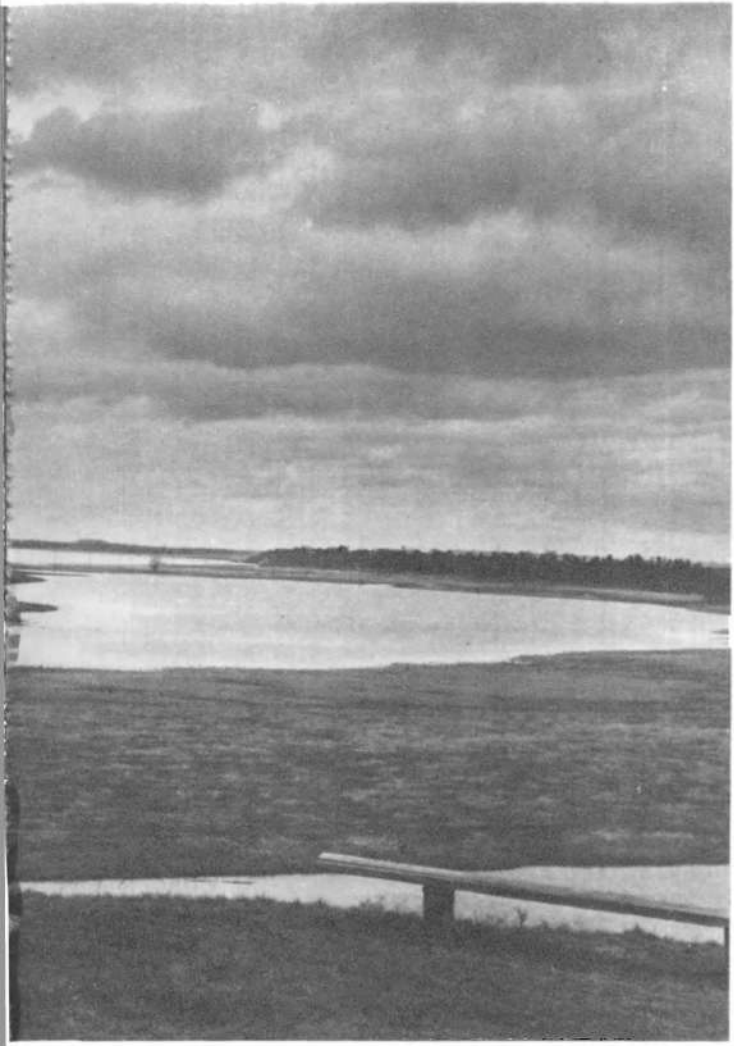
САННИКОВО. Старожилы не помнят прежнего названия села. Вероятно, поначалу здесь тоже было татарское поселение. Теперь село разрослось, но этапы его развития прослеживаются отчетливо. Древняя часть села с наиболее темными и крепкими избами, монументальными оградами и воротами размещается вдоль левой, пойменной бровки небольшой речки Кунгуски, не спеша между камышами пробирающейся к Иртышу. Запруда около моста образовала небольшое озерцо, очень лирическое, с громадными ивами на берегу и идеально неподвижным зеркалом воды. Среди домов старого Санникова можно увидеть старинные сибирские «двойни» — два сруба, поставленных параллельно и объединенных оградами. Такие замкнутые (иногда даже частично крытые) дворики защищают от холодных ветров зимой. В некоторых домах дворики мостятся деревянными плахами и тогда становятся похожими на залы под открытым небом. Целесообразность, монументальность, прочность — характерные черты сибирского деревянного зодчества. Красота здесь понимается не только как украшение. Многие дома не имеют резных наличников, только филенчатые ставни, но впечатления упрощенности не возникает — настолько слажены все элементы домов, настолько выразительна фактура мощных срубов, оттененная простыми немногочисленными деталями.

КУЛАРОВО. Большое село на берегу Иртыша предстает перед взором сразу, как только останется позади темный до черноты массив кедрача. Места вокруг довольно открытые

и плоские, поэтому село раскинулось свободно и живописно, но на почтительном расстоянии от тракта. Отсутствие транзитной дороги, перерезающей село (что не совсем обычно для притрактовых сел), еще более усилило живописность планировки: улицы переплетаются и пересекаются, образуя небольшие внутренние площади, сплошь застланные травяным ковром. В такой застройке, где нет единого организующего стержня-оси, видовые перспективы бесконечно многообразны. Дома́ в Куларове не отличаются разнообразием и богатством декора, но рублены добротно, а пристройки к избам создают архитектуру сложную, по-своему интересную. Наиболее древняя часть села — прибрежная. Сухой обрывистый берег почти весь застроен, но в прорывах (довольно, впрочем, широких) открываются красивейшие виды на Иртыш, спокойно и широко разлившийся здесь по необозримой пойме, прорезанной песчаными косами, обрамленной уходящими в бесконечность черными лесами. На каждой такой естественной видовой площадке заботливо поставлена простая дощатая скамеечка, на которую так и тянет присесть полюбоваться великой сибирской рекой. В давние времена, направляясь в Искер, здесь проплывали бухарские караваны, легко скользили белые струги Ермака. Было и другое — ружейные залпы казаков и свист татарских стрел из засады. Здесь, около Куларова, зимой 1583 года казаки Ермака пленили наконец знаменитого татарского богатыря и полководца Маметкула. Маметкула отправили в Москву, и он стал преданно служить русскому царю, удивляя всех своей отвагой. В 1590 году он участвовал в походе против шведов, а в 1598 году под предводительством Бориса Годунова ходил на крымских татар.

Более трехсот лет после основания Тобольска мимо Куларова проплывали лишь торговые и рыбачьи суда да арестантские баржи. Во время гражданской войны воды Иртыша стали могилой многих жертв Колчака. Осенью 1919 года по куларовскому берегу В. К. Блюхер провел свою ударную группу к Тобольску на прорыв кольца колчаковских войск.

Теперь на Иртыше близ Куларова тихо. Драматическая история этих мест оживает лишь в памяти людей. Впрочем, не только в памяти. В старом центре села, на береговой бровке перед речным простором, до сих пор стоит свидетель многих событий — кирпичная Спасская церковь, построенная на месте деревянной в 1833 году. Это традиционная по объемному построению трехчастная приходская церковь с широким четвериком храма и коренастой колокольней типа «восьмерик на четверике». Здание несколько приземи-



Река Иртыш близ Куларова ←

Куларово. Спасская церковь. 1833

сто и уравновешено по массам. И это вызывает ощущение особой прочности и надежности, что очень важно здесь, на речном мысу, открытом всем ветрам.

Куларовская церковь — типичный образец провинциального классицизма. Сохранились следы фронтонов на боковых сторонах основного четверика, под каждым фронтоном — полуциркульное окно. Все остальные окна имеют совершенно одинаковую форму и выровнены по горизонтали «под линеечку». Так же упорядочены и завершения церкви: высота колокольни совсем ненамного превышает высоту главного четверика, оба купола и конха апсиды имеют почти одинаковую пологую кривизну. Выровнены отметки карнизов трапезной и апсиды. Однако эта «выровненность» и «упорядоченность» в данном случае не делают архитектуру здания сухой и педантичной. Все три стихии — небо, вода, земля, — щедро и свободно живущие здесь, сделали здание как бы частью природы. Церковь не имеет вокруг себя ни соперников, ни «поддержки» другими высотными зданиями, и это повышает ее значимость.

Вагай.
Церковь Иоанна Богослова.
1779

ВАГАЙ. Один из значительных притоков Иртыша — река Вагай протянулась на триста километров между двумя одноименными поселениями: у истоков реки разместилась железнодорожная станция Вагай, а в устье — крупный районный центр село Вагай, выросшее из древнего татарского поселения Вагайские юрты. Место для поселения было выбрано в нескольких километрах выше впадения Вагая в Иртыш, там, где пересекаются пойменные террасы обеих рек.

Село Вагай в его современном виде — это четыре параллельные улицы, упирающиеся в береговой обрыв реки. Прибрежная застройка — самая древняя часть села. Здесь разместились главная площадь и церковь в окружении могучих старых деревьев. Церковь построена в 1779 году и была освящена во имя Иоанна Богослова. Эта большая двухэтажная барочная церковь сейчас стоит без колокольни и главного креста. Но даже и в таком виде здание не потеряло своей роли архитектурной доминанты древней части села

и прибрежной панорамы. Главный элемент этой трехчастной церкви — строго геометрический двухэтажный четверик, перекрытый удлиненным восьмигранным куполом (сомкнутым сводом), увенчанным большим подглавным фонариком-восьмериком. Углы четверика по-барочному рустованы. Массивные каменные стены прорезаны четырьмя ярусами окон (по два яруса в каждом этаже), однако половина из них — «слепые» (ниши в стене). Наличники окон не отличаются особой сложностью, но их большое количество в сочетании с обильной рустовкой создает сложную игру светотени на поверхности стен — реминисценция эстетики барокко. Но при всей декоративности своих фасадов вагайская церковь в то же время как бы затянута обручами порядка и строгой уравновешенности — это уже поступь надвигающегося классицизма. Мастерство и самостоятельность строителей храма проявили себя в полной мере — на основе типовой объемной структуры было создано произведение вполне оригинальное, выражающее и переходность эпохи и традиции сибирского зодчества.

Почти напротив церкви, на самом берегу Вагая, стоит добротный дом-пятистенка, внешне ничем не привлекательный, но отмеченный печатью большой истории: в нем осенью 1919 года размещался штаб легендарного советского полководца В. К. Блюхера. На берега Вагая Блюхер пришел не во главе всей своей 51-й стрелковой дивизии, сформированной им летом этого года в Тюмени, а лишь с одной первой бригадой. Две другие бригады в конце августа были отправлены вверх и вниз по Иртышу преследовать войска Колчака после освобождения Тобольска. Первая бригада во главе с Блюхером продвигалась лесами и болотами на восток, к реке Ишим. В это время Колчак предпринял последнюю отчаянную попытку остановить наступление советских войск. Ему удалось опять занять Тобольск, прорвать фронт в нескольких местах и выйти в тыл бригаде Блюхера. Рассчитывая, что бригада будет прорываться из окружения кратчайшим путем, Колчак все подготовил для ее разгрома и поимки самого Блюхера, за голову которого в то время была назначена очень большая сумма. Но адмирал просчитался. Блюхер опять оказался на высоте своего полководческого таланта. Свою бригаду он, согласно приказу, отправил в южный район, к деревне Шестово, а сам 24 сентября прибыл в село Вагай и принялся энергично восстанавливать связи с частями второй бригады, отправленной в августе вверх по Иртышу. Перегруппировка заняла пять дней. После этого Блюхер оставил два полка охранять свои тылы на Вагае и его притоке Ашлыке. Остальные бой-

цы были разбиты на две ударные группы. Одна из них была послана пробиваться к Тобольску с юга, вторая (две тысячи человек и двенадцать легких орудий) во главе с Блюхером должна была отправиться по Вагаю. 30 сентября 1919 года в деревне Малая Березовка, в нескольких километрах южнее села Вагай, Блюхер объявил приказ, в котором оценивалась обстановка и ставилась задача группе — 3 октября выйти к Тобольску. 1 октября группа начала свой путь по Вагаю. Используя свое основное преимущество — внезапность, сбивая гарнизоны противника, группа дошла до Иртыша и по левому его берегу направилась к Куларовскому и далее — на Тобольск. 10 октября кольцо окружения было разорвано и группа Блюхера соединилась с остальными силами 51-й дивизии. С этого момента под ударами советских войск армия Колчака стала откатываться на восток.

Но героическая история установления советской власти в районе на этом не закончилась. 31 января 1921 года в наиболее «сытом» хлебном уезде Ишимском (в двухстах километрах южнее Вагая) вспыхнул кулацко-эсеровский мятеж. Мятеж быстро распространился до самого севера. Путем поголовной мобилизации мятежники быстро сформировали «народную повстанческую армию». 21 февраля эта армия заняла Тобольск. Но уже через месяц отступившие группы активистов и красноармейцев были сведены в боевое соединение. Комиссаром лыжного разведотряда был послан из Тюмени Александр Семаков — видный политический и военный деятель Сибири. В свои двадцать два года он прошел большую жизненную школу: два года сидел в тюрьме за подпольную работу и агитацию, воевал на Восточном фронте, был военкомом тобольской группы Красной Армии, председателем тобольского уездного комитета партии, руководителем комсомола, членом президиума тюменского губкома партии, редактором двух газет. Лыжный отряд, возглавляемый П. Бардаковым и А. Семаковым, с боями продвигался к Тобольску. В бою за Вторые Вагайские юрты 28 марта Александр Семаков был убит. Его тело бойцы пронесли до Тобольска, где и похоронили после освобождения города 8 апреля. Теперь в Тобольске и Вагае стоят памятники Семакову.

Стоит в селе Вагай и другой памятник — в честь вагайцев, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. А их немало — пять тысяч пятьсот семнадцать человек. Памятник невелик и выполнен из простого бетона. Скорбно стоит он в городском сквере, окруженный со всех сторон деревьями. Невысокая деревянная оградка и венки у подножия памятника хранят тишину.

Вагай.
Памятник землякам-воинам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны

Вагай.
Современная жилая усадьба

←

Современный Вагай быстро застраивается. Но по-прежнему большинство зданий в селе — деревянные. Древнее искусство рубить избы и украшать их не угасло в этом лесном крае. Более того, оно как-то по-новому расцветает.

Вагайские механизаторы и шоферы ставят себе дома, на которые не грех приехать специально полюбоваться. Традиции русского зодчества под умелыми и добрыми руками не просто оживают, но приобретают иное, современное, согласное новым взглядам звучание. «Индустриальная» пропильная резьба покрывает не только карнизы и наличники, но переходит на ворота, калитки, амбары, ограду палисада. Традиционные тобольские подкарнизные кронштейны еще и раскрашены. Стены домов аккуратно и со вкусом обшиты деревянной рейкой. Орнаментальный ажур воротных полотен и подкарнизных фризов неуловимо перекликается с мусульманскими мотивами — татарское население составляет значительную часть жителей Вагая и

других сел района. Улицы благодаря этим домам кажутся чище и нарядней.

Бродить по деревянным тротуарам Вагая интересно. Село хоть и велико, но обозримо. С двух сторон его окружают поля, с третьей — хвойные леса, а четвертая выходит на реку. Вагай здесь широк, противоположный низкий берег весной затапливается так, что не сразу поймешь, где же основное русло. Много тайн хранит река, немало трагедий на ней разыгралось. Где-то здесь, в водах Вагая, четыре века назад утонул Ермак и немало его товарищей. Эта печальная страница в истории русской Сибири стала темой народного эпоса.

Народная память многое укрупнила и переосмыслила. Но многолетние исследования историков позволяют нам сейчас почти точно установить подробности этой трагедии и событий, предшествовавших ей.

В последний свой поход Ермак выступил в июле 1585 года. На этот раз путь лежал на юг, туда, где в степях кочевал злейший враг Ермака Кучум. Сто пятьдесят воинов было в отряде Ермака. Первый свой бой отряд принял в ста верстах от Искера. Поход, как и все предыдущие, был трудным, но успешным — обратно двигались с собранным немалым ясаком. По пути домой Ермак получил пущенное Кучумом ложное известие о бухарском караване, якобы направлявшемся в Искер и задержанном татарами на реке Вагай. Слух казался правдоподобным, ибо до разгрома Кучума бухарские купцы постоянно привозили в Искер свои товары. Поверив слуху, Ермак часть своих людей направил с ясаком в Искер, а сам с сотней казаков стал подниматься вверх по Вагаю. Дойдя до урочища Атбаш («Лошадиная голова») и не встретив никаких признаков каравана, Ермак повернул обратно. И все время ханские разведчики тайно следили за действиями отряда.

Дождливым вечером 5 августа отряд сделал привал на небольшом островке. Сморенные усталостью, казаки заснули. Не выдержал борьбы со сном и караул. Убедившись, что весь отряд крепко спит, татары напали на лагерь. Многие так и не успели проснуться. Услышав стоны, Ермак с несколькими казаками выскочил из шатра, был тут же ранен, и, яростно отбиваясь, начал отступать к берегу, где стояли струги. Но в последний момент, израненный, Ермак оступился, и воды Вагая поглотили его. Лишь нескольким казакам удалось спастись. Они и принесли страшную весть в Искер, а оттуда она распространилась по всей России и достигла Москвы. Появились песни про Ермака.

Одна из таких старинных песен так описывала гибель народного героя:

«Ступил на переходню обманчиву,
Правою ногой поскользнулся он,
И та переходня с конца верхняго,
Подымалася — на него опущалася.
И расшибло ему буйну голову
И бросила его в Иртыш реку:
Тут Ермаку смерть случилася».[5]

Наивность старинной песни воскрешает зримые страницы истории. Сколько таких песен пелось по Руси! По ним можно прочитать всю историю народа, страны и каждого ее уголка, даже самого далекого. Но история удивительная вещь. Сколько ни изучай ее, она никогда не будет исчерпана до конца. Ибо дело не только в фактах. Иной раз один живой штрих, подлинная деталь, сама земля, на которой произошли исторические события, способны по-новому осветить целую систему научно доказанных фактов. Здесь, на неприметной вагайской земле, в этом убеждаешься еще и еще раз.

3. Тобольский кремль

Первое, что представилось взору моему, есть гора, увенчанная огромными каменными зданиями, и с величием, подобающим гордой столице Сибири, взирающая на полдень. Она, казалось, состоит из двух гор, соединенных огромнейшими каменными воротами, над коими построен дом для Архивы... далее церкви и проч. Кажется, что сии здания нарочно и в одно время строены для того, чтоб дать блистательный вид украшаемой ими горе. Какая симметрия! Какая пропорция!

«Путешествие по Сибири г-ка Трунина», 1802 г.

Города никогда не возникают случайно или в случайных местах. Тобольск не мог не возникнуть именно здесь, при впадении Тобола в Иртыш, на высоком прибрежном плато, дугой огибающем пойменную низменность в излучине могучей реки.

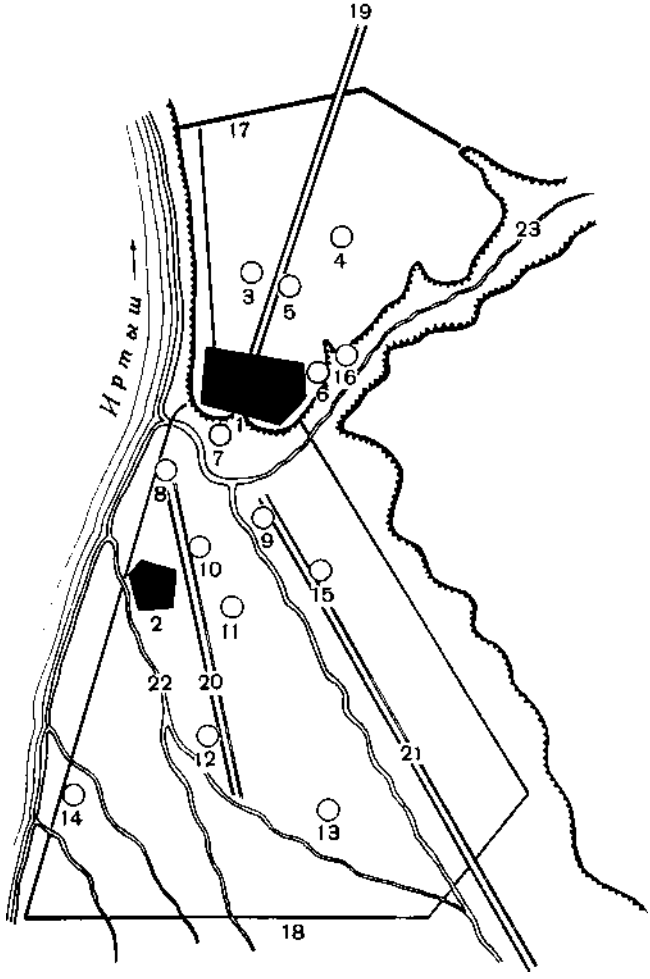
Плато в этом месте татары называли Алафейской горой, что в переводе означает «коренная ханская земля» (Чувашский мыс — часть этой горы). Издавна на Алафейской горе селились родственники, дети, жены властителей Сибири. После победы Ермака татары ушли отсюда, но через три года, когда русские покинули Сибирь, плато опять стало обживаться татарами. Однако в 1587 году сюда пришел из Тюмени полутысячный отряд казаков под командованием письменного головы Данилы Чулкова, и вскоре в юго-западной части Алафейской горы, на мысу, позже названном Троицким, появился русский острожек. Построен он был под руководством Чулкова и ермакова атамана Матвея Мещеряка. На этом и закончилась предыстория Тобольска — древней столицы русской Сибири.

Возникнув в очень удачном месте, Тобольск стал быстро расти. Своеобразная топография местности естественно привела к возникновению двух частей города — верхней и нижней. В верхнем городе, на Троицком мысу, появились укрепленная крепость и Софийский двор, позже объединенные в единый кремль — первый в Сибири. С конца XVII по конец XIX века кремль строился и перестраивался в камне, постоянно видоизменяясь и обновляясь. Одновременно в верхней и нижней частях города возводились церкви

и гражданские здания. Важным градостроительным акцентом нижнего города стал Знаменский монастырь. В обеих частях города возникли по одной главной продольной улице, по нескольку радиальных, так или иначе направленных на кремль, и по нескольку поперечных. Классицистическая перепланировка Тобольска во второй половине XVIII века, значительно скорректировав сеть улиц, тем не менее сохранила всю систему архитектурных доминант. Так сложилась структура Тобольска.

Морозным зимним утром с Базарной площади Тобольска можно наблюдать удивительную картину. Высоко над плотной белой пеленой, накрывшей весь нижний город, на фоне чистейшего голубого неба на снежном подножии стоят розоватые от солнца зубчатые крепостные стены с башнями; над стенами — купола церквей, еще выше — зеленый купол колокольни, громадным белым столпом вставшей у самого обрыва. Это Тобольский кремль — венец города, его каменное ядро.

С нижнего города к кремлю ведет Софийский (он же Базарный, Прямской, Торговый) взвоз. Софийский взвоз в настоящем виде — это сто девяносто восемь ступеней деревянной лестницы, а выше, после массивной арки Дмитриевских ворот, — булыжная дорога, стиснутая кирпичными подпорными стенами. Сухой лог, рассекающий надвое Троицкий мыс, всегда, с самого основания города, использовался для въезда на гору. Первые сто лет взвоз не имел никакого покрытия, и в дождливую погоду глинистые почвы делали подъем по нему очень трудным. В 1671 году появилась первая деревянная лестница, а в 1750-х годах известный сибирский военный инженер прапорщик Волоцкого драгунского полка Яков Укусников разработал проект нового деревянного Софийского взвоза «весьма немалого расстояния». Несколько лет строили этот четырехсотметровый взвоз, а через тридцать лет пришлось склоны его верхней части укреплять кирпичными подпорными стенами. Получилось очень солидное и монументальное инженерное сооружение: каждая стена протянулась на 110 метров, высота их в самой высокой части составила 14,6 метра. Казалось бы, несложное сооружение — стены, а идешь между ними, как в глубоком ущелье (ущелье в центре города!), отрезанный от современности, весь во власти истории. Сколько раз я проверял на себе: подъем по взвозу неизменно создает ощущение перехода в другую эпоху и избавиться от этого ощущения трудно. Можно сказать, что Прямской взвоз — это тот случай, когда инженерное сооружение перерастает самое себя и приобретает достоинства архитектурные.


19
17
23
4
3
5
16
6
1
7
8
9
10
15
2
11
22
20
21
12
14
13
18
Ирмаш

Высокие мрачные стены взвоза, поднимаясь наверх и постепенно уменьшаясь по высоте, в конце концов заканчиваются неожиданно веселыми, даже игривыми закруглениями с невысокими тумбами-обелисками. Этот контраст интересен не только сам по себе, но и как необходимый переход от крупных «героических» форм взвоза к разнообразным архитектурным формам самого кремля.

А кремль — вот он, по обе стороны взвоза. Справа, то есть к востоку, за крепостными стенами расположился Софийский двор, слева — Малый (Вознесенский) город. Такое деление на две части — духовную и светскую — сложилось очень давно. Первый острог был заложен на Софийской стороне; в 1594 году его перестроили, а в 1600 году перенесли на другую сторону взвоза. В 1621 году на месте первого острога обосновалось сибирское архиепископство.

Крепостные стены — привычный компонент древнего сибирского зодчества. «Без острогу страшно», — писал в 1670-х годах тобольский воевода, испрашивая у Москвы разреше-

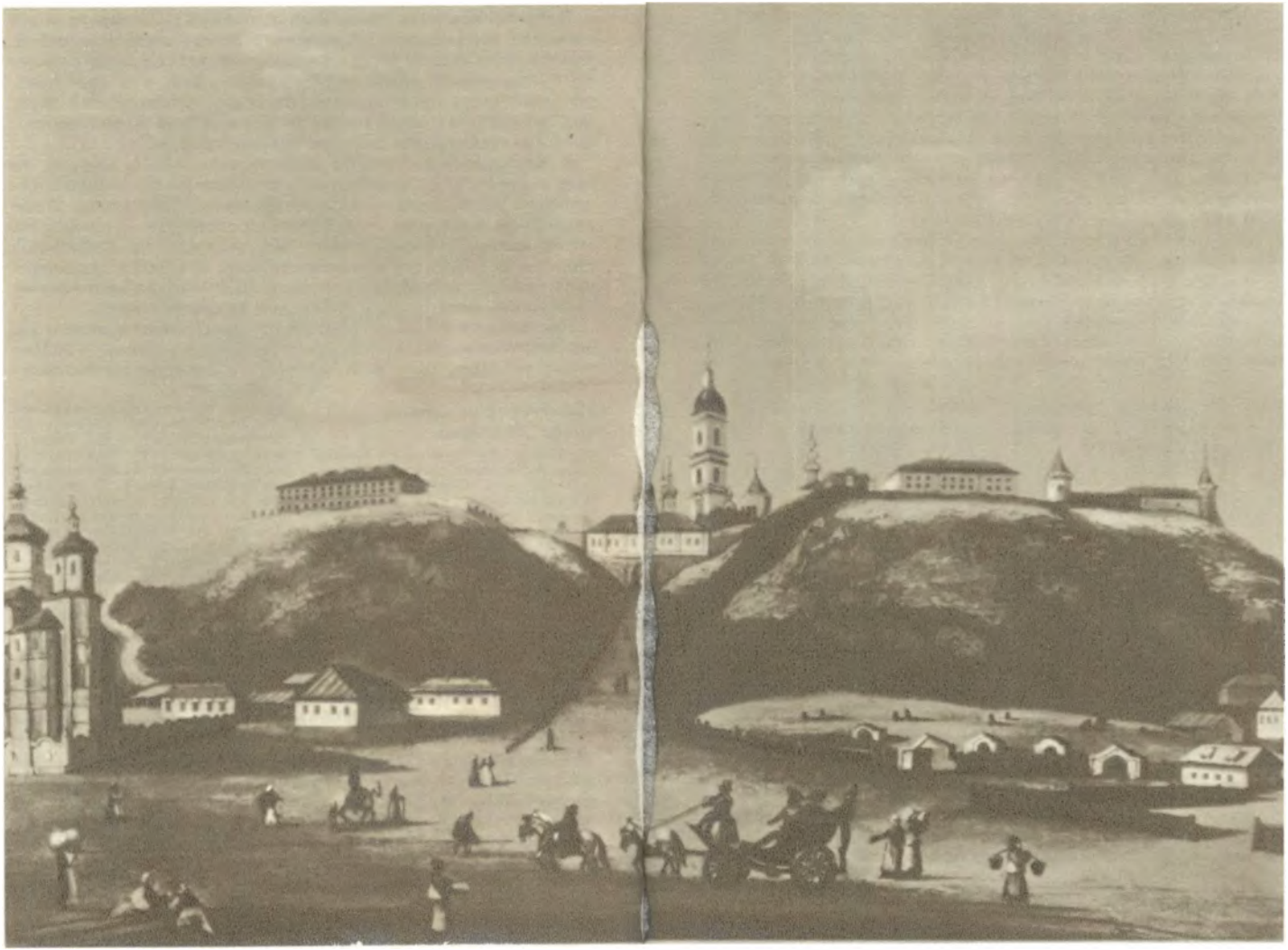
Тобольск. План-схема конца XIX века:

1) кремль; 2) Знаменский монастырь; 3) Спасская церковь; 4) церковь Петра и Павла; 5) церковь Рождества Богородицы (не сохранилась); 6) Никольская церковь (не сохранилась); 7) Богородицкая церковь (не сохранилась); 8) церковь Захария и Елизаветы; 9) церковь Михаила Архангела; 10) Благовещенская церковь (не сохранилась); 11) Рождественская церковь; 12) Пятницкая церковь; 13) Андреевская церковь; 14) Крестовоздвиженская церковь; 15) здание театра; 16) памятник Ермаку; 17) земляной вал; 18) граница города; 19) Большая Ильинская ул. (ныне ул. Клары Цеткин); 20) Пятницкая ул. (ныне ул. Мира); 21) Большая Архангельская ул. (ныне ул. Ленина); 22) речка Абрамовка; 23) речка Курдюмка

ние поставить стену вдоль берега Иртыша. Деревянные крепостные стены тогда назывались одним словом «город», хотя имели различную конструкцию (тын, городни, срубы, тарасы). Самой совершенной, но и самой дорогой, была срубная конструкция стен, применявшаяся в крупных крепостях. На южных границах Сибири строились земляные стены.

Небольшие остроги имели, как правило, прямоугольную конфигурацию и соответственно регулярную планировку внутри. Планировка же неукрепленного посада была посредневековому хаотичной. Столичный город Тобольск не был в этом отношении исключением: нижний, не имевший никогда стен посад развивался, подчиняясь лишь ландшафтным условиям — бровкам террас, берегам речек, направлениям проезжих дорог; верхний город, включавший в себя два укрепленных «острова» — Софийский и воеводский дворы, — был построен на относительно регулярной основе.

Пожары не щадили Тобольск, как, впрочем, и любой



другой деревянный русский город. Неоднократно горел Тобольск, и вот после наиболее опустошительного из всех пожаров, случившегося 29 мая 1677 года, последовало (правда, почти год спустя) важное решение Сибирского приказа: «...а впредь город Тобольск делать каменный и для того городского каменного строения велено отписать, где быть городу»[7]. Но неверно было бы утверждать, что только после этого решения начинается история каменного строительства в Сибири: еще в 1674 году митрополит Корнилий построил себе на Софийском дворе каменную «палату». Большой пожар 1677 года уничтожил это здание.

Два года после этого пожара Софийский двор стоял незастроенным (отстраивался только острог на другой стороне взвоза), и лишь в 1679 году новый митрополит, Павел 1-й (бывший духовник царевны Софьи), начал строить для себя каменные одноэтажные «кельи». Этот дом не простоял и месяца — в ноябре 1680 года он сгорел «от трубы». Тобольск опять почти исчез с лица земли, ибо за три месяца

Центр Тобольска. Гравюра с рисунка худ. Е. М. Корнеева. Начало XIX в. ГИМ

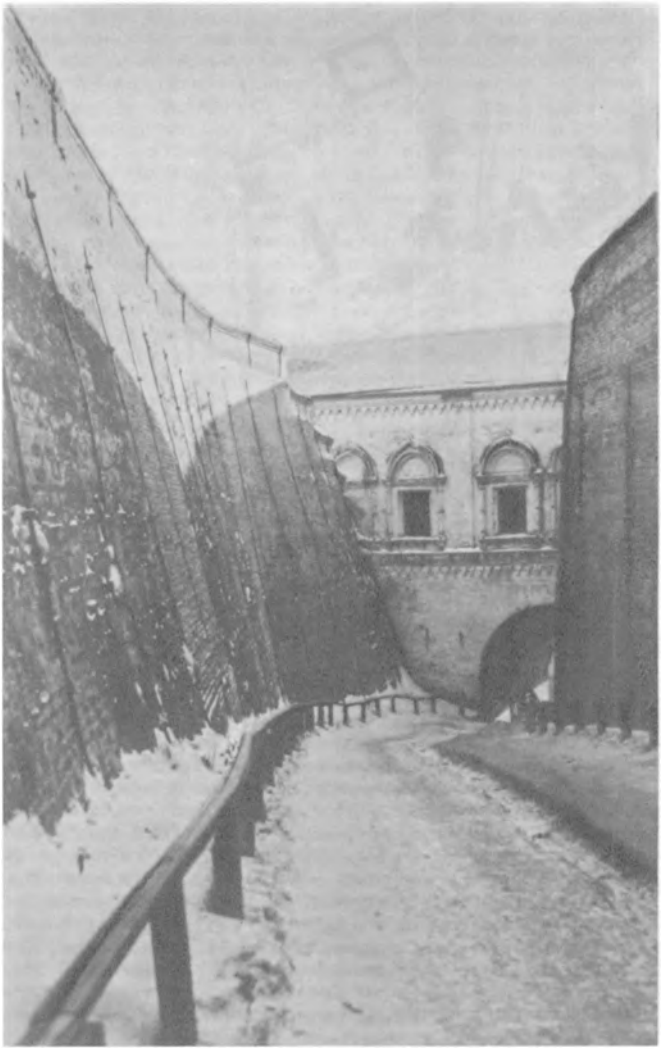
←

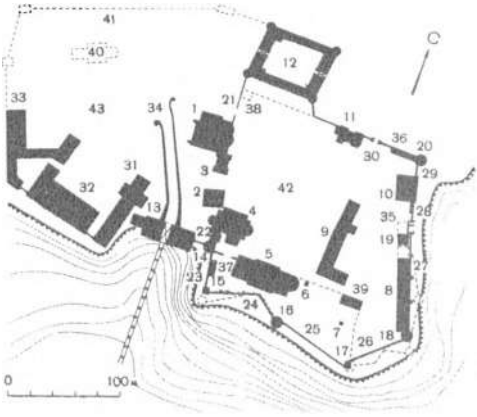
Тобольск. Подпорные стены Софийского взвоза. Конец XVIII в.

→

до этого полностью сгорел только что отстроенный девятибашенный острог. Но на следующий год новый, уже восьмой по счету, острог как ни в чем не бывало стоял на прежнем месте, только рубленые стены и на этот раз были сделаны с «обламами», то есть с нависающими боевыми галереями. Одновременно на Софийском дворе митрополит заложил третьи, теперь уже двухэтажные «кирпишные палаты», которые полностью были построены лишь в 1690 году (разобраны в середине XVIII века). Таким образом, каменное гражданское строительство в Сибири предшествовало культовому.

Подготовка к строительству главного сибирского собора в камне велась почти три года. В окрестностях Тобольска нашли известь, нужную глину, бутовый камень. Из Москвы прислали связное железо, церковную утварь, разрешение взять семьсот рублей из тобольской казны и разрешение использовать крестьян на строительстве, «но не в пашенное время». Прислали и образец, по которому следовало строить церковь, — чертежи и сметы возобновляемой в то время





Тобольский кремль. План-схема:

1) Софийский (Успенский) собор; 2) колокольня; 3) соборная ризница; 4) Покровский собор; 5) архиерейский дом; 6) колокольня угличского колокола; 7) беседка в архиерейском саду; 8) конюшни; 9) консистория; 10) монашеский корпус; 11) здание XX века; 12) гостиный двор; 13) рентерея; 14) Павлинская башня; 15) юго-западная башня; 16) южная башня; 17) юго-восточная башня 18) юго-восточная наугольная башня; 19) восточная башня; 20) северо-восточная башня; 21) западное прясло стены с воротами; 22—29) прясла стен Софийского двора; 30) северное прясло со Святыми воротами; 31) здание судебной управы; 32) дворец наместника; 33) здание типографии; 34) Софийский взвоз; 35) торговая (столовая) палатка; 36) просфорная; 37) жилой дом конца XVIII в.; 38) разобранное здание консистории; 39) домик садовника; 40) Троицкая церковь (не сохранилась); 41) граница уничтоженных и первоначальных каменных стен; 42) Софийский двор; 43) Малый (Вознесенский) город

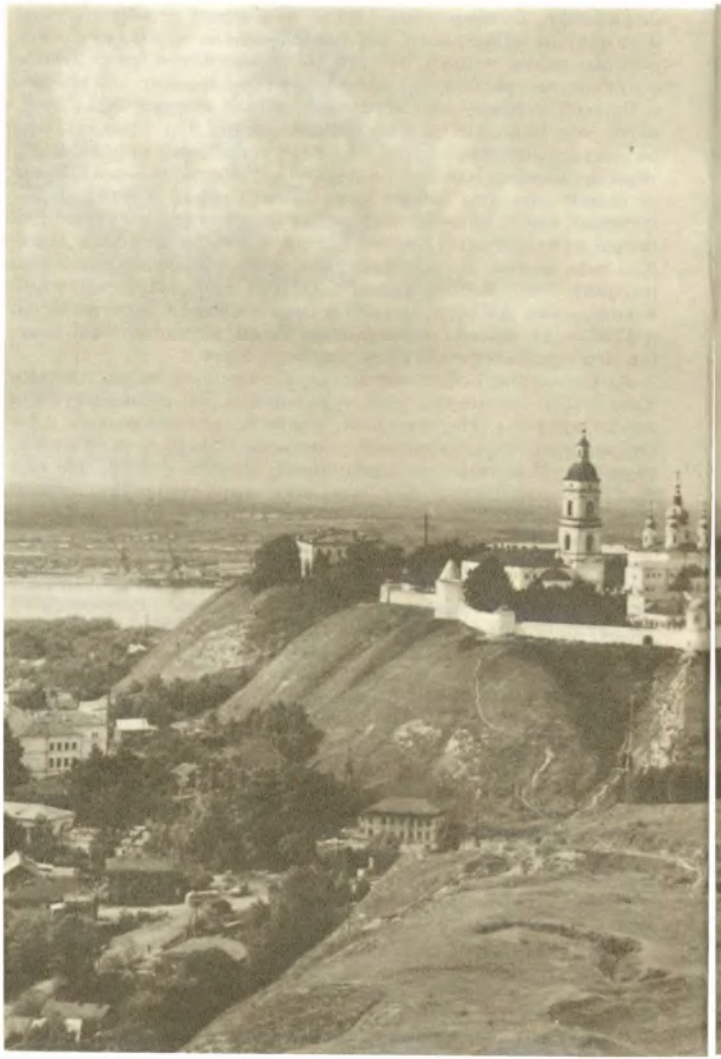
в Московском Кремле Вознесенской церкви (строительство по образцам было весьма распространено в России).

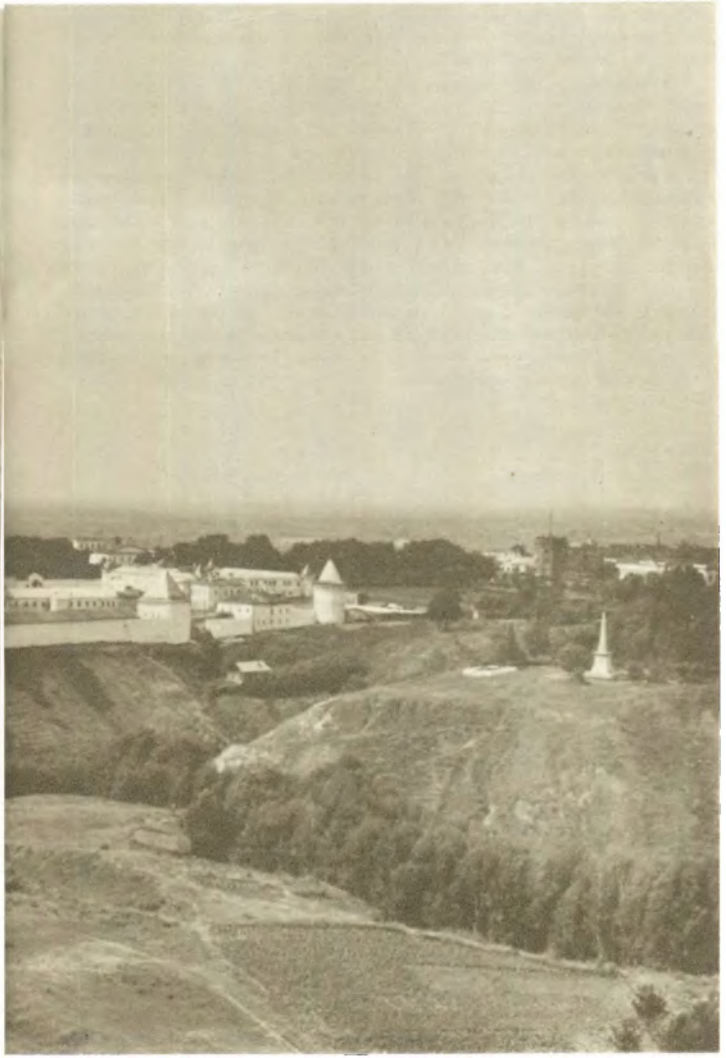
Заложили соборную церковь летом 1681 года, однако строительство началось только в апреле 1683 года после того, как приехала артель устюжских строителей да из Москвы прислали опытных каменщиков во главе с подмастерьем Василием Ларионовым. В 1684 году строители уже завершали главный барабан, но тут «падоша у церкви столбы и обломились своды и верх весь паде внутрь»[8]. Тем не менее работы были завершены, и в октябре 1686 года первая каменная церковь Сибири была освящена. Как и предшествовавший ему деревянный, новый собор стал называться Успенским, но впоследствии был переименован в

Софийский. Одновременно была закончена строительством и каменная колокольня. Но она простояла всего сто десять лет. Мы знаем только, что это было массивное одноярусное сооружение, располагавшееся к северо-востоку от собора.

Во всей необъятной Сибири нет сейчас здания более древнего, чем тобольский Софийский собор. Это придает еще бо́льшую значительность и без того монументальному торжественному зданию на вершине Троицкого мыса. Почти от самой подошвы собора круто вниз уходит каменный Софийский взвоз, наверху хороводит пятиглавие, а громадный белый куб основного объема величественно недвижим. Мощные перспективные порталы выглядят небольшими на фоне высоких стен, в окружении больших окон. Примкнувший к северному фасаду Златоустовский придел (построенный в 1751 году взамен деревянного) своей малостью еще больше подчеркивает величину главного храма.

Архитектура Софийского собора говорит с нами, людьми двадцатого столетия, как с равными, на общедоступном языке красоты. Неторопливо, внимательно знакомясь с собором, можно очень многое узнать не только о самом соборе, но и об эпохе, его породившей. Начать с того, что сам факт строительства «по образцу» характеризует вторую половину XVII века как время оживления каменного строительства не только в центре русской земли, но и на ее окраинах, когда стало недоставать самодеятельных бригад каменщиков и государство все активнее определяло архитектурно-строительную политику. Начался постепенный, но неуклонный процесс превращения творческой артели каменщиков-зодчих в бригаду ремесленников — исполнителей утвержденного образца. Правда, к моменту строительства тобольской Софии эта метаморфоза еще только зрела и Софийский собор был рожден счастливым сочетанием добротного образца и талантливой самодеятельности каменщиков. Образец в данном случае нес в себе две культурные традиции — древнерусскую и итальянскую эпохи Возрождения, так как московская Вознесенская церковь, построенная в 1519 году итальянцем Алевизом Новым, в середине XVI века горела и была основательно перестроена при Борисе Годунове. Поэтому влияние принципов архитектуры Возрождения сказалось в Софийском соборе лишь в подчеркнутой геометричности кубического объема. Завершение храма и декор фасадов решены по-древнерусски. Не мог зодчий западноевропейского Возрождения вот так асимметрично «набросать» окна на фасаде, не мог он и «оборвать» некоторые пилястры, заставив их повиснуть где-то под самым карнизом. Но в то же время лопатки-





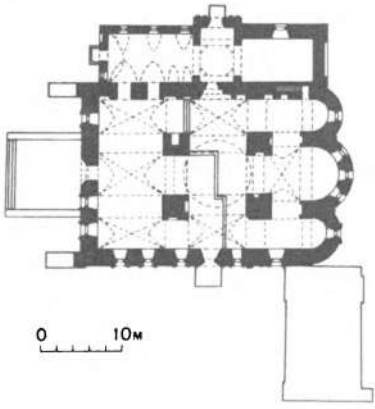
пилястры и профилированный пояс, отделяющий закомары от плоскости стены, создают иллюзорную тектоническую систему, очень близкую к ордерной.

На архитектуру тобольского Софийского собора безусловно повлияли строительные традиции устюжских мастеров, а также принесенные московскими мастерами традиции русского «узорочья» и зарождавшегося тогда нарышкинского барокко. Все это вольно или невольно внесло дух нарядности в декоративное убранство одного из значительнейших сооружений эпохи. Многочисленные «дыньки» в наличниках и перспективных порталах, многолопастные навершия наличников — все эти, казалось бы, древние детали решены по-особому, свободно, празднично, совсем в духе первой половины XVII века. А как непринужденно выполнен южный фасад! Четыре типа наверший наличников на одной стене — на такое способно только «узорочье». Но несмотря на это, Софийский собор сдержаннее по декору, величественнее, чем его прообраз.

Тобольск.
Общий вид кремля
←

Тобольск.
Софийский собор.
Конец XVII в.
→

Сейчас собор стоит под четырехскатной крышей, и мы не знаем, существовали ли когда-либо конструктивные закомары. Скорее всего, учитывая суровый климат, от них отказались еще в процессе строительства или сразу по его окончании. Но вот о главах точно известно, что они были сооружены луковичными (хотя московская Вознесенская церковь имела шлемовидные купола), а в 1726 году заменены на более сложные, с перехватами у основания, по типу украинских. Можно предположить, что эта переделка была произведена по воле знаменитого сибирского митрополита Филофея Лещинского — воспитанника Киевской духовной академии. В то время, за год до своей смерти, Филофей Лещинский как раз начал строить в Тюмени силами украинских строителей монастырскую Петропавловскую церковь, тоже на украинский манер. Вообще нужно сказать, что влияние украинского, а через него и западноевропейского зодчества на архитектуру далекой Сибири в XVIII веке проявилось довольно отчетливо и отчасти объясняется тем, что



Тобольск.
Софийский собор.
План

с 1702 по 1768 год все тобольские митрополиты были выходцами с Украины. Влияние это, конечно же, не прошло бесследно для всего сибирского зодчества, вплоть до конца XIX века, рождая подчас формы весьма своеобразные.

Интерьер Софийского собора типичен для большого четырехстолпного храма. Здесь возникает удивительное чувство единого и одновременно расчлененного на десять ячеек пространства: властно стягивает все к центру невидимая вертикальная ось главного купола. Подпружные и подкупольные арки, центральный барабан, арочные окна — все это множество круглящихся форм мягко связывает между собой мощные, двухметровой толщины стены и громоздкие пилоны. Первое время собор стоял весь белый, без росписи. Украшал интерьер лишь резной иконостас, установленный в 1710 году. Вскоре стены собора были покрыты фресковой живописью. По некоторым данным автором фресок был знаменитый живописец петровского времени Роман Никитин, сосланный после смерти Петра I в Тобольск вместе

со своим братом — лучшим портретистом эпохи Иваном Никитиным. Лишь в 1741 году, после восшествия на престол Елизаветы Петровны, Никитины были возвращены из ссылки. Но вернулся лишь Роман с сыном Петром (будущим архитектором, воспитанником Д. Ухтомского). Иван Никитин умер в дороге в 1742 году.

Фрески Софийского собора в середине XIX века были закрыты масляной живописью. Сейчас ведется подготовка к реставрационным работам. А пока закончена полностью лишь реставрация куполов — снаружи они покрашены ультрамарином, детали вызолочены, по синему фону «набросаны» золотые звезды. Красиво, конечно, но... как-то слишком картинно. Куда-то исчезла сибирская степенность, которая так явно проявлялась, пока купола были темными. Впрочем, время должно сгладить и притемнить сусальный блеск поновления. Зато настоящим образцом древнего прикладного искусства в Сибири остаются двери главного входа, оба полотна которых облицованы металлическими филенками, богато орнаментированными тонкой ручной насечкой. Чудо-звери и чудо-птицы на этих филенках — как отсвет далеких языческих времен.

К Софийскому собору приткнулось каменное здание соборной ризницы, построенной на месте древней в конце 1790-х годов. Но об этом здании речь будет впереди.

Каменные стены вокруг Софийского двора начали возводить сразу же по окончании строительства собора и колокольни. Стены высотой 4,3 метра и протяженностью 620 метров с девятью башнями (семь круглых и две квадратные) были построены за десять лет. Они опоясали Софийский двор по максимальному периметру, опасно приблизившись к бровке Троицкого мыса. Строили стены те же мастера, которые возводили Софийский собор. Работали двумя бригадами одновременно. Строительством северной и восточной стен руководил Гаврила Тютин. Южные и западные стены строил Герасим Шарыпин. Оба из простых каменщиков превратились в Тобольске в каменных дел подмастерьев.

В современном русском языке слово «подмастерье» обозначает низшую ступень в иерархии мастерства. Наш живой, вечно меняющийся язык совершил здесь очередное свое превращение, придав обратный смысл слову, которое когда-то обозначало высшую степень квалификации. В XVI—XVII веках подмастерья были, по сути дела, главными строителями, а часто и авторами сооружения. Основным их отличием от простых каменщиков было умение

составлять смету постройки. Большой практический опыт и технические навыки помогали им решать сложные задачи. Почти все подмастерья вышли из московских каменщиков и получали работу в Приказе каменных дел, существовавшем с 1584 по 1700 год. После ликвидации Приказа подмастерья из записных стали превращаться в подрядчиков-предпринимателей. Вообще говоря, этот процесс начал проявлять себя уже с начала 1680-х годов, когда была сделана первая попытка лишить Приказ каменных дел самостоятельности и численность записных каменщиков и подмастерьев уменьшилась в два раза. Под такое «сокращение» попал и потомственный московский каменщик Герасим Яковлев Шарыпин. Некоторое время после этого он промышлял подрядами на «каменное всякое строение, и известно́е, и кирпишное, и черепишное... образцы муравленые и печи»[1], а потом заключил договор с Сибирским приказом на строительство в Тобольске. Работа на Софийском соборе прибавила ему опыта, поэтому колокольню, прясла стен и башни он строил самостоятельно, уже в качестве подмастерья. После окончания подрядных работ на Софийском дворе Шарыпин возвращается в Москву, но в 1699 году заключает новый договор с Сибирским приказом и приезжает в Тобольск строить каменный «город». Два важнейших сооружения кремля — Приказная палата и гостиный двор — были начаты строительством под его руководством. В первой половине 1704 года Шарыпин неожиданно умирает. Его вдова с двумя детьми осталась жить в Тобольске, переселившись в нижний город, на «наемную татарскую землю».

Иначе сложилась судьба другого строителя каменного Тобольского кремля — Гаврилы Савельева Тютина, тоже потомственного каменщика (отцы Шарыпина и Тютина принимали участие в строительстве Каменного Смоленска), сооружавшего вместе с Шарыпиным не только Софийский двор, но и Малый город. По сохранившимся сведениям, в 1720 году семидесятилетний Г. Тютин — «городовой каменный уставщик» — благополучно жил с сыном и внуком в собственном доме. Неподалеку от него, тоже в нижнем городе, жил его старший сын Иван со своей семьей.

Скудны сведения о древнерусских строителях. Исследователю приходится прорабатывать целые тома архивных дел, в том числе и таких «скучных», как многочисленные ведомости, реестры, расходные книги, разметные росписи, сметы, и т. п. Но кропотливый труд историка благороден и необходим. Он одушевляет наше прошлое, освобождает от забвения имена и судьбы людей,

Тобольский кремль. В центре — Павлинская башня. Конец XVII в.

так или иначе оставивших свой след в истории. Персонификация истории очень важна, а тем более в архитектуре, где конкретные формы суть не только проявление «требований эпохи», но и проявление вкусов и взглядов живых людей — авторов, заказчиков, строителей сооружения. Вот перед нами круглая Павлинская башня — одна из двух дошедших до нас башен XVII века, почти сохранивших свой первоначальный облик. Строил ее Герасим Шарыпин. Это была рядовая (не наугольная) башня, а потому небольшая, но приспособленная к ведению верхнего боя через круглые отверстия-стрельницы. Узкие арочные окна надежно защищены коваными фигурными решетками. Невысокий шатер был увенчан изображением какой-то неведомой птицы. Видимо, эта фигурка и породила миф о том, что название башни связано с экзотическим павлином (какой же памятник без легенды?). Искусствовед Л. А. Перфильева выдвигает правдоподобную, на наш взгляд, гипотезу о том, что башня, скорее всего, Па́влинская, названная в честь тоболь-

ского митрополита Павла, организовавшего строительство каменного кафедрального собора, каменных стен и башен Софийского двора. Опытный строитель (прежде он ведал строительными делами при московском патриархе), Павел, видимо, не случайно был назначен в Тобольск. Одна из башен кремля (может быть, освященная им при закладке) и увековечила своим названием память митрополита-строителя, пополнив таким образом очень ценный ряд «персонифицированных» историей памятников.

Подлинное произведение древнего мастера всегда волнует. Поэты и философы называют время четвертым измерением. Действительно, чем древнее вещь или сооружение, тем значительнее они нам кажутся. Тысячелетия, спрессованные в каком-нибудь неолитическом черепке, неведомым образом облагораживают этот черепок, делают его таинственно-прекрасным, будоражат наше воображение. Если же перед нами архитектурный комплекс, то без знания подробной истории его строительства невозможно увидеть то, что скрыто конечной, итоговой композицией. А скрыто бывает, как правило, очень много. История, например, помогает представить весь Тобольский кремль времени строительства Павлинской башни, когда Малый город стоял еще полностью деревянным, а на Софийском дворе кроме собора, колокольни и митрополичьего дома каменными были лишь крепостная стена к югу от собора и встроенная в нее проездная башня со Святыми воротами и надвратной церковью Сергия Радонежского.

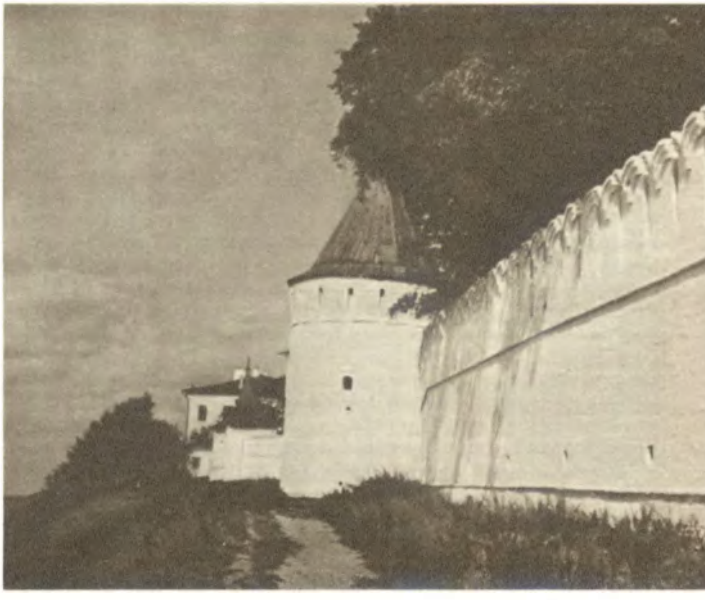
Начальная композиция западного фасада Софийского двора — соединенные стенами собор, Святые ворота и нарядная Павлинская башня — играли роль торжественного монументального входа, встречавшего всех, кто поднимался по Прямскому взвозу. Безусловно, обеспечение представительности центра новой столицы Сибири было важной «сверхзадачей» каменного строительства в Тобольске, повлиявшей на то, что стихийность древнерусского градостроительства в далекой Сибири стала преодолеваться несколько раньше, чем в Центральной России. К этой особенности мы еще вернемся, ибо она очень важна для понимания специфики архитектуры Тобольска, а пока совершим прогулку вдоль стен Софийского двора по самой бровке Троицкого мыса.

Первое прясло стен, начатое Шарыпиным от южного фасада Софийского собора, не сохранилось. Оно было разобрано в 1760-х годах вместе со Святыми воротами и соборной колокольней из-за опасности их обрушения.

Второе прясло, с юга примыкавшее к Павлинской башне, также не сохранилось. Вместо него в XIX веке возникла невысокая каменная ограда. В 1720-х годах с запада к Павлинской башне была пристроена зубчатая боевая стена, в отреставрированном виде дошедшая до наших дней.

Юго-западный угол стен был закреплен Шарыпиным круглой Грановитой башней высотой около 17 метров. Из-за близости к бровке башня скоро сползла и была восстановлена вновь северо-восточнее прежнего места. В 1750 году в связи со строительством на бровке мыса нового архиерейского дома башню разобрали. В 1755 году, когда было закончено возведение еще одного, уже трехэтажного, архиерейского дома, старый был снесен, а на месте бывшей наугольной башни сооружена прямоугольная декоративная башенка, больше похожая на парковый павильон. В 1840 году при епископе Владимире это сооружение обновили и, очевидно, изменили. Так произошло «перерождение» грозной боевой башни — еще одно свидетельство того, как сложна, а порой и трагична судьба произведений архитектуры, казалось бы, недвижных и вечных, а на самом деле беззащитных перед лицом той же силы, которая их породила, — человеческой деятельности, созидающей и разрушающей одновременно.

Совсем недавно, в начале 1960-х годов, вся линия крепостных стен Тобольского кремля практически отсутствовала. Семь башен разрушились по разным причинам, стены в XIX веке были постепенно разобраны и заменены деревянным штакетником на кирпичных столбиках. Мирная провинциальная оградка с тремя декоративными башенками (одна круглая, две четырехугольные) изменила лицо Софийского двора. Исчез героический образ древнего ансамбля, и вернуть этот образ можно было, только восстановив формы XVII века. Поэтому автор первого проекта реставрации кремля, Федор Георгиевич Дубровин, отбросив сомнения по поводу правомерности новодела, обосновал необходимость восстановления древних форм крепостных стен и башен. Сейчас уже несколько прясел стен, а также две башни (восточная квадратная и северо-восточная круглая) приобрели первоначальный вид. Бровка Троицкого мыса вновь получила крупномасштабное венчание. И теперь с высоты этой бровки можно не только увидеть весь нижний город, но и ощутить тесную связь этого города с охраняющей его крепостью на горе. Уходящее за горизонт пестрое море нижней застройки, ограниченное с одной стороны длинным склоном террасы, а с другой — берегом Иртыша, кажется



беззаботным и праздничным, если смотреть на него, стоя около мощной крепостной стены.

С того места, где когда-то стояла Грановитая башня, открываются очень интересные виды: перекликаются через Прямской взвоз Малый город и Софийский двор, далекий Иртыш кажется совсем близким, легко несущим на себе игрушечные пароходики, а Софийский собор, колокольня и Павлинская башня, накладываясь в перспективе друг на друга, образуют картину такой живописной и пластической сложности, что возникает даже сомнение в ее реальности. Но не менее живописна и постепенно развертывающаяся линейная композиция крепостных стен и башен. Прямо от угловой башенки зубчатые крепостные стены, дважды изогнувшись по длине, подводят к южной круглой башне, построенной Шарыпиным и перестроенной в 1714—1716 годах. Эта башня выглядит внушительнее Павлинской, ибо сохранила свою верхнюю часть с узкими окнами-бойницами и кирпичным

Тобольский кремль.
Южная круглая башня.
Конец XVII в.

одиннадцатигранным шатром. Внушительны общая высота башни (17 метров) и толщина стен (более метра). Хорошо сохранилось сводчатое перекрытие между первым и вторым ярусами. Внутри башни, за толстыми стенами, господствует тишина: ни один звук не проникает сюда из внешнего мира. Через отверстия-стрельницы видны только кусочки неба, такие же, как и четыре века назад.

Архитектура южной башни проста и нарядна одновременно. Валиковые пояски, обрамления круглых стрельниц, фронтонные («домиком») наличники арочных окон — все это ненавязчиво, мягко украшает белое круглое тело башни. Соразмерный ей венчающий шатер обеспечивает башне архитектурную завершенность.

Но башня красива не сама по себе, а только с примыкающими к ней крепостными стенами. При перестройке в камне эти стены были возведены толщиной всего в полтора кирпича (45 сантиметров). Такая малая толщина

Тобольский кремль. Фрагмент южного прясла стен. Восстановлен в 1970-х гг.

объясняется тем, что здесь, в Сибири, каменное крепостное зодчество, скорее, служило символическому утверждению русского православия на вновь освоенной территории ибо серьезного военного нападения ждать было неоткуда а от пожаров и «татей» вполне защищали стены небольшой толщины. Для целей обороны с внутренней стороны стен шел обход шириной около метра, устроенный на каменной аркаде, а завершались стены боевыми зубцами типа «ласточкин хвост». Нарядность и лиричность крепостных сооружений — отличительная черта Тобольского кремля.

Продолжая прогулку вдоль стен Софийского двора мы проходим мимо еще одной прямоугольной башенки построенной в XIX веке на месте древней круглой башни и попадаем на юго-восточную оконечность Троицкого мыса. Под ногами — фундаменты круглой Красной башни, разрушившейся в 1780-х годах. В пяти метрах северне сейчас стоит другая круглая башня, построенная в начал

Тобольский кремль. Юго-восточная наугольная башня. Начало XIX в.

XIX века в стиле классицизма и увенчанная пологим куполом. Архитектура башни декоративна. Второй ее ярус прорезан большими арочными проемами. Туда, на видовую площадку, вела когда-то наружная деревянная лестница — выигрышные видовые точки всегда ценились и архитектурно закреплялись русскими людьми. Четыре проема — это четыре разные картины. Глубокий Никольский взвоз, треугольный мыс Чукман с памятником Ермаку, изрезанные оврагами склоны иртышской террасы, пестрый нижний город, перспективы стен кремля, сменяя друг друга и совмещаясь, создают сложный образ тобольского городского ядра. Небольшой скромный проем, устроенный в стене близ башни, как бы соединяет два мира — большой, внешний, над Иртышом, над заросшими склонами, где господствует открытое пространство, и замкнутый каменный мир Софийского двора. Стена, в которой устроен этот проем, — недавняя, сооруженная в XIX веке в виде простой кирпичной ограды с двускатным верхом.

Половину восточной стены кремля занимает фасад архиерейских конюшен — длинного, лишенного декора здания, построенного в конце XVIII века на месте разобранных крепостных стен Г. Тютина. Севернее конюшен — недавно восстановленная квадратная башня. Ей предшествовала башня, построенная каменщиками Тютина. Но позже, когда реальной стала угроза сползания башни в обрыв, она была отодвинута на запад и перестроена в бо́льших габаритах таким образом, что крепостная стена стала составной частью фасада башни. Благодаря этому обстоятельству мы сейчас имеем хорошо сохранившийся фрагмент стены XVII века.

Сохранилась и стена торговой палатки, пристроенной к башне в 1723 году. В 1787 году немного севернее в эту стену был встроен двухэтажный корпус для жилья монахов, приспособленный затем под епархиальную типографию, а после этого — под канцелярию церковного братства. Оба этажа корпуса имеют трехчастную систему планировки

Тобольский кремль. Восточная квадратная башня. Восстановлена в 1970-х гг. ←

Тобольский кремль, восточная панорама. Слева направо: восточная квадратная башня, монашеский корпус, круглая Орловская башня →

с центральными сенями и комнатами по обе стороны от них.

Заканчивается восточная стена круглой Орловской башней, восстановленной в начале 1970-х годов. По своей архитектуре башня идентична южной круглой башне кремля.

Северная стена кремля в том виде, в каком ее построил Тютин, не сохранилась. В западной своей части она когда-то завершалась квадратной башней, а почти по центру ее располагались проездная башня с консисторией и церковью над ней. В 1748 году в башне разместили семинарию, проход через башню закрыли, а рядом устроили в стене новые ворота, названные Святыми, взамен разобранных Святых ворот западной стены ансамбля. Одновременно в восточном конце стены построили одноэтажное трехкамерное здание просфорной, сохранившееся до наших дней. В XIX веке остатки старых стен и ворота разобрали, на их месте возвели цейхгауз (арсенал), кото-

рый в конце века был тоже разобран. Тогда же поставили новую стену от Святых ворот до гостиного двора. В начале XX века в эту стену встроили двухэтажное здание епархиальной гостиницы. Такова сложная переменчивая судьба северной стены Тобольского кремля. Украшением ее сейчас являются Святые ворота — затейливое сооружение, выстроенное в стиле барокко под очевидным влиянием украинской архитектуры. Ворота украшены фигурным фронтоном с двумя башенками по бокам. Каждую из трех вершин венчает керамическая ваза, а плоскости фронтона заполнены штукатурным орнаментом растительного характера. Лучше сохранился северный фасад ворот: две полуколонки здесь обрамляют пилоны, подфронтонный карниз богато профилирован, арочный портал устроен по типу перспективного. Это сооружение заметно оживляет сдержанную монументальную архитектуру кремля.

Последний участок стены — от гостиного двора до

Тобольский кремль.
Северные Святые ворота
Софийского двора.
Середина XVIII в.
←

Софийского собора — тоже не сохранился в первозданном виде. В XIX веке на месте разрушившихся стен были построены новые, с воротами в стиле классицизма. Примечательно, что эти небольшие скромные ворота не проигрывают рядом с огромным собором — настолько точно архитектурный масштаб ворот соответствует древним постройкам кремлевского ансамбля.

Завершение строительства стен вокруг Софийского двора явилось и завершением первого этапа строительства каменного Тобольского кремля. Второй этап связан с именем знаменитого сибирского картографа, географа, летописца, художника и зодчего Семена Ульяновича Ремезова.

Выдающимся личностям принято ставить памятники. Множество их выполнено трудом и талантом скульпторов и архитекторов. А сколько памятников поставлено самим скульпторам и архитекторам? Чрезвычайно мало. Народная пословица про сапожника без сапог и здесь права. Тем

более ценен мозаичный портрет С. У. Ремезова в нише западной стены тобольского Софийского двора, выполненный художником О. Шрубом в 1967 году. Портретом эту мозаику можно назвать лишь условно, поскольку никто не знает, как выглядел Ремезов на самом деле. Скорее, это обобщенный образ русского талантливого самородка, каким и был этот удивительный человек, один из тех, кого преобразующая Петровская эпоха нашла, поставила на ноги и кому дала большое дело — под стать тем масштабам, на которые замахнулась крепнущая российская государственность. И фамилия у него была соответствующая: ремез — это птица-строитель.

Дед Семена Ремезова, Меньшой (Моисей) Ремезов, служил у патриарха Филарета, но за какой-то проступок в 1628 году был сослан в Тобольск, где скоро выделился умом и смелостью и стал служить при воеводском дворе. Подворье Ремезовых в нижнем городе с резными шатровыми воротами было известно далеко за пределами города. Даже улица, где они жили, называлась Ремезовской.

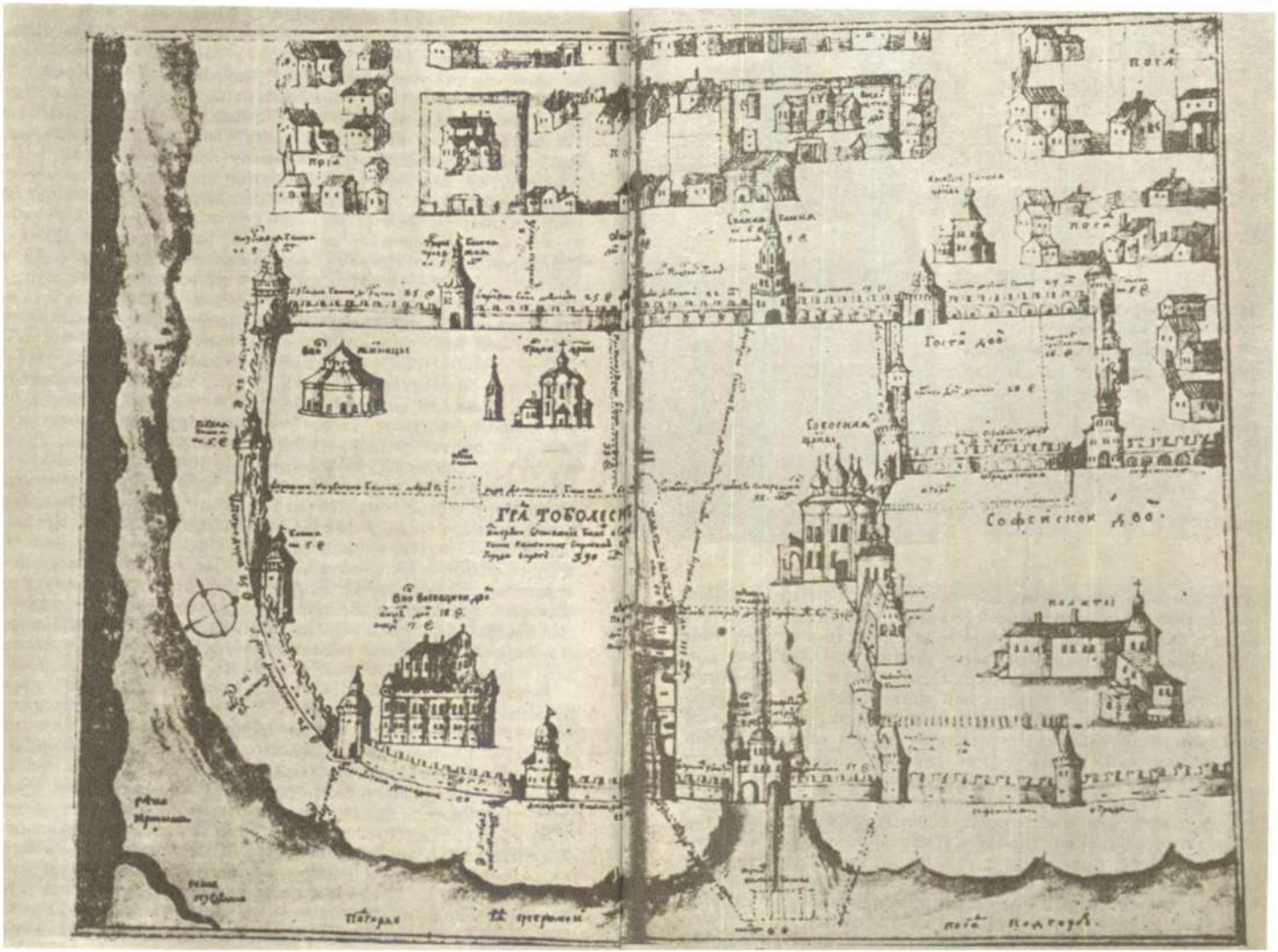
Принадлежать к «служилой аристократии» было почетно. Но служба была нелегкой. Ведь именно на служилых людей в XVII веке возлагалась задача осуществлять государственную военно-оборонную, административную, таможенную, ясачную и торговую политику на окраинных землях. Приходилось часто совершать тяжелые дальние походы. Служилые люди того времени были мореплавателями и землепроходцами, военными руководителями и дипломатами, сборщиками ясака и основателями слобод, острогов, «государевых пашен». Моисей Ремезов тоже нередко водил отряды в дальние походы — к Березову, Обдорску (современный Салехард) и вверх по Иртышу — собирать ясак и усмирять непокорных. После его смерти в Москве в 1647 году на государственную службу поступил его сын Ульян. Начав службу казаком, он вырос до стрелецкого сотника, но в 1670 году вместе с воеводой П. И. Годуновым был сослан в Березов по обвинению в притеснениях. Ссылка, однако, продолжалась недолго: в том же году Ульян Ремезов вернулся в Тобольск, где и прожил еще двадцать лет. Умер он в 1689 году в семидесятилетнем возрасте.

Неизвестно, по какой причине (возможно, из-за опалы на отца) Семен Ульянович Ремезов поступил на службу лишь в 1683 году, когда ему было уже за сорок. Но к тому времени любознательность, любовь к рисованию и самообразование уже сделали Ремезова профессиональным иконописцем, «знаменщиком», картографом и географом. Источником его знаний явилась домашняя библиотека отца,

коллекция чертежей тобольской Приказной палаты и, возможно, чертежи и книги известного ученого Юрия Крижанича, отбывавшего с 1661 года в Тобольске пятнадцатилетнюю ссылку. Большой багаж наблюдений приобрел Семен Ремезов, участвуя в походах отца. Неудивительно поэтому, что, когда в 1696 году Сибирский приказ повелел «сделать доброму искусному мастеру чертеж всей Сибири», эта работа была поручена Ремезову. Почти пять лет с сыновьями Петром, Иваном и Леонтием потратил он на составление большой — на двадцати трех листах — «Чертежной книги Сибири». Те места, куда составители не смогли попасть сами, рисовались со слов «бывальцев и ведомцев». Профессионально сделанная работа вызвала удивление в Москве. Но не более. Зато в Европе появились новые карты Сибири. Способствовала этому также и публикация в Амстердаме атласа карт бывшим пленным шведским офицером Филиппом Таббертом, лично знакомым с Ремезовым.

18 мая 1697 года Сибирский приказ вынес решение о составлении проекта и сметы каменного города в Тобольске: Петр I, понимая значение сибирской столицы, обращал на нее особое внимание. И вот пятидесятилетний картограф, закончив чертеж «Часть Сибири», переключается на архитектурную деятельность и составляет пять вариантов кремля, различающихся по композиции и набору зданий, а также по размеру территории. Летом 1698 года с пятым вариантом в сопровождении двух сыновей Ремезов прибывает в Москву. Более трех месяцев он обучался «каменному строению» в Оружейной палате, которая тогда ведала строительством крепостей. За это время Ремезова познакомили с лучшими образцами русской и западноевропейской архитектуры, что, безусловно, повлияло на становление его как архитектора. По окончании учения особой грамотой Ремезов был назначен главным строителем каменного Тобольского кремля.

Вернувшись в Тобольск зимой 1699 года, Ремезов дорабатывает проект и совместно с Шарыпиным и Тютиным составляет смету по этому проекту. Больше года ушло затем на подготовку к строительству — заготовку кирпича и других материалов. За последующие семнадцать лет Ремезову удалось выстроить четыре основных здания кремля — Приказную палату, гостиный двор, Вознесенскую церковь и надвратную рентерею (казнохранилище), а также крепостные стены. Не были построены лишь башни в северной стене, воеводский дом и житницы. Таким образом, первый сибирский зодчий, Семен Ремезов, к концу своей жизни в основном завершил формирование монументального ансамбля тобольского центра. Ансамбль имел ярко выраженное про-


Гра Тоболеск
Софейской дво
Гостиной дво
Соборная церковь
Пятница
Пятница
Пятница

Чертеж переустройства тобольской крепости, составленный С. У. Ремезовым. Конец XVII в.

←

Тобольский кремль. Гостиный двор. Первые годы XVIII в.

странственное ядро, сосредоточившее все основные каменные здания, и нейтральные «фланги», созданные лишь стенами и башнями. Внутри территории кремля в соответствии с традициями русского зодчества здания располагались вокруг большой площади. Как архитектор Ремезов был типичным представителем Петровской эпохи, когда западноевропейские приемы и древнерусские традиции, переплетаясь, рождали необычные архитектурные формы нового времени. Так, ремезовская Вознесенская церковь, очень выигрышно поставленная над самым Софийским взвозом, имела типичную для нарышкинского барокко центрическую ярусную форму, с куполом и волютами, характерными для западноевропейского барокко. Так же и Приказная палата, имевшая древнерусскую планировку, гульбище, крыльцо-всход, высокую тесовую крышу, нарядные «коломенские» фронтоны, в то же время своими фасадами демонстрировала влияние западной архитектуры: колонны на два этажа, балюстрада на аркатуре, «европейская» система пропорционирования.

Такой же двойственностью отличались и чертежи Ремезова, в которых он за десять лет до выхода печатных руководств («Прием циркуля и линейки», «Геометрия практики») применял неизвестные древнерусским зодчим масштаб, линейку, циркуль, отмывки и обводки тушью, пунктирные линии, проекции плана и фасада и в то же время везде использовал традиционные поясняющие надписи на чертежах как следствие недостаточного еще доверия к возможностям чисто графического языка. Но при этом именно Ремезов был одним из тех, кто стоял у истоков проектирования — нового в России процесса, позволяющего уточнить и проверить членения и формы будущего сооружения. До этого русские мастера-строители на основе своего опыта и виденных образцов сразу рисовали план будущего здания на выровненной и взрыхленной площадке. При скоплении людей (закладка здания всегда была событием) забивались разметные колышки, читалась молитва и лопаты вонзались в землю. Здание росло вверх практически без чертежей, как бы под

рукой скульптора. Чертежи-рисунки, если и выполнялись, то лишь как иллюстрации подрядной записи или как приложение к «росписи» уже готового сооружения. Иногда для заказчика изготовлялись объемные модели здания.

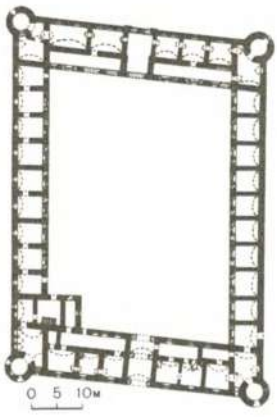
Зрелость Ремезова как архитектора проявилась также в разработанных им типовых (образцовых) проектах «каменной палатки» и «брусяного дома». Неизвестно, был ли построен хоть один дом по этим проектам (хотя правительство всячески поощряло каменное типовое строительство, особенно после больших пожаров в Москве и Тобольске), но сам факт их проектирования очень знаменателен, ибо предвосхищал подобные шаги в Петербурге. Кроме гражданских зданий Ремезов проектировал также металлургические заводы в Сибири и на Урале. Сохранились ремезовские чертежи пушек[10].

Человек разносторонних интересов, Семен Ремезов оставил большое рукописное наследство. Основу этого наследства составляют «Хорографическая чертежная книга», «Чертежная книга Сибири», «Служебная чертежная книга», «Описание о сибирских народах и граней их земель», «Краткая Сибирская история». Иллюстрации во всех этих рукописях выполнены самим Ремезовым и лишь частично — его старшим сыном Леонтием.

Таков был этот деятельный, одаренный человек, внесший столь крупный вклад в развитие русской культуры. Остается добавить, что Семен Ульянович Ремезов прожил жизнь по тем временам долгую (он умер после 1720 года, прожив почти восемьдесят лет), но трудную. В своей «служебной книге» он писал: «...будучи у того каменного строения... работал усердно, по вся дни беспокойно... бывши у земельных, судных и сыскных земельных и описных дел... обнищал и обезножил»[11]. В конце жизни Ремезов получал жалованье как рядовой служилый человек — 11 рублей. Звание «сына боярского» не давало ему никаких привилегий, ибо не означало потомственной родовитости: это звание было получено его дедом за хорошую службу. Драматично сложилась и судьба его детища — Тобольского кремля: Вознесенская церковь в 1717 году, вскоре после освящения, рухнула из-за лопнувших связей, Приказная палата в 1780-х годах оказалась встроенной в трехэтажное здание Наместнического дворца, тогда же были снесены и крепостные стены города. От ремезовского времени подлинными дошли до наших дней лишь гостиный двор, рентерея да две крепостные башни.

Трудно представить сейчас Тобольский кремль без гостиного двора — этого громадного распластанного здания с башнями. Не будь его, кремлевский ансамбль не получил бы необходимой архитектурной завершенности. Ведь все основные сооружения кремля, как будто притянутые невидимыми силовыми линиями, расположились близ Прямского взвоза и бровки Троицкого мыса, а северная часть территории поэтому представляла собой большую пустынную площадь, лишь ограниченную крепостной стеной (сперва деревянной, затем — каменной). В этих условиях гостиный двор, заняв крайний северный участок, явился единственным зданием, способным массой своей уравновесить композицию кремля и обеспечить ее архитектурную связь с верхним посадом. Ремезов, безусловно, понимал архитектурное значение проектируемого им здания, хотя и колебался, вводить ли гостиный двор в периметр кремлевских стен или построить его отдельной крепостью. В конце концов он остановился на втором варианте. Но на пути осуществления замысла возникло серьезное препятствие. Купцы запротестовали против строительства гостиного двора в верхнем городе. Им было удобнее торговать внизу, около базара и иртышской пристани. Воевода передал этот протест в Москву, и в ответ пришло решение Сибирского приказа строить гостиный двор в нижнем городе. Однако вскоре по неизвестным причинам Сибирский приказ отменил это свое решение и вновь предписал строить гостиный двор возле кремля отдельной крепостью. После этого Ремезов с помощью Тютина окончательно доработал проект, а каменщики Шарыпина в 1703 году начали возводить каменный гостиный двор на месте старых торговых рядов.

Гостиный двор стал второй постройкой Семена Ремезова. Первое его здание — Приказная палата — было заложено 9 мая 1700 года и предназначалось для размещения главной сибирской администрации. Теперь предстояло выстроить главное торговое здание Сибири. И Ремезов строит этот громадный, чуть меньше московского гостиный двор, причем строит его в традициях прошлого века — в виде замкнутого прямоугольника с башнями на углах, двумя воротами, таможней и часовней. Часовня располагалась над главными, западными воротами, таможня — над восточными (обе они не сохранились). Для большей безопасности все шестьдесят семь лавок и двадцать семь погребов выходили только во внутренний двор, хотя в то время в России уже строились и гостиные дворы иного типа — с наружными лавками. Планировка тобольского гостиного двора имеет много общего с планировкой бухарских караван-сараев. Возможно, это



Тобольский кремль.
Гостиный двор.
План первого этажа

не случайное сходство. Ведь Тобольск, где сходились Иртыш и Московско-Сибирской тракт, в то время вел обширную торговлю и часто принимал гостей из Средней Азии, Индии, Китая, Афганистана. Так же, как и в гостиных дворах Европейской России XVII века и в восточных караван-сараях, во дворе ремезовского сооружения были устроены двухъярусные деревянные галереи. Только шли они не по периметру двора, а лишь вдоль южных и северных стен. На второй ярус вели открытые деревянные лестницы, располагавшиеся почти по поперечной оси здания. Большинство помещений гостиного двора перекрыто цилиндрическими сводами.

Пять лет строился гостиный двор. Через год после закладки, летом 1704 года, умер Герасим Шарыпин. Его место заняли тобольский сын боярский С. Раньчковский и подьячий А. Морозов. В 30 тысяч рублей обошлось казне сооружение гостиного двора. Прочное, надежное получилось здание. Но, как и предполагали купцы, неудачно для торговли

расположенное. Торговать все же предпочитали в деревянных лавках нижнего посада. Поэтому через некоторое время здание стало использоваться совсем не по назначению. В середине XVIII века там размещалась «татарская комиссия», словесный суд, тюрьма для полусотни колодников. Подвалы стояли залитыми водой. После ремонта лавки и подвалы стали сдавать внаем приезжим купцам, затем там разместили ряд губернских учреждений и первую в городе казенную аптеку. В пожаре 1788 года здание довольно сильно пострадало. При этом навсегда исчезли галереи и наружные лестницы. В конце XVIII века в гостином дворе разместились артиллерийский склад, присутственные места и часть архива. На чертежах Тобольска 1800 года бывший гостиный двор значится как Здание присутственных мест. В конце века в здании располагался распределительный пункт тобольской каторги и ссылки. С начала XX столетия по настоящее время в этих древних стенах размещается архив.

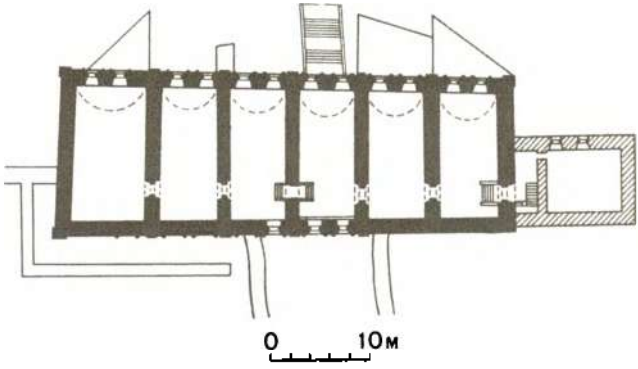
Таков «послужной список» этого здания-крепости, внешне сурового, а внутри раскрывающегося неожиданно уютным, обжитым двориком и наивно-торжественной анфиладой помещений, которым так и не суждено было стать торговыми лавками.

Еще в то время, когда кремль был деревянным, посреди Прямского взвоза, в створе северных крепостных стен, стояла проездная башня, называвшаяся Софийской. Проектируя каменный кремль, Ремезов сперва было отказался от башни над взвозом, но в последующих вариантах она у него все-таки появилась, причем примерно в том же месте, что и деревянная. При этом в процессе проектирования сама идея трансформировалась от обычной проездной башни до триумфального сооружения. Очевидно, постепенно созревшая в представлении зодчего идея крупного кремлевского ансамбля логично привела его к мысли о необходимости иметь торжественный вход на территорию кремля. Кроме того, определилось и его дополнительное утилитарное назначение — служить рентереей, то есть хранилищем пушной государственной казны. Но каковы должны быть формы этого сооружения? Ведь вплоть до середины XVII века тип общественных гражданских зданий был мало знаком русской архитектуре, которая имела дело главным образом с жильем и церквами. Гражданские здания были представлены лишь парадными государевыми палатами, монастырскими трапезными и съезжими избами. В архитектурном

Тобольский кремль. Ректерея. Начало XVIII в.

отношении эти здания напоминали собой большие, нарядные жилые хоромы. В XVII веке, когда русские строители близко познакомились с европейской гражданской архитектурой — регулярной, ордерной, — естественно возникли переходные формы, которые и были отличительной особенностью зодчества петровского времени.

Семен Ремезов, впервые столкнувшийся с европейской архитектурой в таком передовом для того времени учреждении, как Оружейная палата, безусловно, получил представление о двух основных архитектурных типах новых общественных зданий — вытянутом прямоугольном объеме с анфиладой или коридорной системой планировки (деловые государственные учреждения) и вертикальном ярусном объеме (мемориально-триумфальные сооружения). Потому-то в соответствии с принципами новой архитектуры сооружение над Прямским взвозом и было запроектировано в виде вытянутого блока, с анфиладным расположением палат, увенчанного высокой ярусной башней с шатром. Кроме того,



Тобольский кремль.
Рентерея.
План

Ремезов придал этому сооружению значение не только триумфальное, но и мемориальное, назвав его Дмитриевскими воротами, очевидно (по предположению В. Кириллова), в честь знаменательного события — вступления Ермака в Сибирскую столицу Искер 26 октября 1582 года, в день св. Дмитрия. Однако, будучи все-таки по воспитанию и убеждениям человеком XVII века, Ремезов не мог, естественно, полностью освободиться от влияния древнерусской архитектуры. Поэтому нижняя часть сооружения решена как подклет с традиционным несимметричным расположением ворот (в подклете, вероятно, размещались кладовые); продольные стены, подчиняясь ландшафтной ситуации, заметно непараллельны; каждая палата, по-старинному обособляясь, выделена на фасадах лопатками. Традиционными деталями являются также карниз с кронштейнами и оконные наличники с декоративными кокошниками. Об особенностях венчающей башни сказать ничего нельзя, ибо она выстроена не была.

Возведению Дмитриевских ворот предшествовал шестилетний перерыв в строительстве кремля, вызванный, очевидно, Северной войной. Лишь в 1712 году была заложена Вознесенская церковь, а в 1714 году Дмитриевские ворота — четвертая большая постройка Ремезова. Еще через год началось строительство крепостных стен и башен Малого города. Такая неожиданная активизация тобольской строительной деятельности в условиях, когда царским указом было запрещено каменное строительство во всех городах, кроме Петербурга, может быть объяснена не только тем значением, которое Петр I придавал сибирской столице, но и стремлением первого губернатора Сибири, князя М. П. Гагарина (губернаторство было введено в 1708 году), превратить громадную Сибирскую губернию чуть ли не в самостоятельное государство. Семь лет честолюбивый, деятельный Гагарин вел большие работы по укреплению своей столицы — Тобольска: добился разрешения на каменное строительство, с помощью пленных шведов прорыл канал, изменивший место впадения Тобола в Иртыш, открыл ремесленные мастерские, даже начал чеканить свою монету. Но в 1718 году он был вызван в Петербург, обвинен в тайных замыслах и злоупотреблениях и после трехлетнего следствия публично повешен на Васильевском острове. При этом для устрашения не велено было снимать повешенного, а когда от времени веревка перегнила, приказано было вновь вздернуть труп уже на железной цепи. Так жестоко расправился Петр I с одним из своих бывших любимцев, которого он когда-то приблизил, отдал в его ведение Сибирский приказ, сделал комендантом Москвы, а затем и губернатором Сибири. В те времена головокружительные крутые повороты судеб были не редкостью. А свидетелем этих поворотов часто оказывалась Сибирь.

Долгих пятнадцать лет провел в Тобольске один из самых интересных мыслителей и деятелей культуры XVII века Юрий Крижанич, хорват по происхождению, одержимый идеей общеславянского единства. Осуществление этой идеи он связывал с самым мощным славянским государством — Россией. Поэтому он приехал в Москву осенью 1659 года «к великому государю на его государево имя на вечную службу». Приехал, чтобы стать историком «сего царства и всего народа славенска» и летописцем царского двора. Но вместо историографии ему было поручено заняться составлением русской грамматики. Всего один год и четыре месяца проработал Юрий Крижанич в Москве. В начале 1661 года состоялся указ о его высылке в Сибирь. Точные причины ссылки неизвестны. По словам самого Крижани-

ча, виной было неосторожное слово, сказанное им «некоему господину». Все пятнадцать лет в Тобольске Крижаничу исправно платили неплохое жалованье, но никаких служебных дел ему не поручали. Но за это время он написал много сочинений (до нас дошло около десяти); закончил славянскую грамматику, переписал русскую летопись, создал свое главное произведение — «Политику», разработал грандиозный проект преобразований всех сторон русской жизни, во многом предвосхитивший реформы Петра I. Собрав материалы по истории, географии, экономике Сибири, Крижанич со временем написал «Историю Сибири». Покинуть Сибирь Крижаничу удалось лишь после смерти царя Алексея Михайловича в 1676 году. Вскоре он вообще уезжает из России. В 1683 году Юрий Крижанич погибает в борьбе славян против Османской империи.

Целых десять лет провел на каторге выдающийся естествоиспытатель, вице-президент Адмиралтейской коллегии, «конфидент» А. П. Волынского Федор Иванович Соймонов, сосланный Анной Иоанновной за близость Петру. После восшествия на престол Елизаветы Петровны Соймонов — больной, потерявший надежду каторжник — был с трудом отыскан на одном из дальних сибирских рудников, доставлен в столицу и в 1757 году назначен губернатором Сибири. Шесть лет сурово, но справедливо правил Соймонов необъятным краем, энергично выполнял указы о грамотности дворян, открыл две геодезические школы, возглавил Нерчинскую экспедицию, организованную как продолжение Камчатской экспедиции Беринга. Перу Ф. Соймонова принадлежит большой труд «История Петра I».

Оставила Сибирь свою суровую мету и в судьбе А. Н. Радищева, сосланного Екатериной II «на десятилетнее безысходное пребывание» в Илимский острог. Но среди этой «безысходности» были и относительно светлые моменты, среди которых выделяется полугодовое свободное пребывание в Тобольске на пути в Илимск. В немалой степени такое послабление, равно как и общее благожелательное отношение к первому ссыльному писателю, стало возможно благодаря вмешательству и хлопотам покровителя Радищева графа А. Р. Воронцова и его старого друга губернатора Тобольского наместничества А. В. Алябьева. В Тобольске Радищев пробыл с декабря 1790 года по 26 июля 1791 года. С ним вместе жили двое слуг — С. А. Дьяконов с женой Анастасией, бывшие крепостные, отпущенные им на свободу и добровольно решившие разделить участь изгнанника. В марте 1791 года в Тобольск к Радищеву приехала сестра его рано умершей жены Елизавета Васильевна Рубановская.

С ней прибыли и дети Александра Николаевича — Катя и Павлуша. Там же, в Тобольске, Рубановская стала женой Радищева.

Пребывание в Тобольске Радищев использовал для изучения этого города и всего сибирского края. Много времени он провел в тобольской рентерее, которая к тому времени уже превратилась в архивохранилище. Работа в архиве позволила ему составить «Описание Тобольского наместничества» и «Описание китайского торга». Уезжая из Тобольска для следования к месту ссылки, Радищев написал свое знаменитое стихотворение:

«Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду?
Я тот же, что и был и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, но человек!
Дорогу проложить, где не бывало следу,
Для борзых смельчаков и в прозе, и в стихах.
Чувствительным сердцам и истине я в страх —
В острог Илимский еду»[12].

Тобольская рентерея, известная также под названием «Шведская палата», и теперь используется как архивохранилище. Как монументальный каменный мост, замерла она между склонами Прямского взвоза, надежно и навеки соединив две части кремля — Софийский двор и Малый город. Проходя под ее крутой, давяще-тяжелой аркой, пересекаешь не один слой сибирской истории, сотканной из необозримого множества судеб когда-то живших людей, судеб разных, порой счастливых, чаще — драматичных.

Теплый храм возле кафедрального собора был заложен тобольским митрополитом Антонием II Нарожницким в 1743 году. Это событие возвестило возрождение каменного строительства в Тобольском кремле после почти тридцатилетнего перерыва. За это время многое изменилось. Давно умер Петр I. Россия пережила черное десятилетие бироновщины. Наступило время правления «веселой императрицы» Елизаветы Петровны. Сверкающий стиль барокко сменил деловито-праздничную, рациональную петровскую архитектуру. Из столицы барокко быстро распространилось по всей России, ибо соответствовало духу народного русского искусства. Повсеместное оживление культового строительства и новый архитектурный стиль не замедлили сказаться и на практике тобольского зодчества: почти одновременно в 1740-х годах шесть каменных церквей закладываются в Тобольске и все до одной — в стиле барокко.

Тобольский кремль. Покровский собор. Середина XVIII в.

Три года строился храм возле Софийского собора и был освящен во имя Антония и Феодосия — печерских чудотворцев. Постройка этой церкви положила начало еще одному процессу — постепенному уничтожению кремлевских стен. Вслед за частью западных стен, снесенных для постройки теплого храма, была разобрана и другая их часть вместе со Святыми воротами, затем (в 1775 году) уничтожено юго-западное прясло стен Софийского двора, а вскоре — все стены Малого города. Разборка стен Софийского двора завершилась в XIX веке. С утратой оборонительных функций кремль постепенно превращался в открытый городской центр. Подобные превращения естественны для каждого старого русского города. Правда, они необязательно должны сопровождаться уничтожением старого, но сам факт изменения здания или ансамбля во времени нельзя считать безоговорочно отрицательным. Только эстетика классицизма в конце XVIII — начале XIX века утверждала принципы постоянства, законченности, неизменяемости. Потому-то

здания и ансамбли классицизма, будучи завершены, не терпят каких-либо нововведений. Но вся предшествовавшая классицизму русская архитектура не обладала подобной жесткостью. Почти все древние здания за свою долгую жизнь так или иначе изменялись. Не избежал этого и храм Антония и Феодосия. Имевший поначалу двухчастную структуру (храм с апсидой и трапезная с притвором), он был расширен в 1850 году, в результате чего план получил форму латинского креста с развитым трансептом (поперечным нефом). В 1867 году на средства тобольского купца Н. Неволина был построен северный придел, а сам собор переименован в Покровский. Каменная палатка церковного притча была пристроена к южной стене храма не ранее 1840 года.

Архитектура Покровского собора очень своеобразна. Здание как бы распластано по земле и не имеет доминирующего объема: центральная глава лишь немного возвышается над крышей, конху (полукупол) апсиды венчает маленькая, почти игрушечная главка, там, где обычно помещается колокольня — восьмигранный световой фонарик (колокольня у Софийского и Покровского соборов была общая — отдельностоящая). Из-за небольшой величины глав и близкого соседства монументальнейших сооружений — холодного Софийского храма и колокольни — Покровский собор не кажется большим зданием. Но его интерьер, несмотря на приземистость помещений, создает впечатление просторности благодаря взаимосвязи через широкую арку двух сводчатых залов — продольной трапезной и поперечного храма. Среди тобольских памятников собор уникален полностью сохранившимся декоративным убранством.

Удивляет форма глав собора. Откуда пришли в Сибирь эти ярусные завершения, напоминающие и маленькие пагоды и венчания украинских церквей? И почему они все разные: над притвором — в виде трехъярусного шатра, центральное венчание напоминает двухъярусный колокол с башенкой наверху, главка над апсидой похожа на небольшую башенку с «повалом». Конкретных причин мы не узнаем, вероятно, никогда. Но несомненно, здесь проявил себя только что пришедший в Сибирь стиль барокко, несомненно активное влияние украинских традиций (собор и освящен во имя украинских святых и главы расставлены на украинский манер — по продольной оси), нельзя исключать также и восточных, азиатских традиций зодчества. «Восток и Русь», «Запад и Русь» — целые ветви, направления академических научных исследований.

Чем внимательнее знакомишься с Покровским собором, тем больше он раскрывается как произведение раннего ба-

рокко. Действительно, в соответствии с принципами европейского барокко главный, западный фасад собора как бы приставлен к остальному объему. К тому же этот фасад завершается «католическими» щипцовыми фронтонами с башенками по углам. Но в то же время барочное решение главного фасада совмещается с древнерусскими, статично решенными поверхностями остальных стен, оживленных лишь карнизом да наличниками, тоже, кстати, древнерусскими. Эта разнохарактерность фасадов — еще одна интересная черта Покровского собора, сооружения, возвестившего приход в Сибирь нового архитектурного стиля — барокко.

Архиерейский дом можно назвать «блуждающим» — четыре предыдущих его здания, сменяя друг друга, возникали в разных местах Софийского двора и затем бесследно исчезали. Последнее, пятое по счету, было закончено в 1775 году. Большое трехэтажное здание разместилось южнее Покровского собора, параллельно рентерее и бровке Троицкого мыса, и сразу внесло новый и весьма отчетливый элемент регулярности в композицию кремлевского ансамбля. В этом проявилось веяние времени: в 1760-х годах в столице быстро утверждается классицизм и начинает работать «Комиссия о строении Санкт-Петербурга и Москвы», занимавшаяся регулированием застройки и составлением планов русских городов. В Сибири идеи нового градостроительства начал проводить в жизнь губернатор Денис Иванович Чичерин, сменивший в 1763 году Ф. Соймонова. При Чичерине был составлен и утвержден план Тобольска, принимались строгие меры к его безусловному выполнению. Неудивительно поэтому, что архиерейский дом был построен по проекту, присланному из Петербурга, и явился первым сибирским гражданским зданием, выполненным в стиле классицизма.

Тобольский архиерейский дом представляет собой прямоугольный объем с чуть крепованной (выступающей) центральной частью и полукруглой апсидой домовой церкви на восточном фасаде. Простые удлиненных пропорций окна, широкие пилястры, межоконные филенки, профилированный венчающий карниз, «дощатый» руст первого этажа — все эти классицистические детали создают архитектурный образ здания спокойного, представительного. Большой широкий балкон с балюстрадой, покоящийся на двух квадратных колоннах, приветливо, хотя достаточно торжественно, выделяет главный вход.

Из вестибюля на второй этаж ведет красивая лестница с мраморными ступенями и ажурными литыми перилами. Два изящных чугунных столба поддерживают ее. Наиболее

Тобольский кремль.
Архиерейский дом.
Конец XVIII в.
Справа — Покровский собор

импозантен второй этаж с анфиладой комнат, предназначавшихся для приемов. Среди залов выделяется помещение домовой церкви с хорами, большим камином, декоративной лепниной и каннелированными пилястрами ионического ордера на стенах. Из окон полукруглой апсиды виден архиерейский сад, зубцы крепостных стен, дальние башни. В саду среди кустов сирени белеется каменная беседка. На переднем плане — недавно восстановленная небольшая квадратная колоколенка с золоченым шпилем, построенная в конце 1860-х годов для знаменитого угличского колокола, который в 1593 году после убийства царевича Дмитрия набатом призывал горожан к возмущению, за что по приказу Годунова был бит плетьми и с урезанным языком сослан в Тобольск. Лишь через триста лет, в 1892 году, колокол отправили обратно в Углич.

Архиерейский дом стал своеобразным памятником строительной деятельности губернатора Чичерина, восемнадцать лет правившего Сибирью.

Понимая значение архитектуры в деле укрепления власти, Чичерин форсировал сооружение представительного архиерейского дома: через год после поражения пугачевцев это здание уже было завершено. Новые архитектурные формы, столичный масштаб и внушительность резиденции высшего духовенства Сибири решительно повлияли на облик главного сибирского города. Это здание сохранилось до наших дней почти без изменений: пострадав в «большом пожаре» 1788 года, оно было восстановлено в первоначальном виде. В 1925 году в бывший архиерейский дом был переведен краеведческий музей — один из старейших и самых богатых в Сибири. Музей сейчас стал центром большой научно-исследовательской работы и просветительства в области.

После пугачевского восстания в общем русле реформ Екатерины II правительством была проведена реформа органов местного самоуправления, в результате чего в Сибири образовалось три наместничества — Тобольское, Иркутское и Колыванское. В связи с этим в Тобольске за полтора года до официального открытия наместничества срочным порядком начинают сооружать резиденцию наместника — трехэтажное каменное здание со службами. Дворец был построен на месте обветшавшей уже ремезовской Приказной палаты, которая вошла в этот дворец как его составная часть. На плане первого этажа эта вставка четко выделяется своими толстыми стенами. Старые крепостные стены, примыкавшие к Приказной палате, пришлось снести.

Тобольское наместничество было открыто 30 августа 1782 года.

Пожар 1788 года оставил от Наместнического дворца только стены. Преемник первого сибирского наместника Кашкина А. В. Алябьев (отец известного композитора) вынужден был поселиться в сохранившемся каменном доме «под горой». Процедуры приемов, и без того им упрощенные, пришлось еще больше упростить.

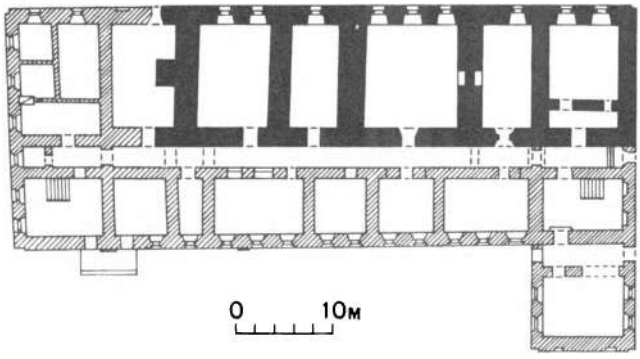
Почти полвека дворец стоял в развалинах. Только в 1831 году он был восстановлен, но уже в измененном виде, по проекту петербургского архитектора Давида Висконти. К этому времени наместничество было уже давно упразднено, Тобольск опять стал губернским городом, поэтому здание было отдано под губернские присутственные места. В первом этаже разместились канцелярия губернского прокурора и окружное казначейство с кладовыми, во втором — губернский совет и губернское правление, в третьем — казенная палата. В губернском правлении с 1830-х по 1856 год в раз-

Тобольский кремль. Здание бывш. губернских присутственных мест (дворец наместника). XIX в.

ное время служили декабристы. Александр Михайлович Муравьев все время ссылки проработал там канцелярским служащим «без содержания», а Иван Александрович Анненков и Петр Николаевич Свистунов, начав с должности канцеляриста правления, перешли потом на другие должности: Свистунов был определен письмоводителем губернского статистического комитета, Анненков — в экспедицию, приказ о ссыльных, затем заседателем в приказе общественного призрения. Занимался Иван Александрович строительством и благоустройством, охраной исторических памятников, вопросами быта горожан. Много полезного для города и своих друзей-декабристов сделал Степан Михайлович Семенов, который с 1843 года до самой своей смерти в 1854 году служил советником губернского правления, дослужившись к концу жизни до статского советника.

Архитектура здания присутственных мест на первый взгляд чересчур проста — ни пилястр, ни колонн, ни наличников. Типичное административное здание позднего класси-

цизма. Но внимательно знакомясь с ним, начинаешь понимать некоторые тонкости архитектурного решения, свидетельствующие о мастерстве зодчего. Так, например, оба главных фасада — северный и южный — решены как будто почти одинаково (рустовка цокольного этажа, единый ритм окон и их размер, общие венчающий и междуэтажный карнизы), но в то же время различно. Южный фасад, который воспринимается на большом расстоянии с нижнего города, решен более силуэтно — с треугольным фронтоном и окнами, лишенными каких-либо декоративных деталей (их все равно не было бы видно издалека). Северный же фасад, обращенный на кремлевскую площадь и потому воспринимаемый вблизи, увенчан более интимным ступенчатым фронтоном и тактично декорирован подоконными полочками на кронштейнах. Такое решение не нарушает официальности архитектуры, но в то же время делает ее более сомасштабной человеку. Это еще одно доказательство того, что классицизм, не раз обвиненный в излишней нормиро-



Тобольский кремль. Здание бывш. губернских присутственных мест. План (черным выделены стены Приказной палаты)

ванности и абстрактности, на самом деле позволял очень точно и тонко формировать конкретный архитектурный образ. И секрет здесь не только в тех возможностях, которые предоставляли ордерные архитектурные формы, но и в тех, которые были следствием градостроительного мастерства зодчих классицизма. Не явился исключением и Наместнический дворец в Тобольске. Он очень удачно поставлен. Всякое иное положение не обеспечило бы главному в городе зданию необходимой представительности, а южному фасаду кремля — цельности и композиционной уравновешенности. Ведь ко времени закладки дворца уже существовал трехэтажный архиерейский дом и этому большому протяженному зданию явно требовался «ответ» на другой стороне взвоза. Постройка дворца и явилась следствием этого градостроительного требования. Оба здания создали своеобразные кулисы гигантской сцены, подножием которой служит шестидесятиметровый откос Троицкого мыса. Крепостные же стены и башни на фоне значительно переросших их зда

ний — если опять воспользоваться театральной терминологией — превратились в «передний план» у самой рампы.

Невозможно представить себе панораму Тобольского кремля без соборной колокольни. На семьдесят пять метров поднялась она над Троицким мысом, объединив вокруг себя все, что составляет понятие кремль: здания, такие же белые, как она сама, ленту крепостных стен, башни и павильоны, купола и крыши, крутизну склонов и зелень архиерейского сада. Не сразу приобрела колокольня современный вид. Можно сказать, что она росла вместе с кремлем. Первоначально, когда кремль еще не был столь большим, когда еще не было архиерейского дома и Наместнического дворца, колокольня была ниже ростом, массивнее и стояла по другую сторону Софийского собора. Эта первая в Сибири каменная колокольня была построена на месте деревянной одновременно с собором в 1683—1685 годах. Строили ее, как и собор, каменщики В. Ларионова. Невысокая одноярусная колокольня, простояв чуть больше века, рухнула 2 августа 1794 года. В аварийное состояние она приходила постепенно, поэтому еще в 1784—1786 годах были отпущены деньги на строительство новой колокольни, выбрано место для нее и заложен фундамент. Проект и смету составил первый губернский архитектор поручик архитектурии Александр Гучев. Это имя должно быть вписано в историю Тобольска после имени Ремезова — настолько велико влияние активной восьмилетней (с 1782 по 1790 год) деятельности Гучева на формирование города. Более полувека Тобольск развивался по генплану, разработанному Гучевым и «конфирмованному» Екатериной II в 1784 году. Под его руководством восстанавливался Тобольск после опустошительного пожара 1788 года. Правда, колокольню ему самому строить не пришлось, так как начало ее возведения затянулось до 1791 года, а к этому времени Гучев, согласно новому назначению, уже работал в Ярославском наместничестве, где вскоре скончался.

Колокольню по проекту Гучева начал строить Петр Савин под наблюдением опытного строителя игумена Маргарита. Но, очевидно, шестилетний перерыв в строительстве сказался на качестве фундаментов: 10 июля 1792 года колокольня, доведенная в высоту до одиннадцати сажен, обрушилась. Пришлось начать сбор пожертвований на строительство новой колокольни. Третья каменная соборная колокольня была заложена в 1794 году южнее рухнувшей. Строителем опять был назначен Савин, а руководителем строительства стал «правящий архитекторскую должность» уездный землемер Федор Уткин, прошедший до этого хорошую школу

у Гучева и успешно продолжавший начатое Гучевым строительство послепожарного Тобольска. Он же составил смету и выбрал новое место для колокольни.

Три года строилась колокольня. В ходе строительства были приняты дополнительные меры по обеспечению ее устойчивости — увеличен и укреплен железными связями фундамент, стены выложены толще, чем предусмотрено по проекту, вместо решеток между столбами устроены глухие каменные стенки. Получилось монументальное, прочное сооружение, до сих пор не поддавшееся разрушающему влиянию времени. Когда-то на двух ее ярусах звона висело пятнадцать колоколов, из них один — самый большой в Сибири — весил 1011 пудов. В 1809 году на колокольне появились куранты, изготовленные верхотурским ямщиком Ильей Баяновым.

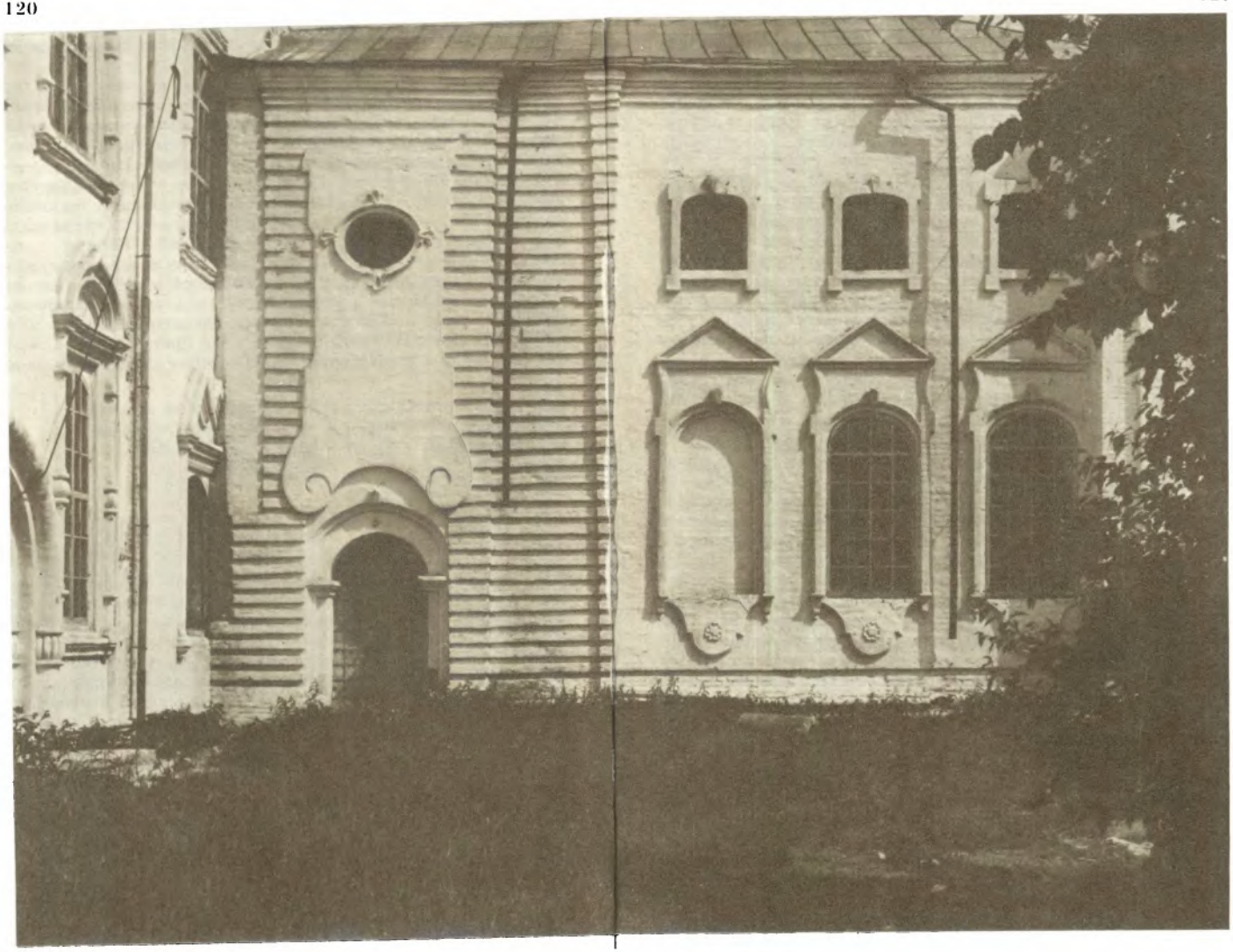
Не много найдется в России колоколен, подобных тобольской. И дело не только в ее высоте, а главным образом в удивительной монолитности объема. Это действительно «каменный столп», лишь прорезанный арками звона. Возможно,

Тобольский кремль.
Соборная колокольня.
Конец XVIII в.
←

Тобольский кремль.
Соборная ризница.
Конец XVIII в.
→

здесь сказались те изменения, которые внес Уткин в проект Гучева. Даже на большом расстоянии заметно, насколько архитектурный масштаб колокольни крупнее масштаба всех окружающих зданий. А с территории Софийского двора становится видно, что крупность членений зрительно уменьшает как высоту самой колокольни, так и высоту рядом стоящих соборов и ризницы. Этот эффект масштабного несоответствия не может быть поставлен в вину строителям колокольни — высокие сооружения в этом отношении не всегда получались даже у столичных архитекторов-профессионалов. А в данном случае укрупненность масштаба колокольни помогла решить важную архитектурно-градостроительную задачу — соединить две составные части нагорного ансамбля.

Каменный столп тобольской колокольни увенчан восьмигранным куполом с декоративной башенкой на нем. Эта легкая башенка по контрасту выявляет монументальность всех четырех ярусов колокольни — поставленных друг на



друга четвериков. Наиболее монументален первый ярус, выполненный в виде глухого объема с одним лишь проемом. Чуть выступающие из стен широкие и плоские пилястры, а также плотная рустовка углов усиливают впечатление монолитности всей этой каменной массы, но в то же время избавляют ее от грузности. Несокрушимая мощь и стройность формы! Только дисциплина эстетики классицизма позволяла создать столь противоречивое единство. А как красиво и просто, применив лишь высоко поднятые над землей фронтоны, зодчий связал второй ярус с первым! Третий ярус, продолжая ненавязчивое облегчение масс по вертикали, имеет чистые, нерустованные углы и сдвоенные пилястры нарядного коринфского ордера. Четвертый, совсем невысокий ярус логично завершает всю композицию и позволяет так же логично и красиво перейти к куполу. Этот купол, упругий, как будто наполненный ветром, уже почти два века господствует над Тобольском. Глядишь на него, запрокинув голову, и не хочется называть его куполом. Да, это не просто купольная конструкция, это глава! Главная часть сооружения, ради которой оно часто и строилось. В русском языке нашлось очень точное и выразительное слово для формы, которая призвана была соединять небо и землю. Купола в русской архитектуре с самого начала получили такую мощную идеологическую нагрузку, что почти никогда не применялись утилитарно, просто как конструкция. Купола всегда венчали сооружения, выставлялись «напоказ». Отсюда — поражающее многообразие купольных завершений и их обязательная силуэтность, причем настолько активная, что во всем арсенале форм русского зодчества, силуэтном по природе своей, не найдется формы, более сильно воздействующей своим абрисом, чем глава. Вот и в столице Сибири силуэт городского ядра создан не только прямоугольниками зданий, но и шатрами боевых башен, многоярусными главами Покровской церкви, барочными вычурными куполами Софийского собора. И над всем этим хороводом — благородный темно-зеленый купол белой соборной колокольни.

В 1796 году, когда строительство колокольни подходило к концу, начали надстраивать (и перестраивать) одноэтажное здание ризницы, построенное в середине XVIII века на месте Святых ворот с часовней Сергия Радонежского. Новое здание должно было соединить собор с колокольней. Но через два года строительные работы были прекращены, здание стало использоваться для хранения оружия и знамен,

а с 1840 года было превращено в соборную ризницу — одно из богатейших в России хранилищ древностей и церковных сокровищ.

Кто автор проекта ризницы? Вряд ли им был Федор Уткин, строивший в то время колокольню, так как ризница сооружена в стиле барокко. Сторонникам четкой периодизации стилей, очевидно, покажется странным и нехарактерным тот факт, что одновременно и рядом строилось два здания в разных стилях. Однако странного в этом ничего нет: резкая смена стилей в столице лишь подчеркивала естественную размытость границ стилей на всей необъятной территории России. Постоянство, статичность образа жизни в провинции рождали такое же постоянство эстетических критериев. В этих условиях новый стиль, пришедший из столицы, еще долгое время воспринимался не как требование отказа от старых эстетических норм, а просто как дополнительная возможность обогащения предметных форм. Потому-то, очевидно, и стало возможным в Тобольске появление барочного общественного здания в разгар эпохи классицизма. Тем более что вполне мог повлиять и декор первоначального здания.

Здание ризницы без сомнения можно назвать самым нарядным зданием всего кремля. Стиль барокко, давно угасший в столице, проявился здесь с неожиданной силой и свежестью. Особенно декоративен западный фасад с его своеобразным трехчастным членением. Вход выделен занявшей чуть не полстены «дощатой» рустовкой и большим плоским картушем с овальным окном, торец сильно крепован выступом брандмауэра — торцевой, без проемов, стены здания, служащей противопожарной преградой, а оставшееся поле стены насыщено оконными проемами со сложными наличниками. При таком обилии членений и деталей небольшой по площади фасад мог бы оказаться измельченным, раздробленным. Однако этого не произошло. Напротив, фасад решен крупно, уверенно, с ясным соподчинением главного и второстепенного, что делает его достойным спутником такой громады, как южный фасад Софийского собора.

Восточный фасад ризницы решен более сдержанно, и объяснить эту сдержанность можно только одним — стремлением архитектурно объединить восточные фасады ризницы, собора и первого яруса колокольни. Первоначальный замысел ризницы-перехода требовал такого объединения. Архитектурное чутье заставило строителей ризницы подчинить ритм и характер наличников ее окон окнам соборных апсид, углы и пилястры ризницы сделать рустованными по образцу колокольни, сохранить большое чистое поле стены

для связи с такими же большими плоскостями стен собора и колокольни. В результате сооружение, хотя и незавершенное, получило значение очень важного компонента кремлевского ансамбля.

Планировка каждого этажа ризницы решена по двухпалатной системе, хотя вполне возможно, что первоначальный замысел в соответствии с традициями барокко предполагал анфиладу помещений. Каждая палата перекрыта коробовым сводом. Интерьеры производят впечатление цельности и монументальности, а ритм больших распалубков над окнами смягчает несколько суровый, несвойственный стилю барокко облик палат. По сути дела, здесь можно говорить о совмещении древнерусского характера интерьеров с барочными фасадами. И это придает еще большее своеобразие одному из интереснейших зданий Тобольского кремля.

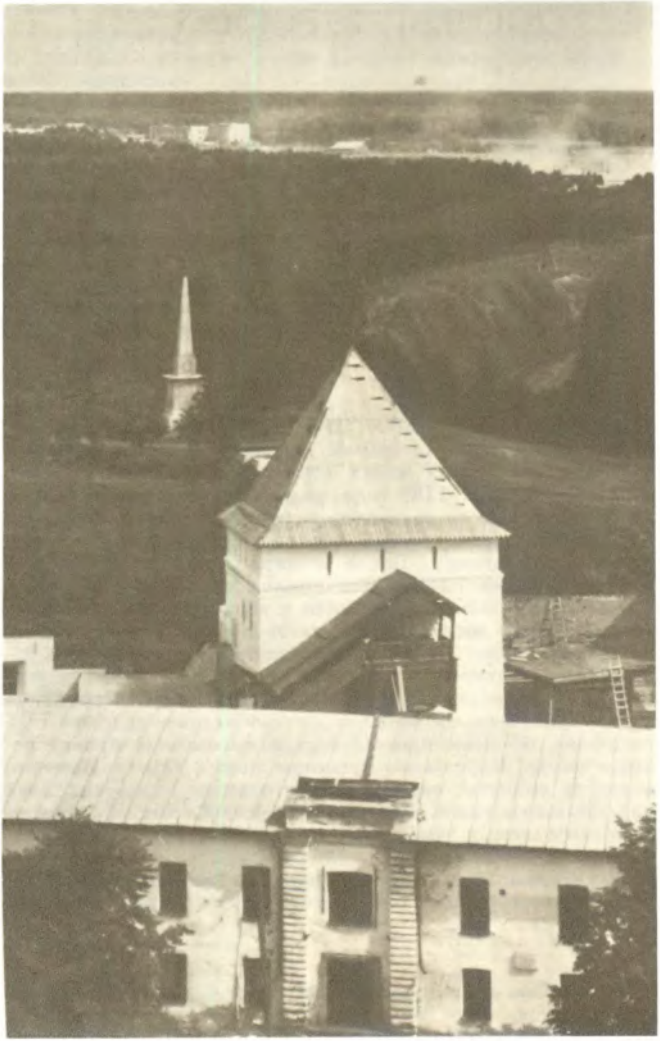
4.Тобольск-город

Кто хочет видеть нечто прекрасное
в натуре, тот поезжай в Тобольск...

«Сибирский вестник», 1818 г.

ПАНОРАМА ВЕРХНЕГО ГОРОДА. В истории каждого города есть события, которыми, как вехами, эта история отмечается. Одним из таких событий для Тобольска стал «большой пожар» 1788 года, разделивший историю города на допожарную и послепожарную. До пожара Тобольск, как любой древнерусский город, имел свободную живописную планировку. После пожара город строился уже по регулярному плану. Подчинился прямоугольной сетке улиц нижний город. Изменился и верхний город, но лишь частично: вся восточная его часть до сих пор по-старинному живописна. Этот массив застройки можно назвать достопримечательностью верхнего города. Не менее важно понять и ту роль, которую играет ландшафт в нагорной части Тобольска. Бесконечно разнообразные видовые перспективы, возникающие благодаря изрезанной бровке долины речки Курдюмки, просторы левого берега Иртыша, колючие силуэты пихт и остроугольных сибирских елей над крышами домов и, наконец, видимый отовсюду кремль, куполами своими замыкающий практически все перспективы, — все это делает верхний город неповторимым, заманчиво-интересным независимо даже от качества самой застройки, хотя немало здесь исторических и архитектурных памятников.

Знакомство с верхним городом лучше всего начать с ключевого места — от памятника Ермаку на мысе Чукман. Этот высокий, почти треугольный в плане мыс отделен



от кремля Никольским взвозом — главной дорогой, связывающей нижний город с верхним. Лог, по которому проходит взвоз, был расчищен и приспособлен для конного подъема лишь в 1824 году. А через четырнадцать лет на вершине мыса Чукман, над взвозом, был поставлен памятник Ермаку.

Распоряжение о строительстве памятника было дано Николаем I. В течение нескольких лет на одном из уральских заводов изготовлялся мраморный обелиск по проекту академика архитектуры А. П. Брюллова. Одновременно велась подготовка территории. Были снесены стоявшие на мысу дома, инженер Шмидт сделал планировку участка, разбил аллеи. Целый год потребовался инженеру путей сообщения Биркину для того, чтобы собрать и установить памятник. Открытие монумента «Покорителю Сибири Ермаку» состоялось 23 августа 1838 года. Монумент представляет собой типичный для того времени четырехгранный обелиск, установленный на высоком цоколе. На вершине мыса Чукман шестнадцатиметровое сооружение не кажется большим,

Тобольск.
Вид на памятник Ермаку
←

Тобольск.
Памятник Ермаку. 1838
→

но центричность и четкая геометричность форм выделяют его из окружающего пространства. Стоя около монумента, ощущаешь себя в центре исторической круговой панорамы. Под ногами — неподвижный распластанный нижний город, справа, на другой стороне Никольского взвоза, — сказочно-картинный кремль, сзади — ведущая в глубь мыса старая аллея, а слева — почти дикая природа, поросшие лесом крутые склоны поймы речки Курдюмки. Традиционные чугунные цепи вокруг памятника мягко, но прочно «привязывают» его к земле.

Невдалеке от памятника Ермаку — распластанная по земле плита с красной звездой. Это памятник тоболякам, павшим в борьбе за Советскую власть во время кулацко-эсеровского мятежа. Кровавый мятеж, о возможности которого предупреждал Ленин, с начала 1921 года охватил огромную территорию от Казахстана до Ямала. В феврале «повстанческая армия» захватила Тобольск. Советская власть была отменена. Началась жестокая расправа с коммунистами

и сторонниками Советской власти. Однако уже 8 апреля город был освобожден группой красноармейцев и активистов из Тауры. В жестоких боях был убит видный партийный деятель двадцатидвухлетний комиссар Александр Семаков.

Возле входа в Сад Ермака стоит нарядное, но перегруженное деталями здание бывшего губернского музея (ныне Дом пионеров). Идея создания этого музея возникла в период общественного подъема в России в 1860-х годах, когда необходимость просвещения народа стала утверждаться активными действиями революционных демократов и народников. На волне этого подъема 8 апреля 1870 года в Тобольске и был основан первый в Сибири музей, сразу получивший краеведческий характер. Первые два десятилетия музей существовал при губернском статистическом комитете. Неприспособленность и недостаток помещений заставили комитет объявить сбор средств для строительства отдельного музейного здания. Из четырех представленных проектов комитет отобрал проект архитектора П. П. Аплечеева. 4 июня 1887 года, во время празднования трехсотлетия города, состоялась закладка здания, а 25 сентября 1888 года законченное строительством здание было освящено. В 1908 году к зданию было пристроено три больших зала.

Усилиями энтузиастов — основателя музея редактора «Тобольских губернских ведомостей» И. Н. Юшкова, музейного хранителя, губернского агронома Н. Л. Скалозубова и других — тобольский музей стал важным культурным центром Сибири. В 1910 году музеем была организована большая экспедиция на север, с 1915 года стал выходить «Ежегодник». Но этой благородной научно-просветительной миссии музея не отвечала архитектура здания, больше похожего на провинциальный вокзал. Измельченность и сухость всех архитектурных деталей привели к тому, что здание, расположенное на очень видном месте, на одной из главных городских площадей, почти незаметно на фоне разросшихся деревьев. Это сооружение — еще один пример того, как «художественная» архитектура второй половины XIX века нередко теряла главное — крупную, градостроительно значимую форму.

Рядом со зданием бывшего музея до 1984 года стоял памятник Дмитрию Ивановичу Менделееву (в год полуторавекового юбилея ученого памятник был заменен другим и установлен в другом месте, ближе к новым районам города).

С Тобольском связаны детские и отроческие годы великого химика. Родился он 27 января 1834 года последним, четырнадцатым ребенком в семье директора тобольской гимназии Ивана Павловича Менделеева, человека передовых взглядов, получившего столичное образование. Иван Павлович ввел много новшеств в педагогический процесс, таких, например, как коллективные воскресные чтения произведений русских и зарубежных писателей, а также сочинений самих гимназистов. Друзьями дома Менделеевых были Ершовы и ссыльные декабристы Анненков, Басаргин, Муравьев, Фонвизин. Хозяйка дома Мария Дмитриевна (внучка первого сибирского типографа купца Корнильева) была женщиной умной и энергичной. В трудные годы, когда Иван Павлович потерял зрение и не мог работать, она одна управляла стекольным заводом Корнильевых в деревне Аремзянке, что в двадцати пяти верстах от Тобольска. Возможно, на этом заводе и получил будущий химик первые впечатления от тайны превращения вещества.

Операция вернула зрение Ивану Павловичу, и в 1839 году семья Менделеевых опять переезжает из Аремзянки в Тобольск, где через два года Дмитрий поступает в гимназию. В 1847 году умер Иван Павлович, за ним — его старшая дочь. Другие братья и сестры разъехались, большая семья распалась. В 1849 году Дмитрий закончил гимназию (в числе лучших учеников) и уехал с матерью в Москву, затем в Петербург, где его в 1850 году приняли в Главный педагогический университет.

Посетить родной город Д. И. Менделееву удалось только через полвека, в 1899 году, когда он возглавлял экспедицию по изучению уральской железной промышленности. Неделя, проведенная в Тобольске, не только оживила в нем теплые воспоминания, но и позволила прозорливо предсказать будущую экономическую мощь угасавшего в то время города. Обосновывая необходимость железной дороги на Тобольск, Менделеев писал в официальном отчете: «...тут исторически и самой природой скоплены судьбы всей Западной Сибири»[13]. Современный промышленный расцвет Тобольска подтверждает слова великого ученого.

К Дому пионеров подходит крутой Казачий взвоз, а чуть далее начинаются Малая и Большая Сибирская улицы, которые, непрерывно изгибаясь, пересекают большой массив деревянной застройки с сохранившейся допожарной планировкой. Бесконечное множество неожиданно раскрывающихся видовых перспектив — главная привлекатель-

Тобольск.
Малая Сибирская улица

ная черта этого «средневекового» района. Особенно красивы виды через овраг Казачьего взвоза на мыс Чукман и кремль. Соединяясь в каком-то закономерном беспорядке, обелиск Ермаку, соборная колокольня, купола Софии, кроны деревьев образуют картины такой поэтической силы, что невольно замираешь, боясь вспугнуть эту красоту. Здесь всегда тихо — и зимой, когда идешь по узким протоптанным дорожкам между высоченными сугробами, и летом, когда деревянные мостки, сплошь поросшие травой, заглушают, топят в себе звук шагов.

Малая Сибирская улица в конце своем раскрывается неопределенной формы площадью с каменной Петропавловской церковью посредине. Это типичный для древнерусской архитектуры прием — ставить церковь посреди площади. Такой постановкой не только подчеркивалась архитектурная и идеологическая значимость культового здания, но и обогащалось пространство площади, которое, оставаясь единым, в то же время становилось более разнообразным.

Тобольск.
Церковь Петра и Павла.
1760-е гг.

В старом Тобольске все церкви имели подобное «островное» расположение, но после «урегулирования» они очутились на угловых участках улиц. Однако церкви верхнего города, в том числе и Петропавловская, остались внутри кварталов.

Своеобразие Петропавловской церкви еще и в том, что она — единственная в Тобольске с явно выраженными чертами классицизма. Заложена она была на месте сгоревшего деревянного храма в 1768 году, когда волна «тобольского барокко», оставившая городу более десятка церквей и столько же гражданских зданий, быстро шла на убыль. Эта волна поначалу захватила и архитектуру Петропавловской церкви, но на завершающем этапе строительства, отделенного от начала двумя десятилетиями, проявил себя классицизм. Во внешнем облике колокольни, возведенной после 1807 года, нет даже следов барокко.

Строили Петропавловскую церковь, скорее всего, тоболяки — слишком уж явно наличники окон и форма глав напоминают соответствующие детали тобольских барочных

Тобольск.
Дом декабриста
М. А. Фонвизина

церквей. Типичны и архитектурные конструкции — восьмигранные сомкнутые своды глав, конховое покрытие апсид, цилиндрические и лотковые своды остальных покрытий. В интерьере пространство раскрывается последовательно, по мере движения к алтарю. При этом очень выразителен контраст трапезной с приделами и вертикального трехсветного объема собственно храма.

Близ Петропавловской церкви, врезаясь даже в охранную зону памятника, расположилась новая гостиница «Тобол» — красивое типовое здание, облицованное светлым кирпичом. Главный вход ее обращен на улицу Октябрьскую (бывшую Петропавловскую). Прогулка по этой улице в сторону кремля дарит знакомством с домом, где жил на поселении декабрист Михаил Александрович Фонвизин с женой Натальей Дмитриевной.

Этот когда-то богатый деревянный дом с мезонином, рубленный на старый манер в обло-чашу, был куплен Фонвизиным через несколько лет после прибытия на поселе-

ние в Тобольск. Позади осталось шестилетнее поселение в далеком Енисейске и шестилетняя каторга в Чите. Почти все это время Фонвизины были вместе: Наталья Дмитриевна приехала к мужу в Читинский острог в 1828 году, оставив в Москве на попечении родственников малолетних сыновей. О подвиге жен декабристов много написано, но, когда стоишь около дома одной из тех одиннадцати женщин, которые разделили сибирское изгнание своих мужей, этот подвиг воспринимается как судьба живого, конкретного человека. Это об этих одиннадцати сказал поэт Вяземский: «Дай бог хоть им искупить гнусность нашего века. Спасибо женщинам: они дадут несколько прекрасных строк нашей истории»[14]. Наталья Дмитриевна Фонвизина вошла в историю еще и тем, что послужила прототипом пушкинской Татьяны в «Евгении Онегине».

Сразу же по приезде Фонвизиных в Тобольск вокруг них образовался небольшой кружок интеллигенции, деятельность которого облегчалась тем, что жена генерал-губернатора Сибири князя П. Д. Горчакова была двоюродной сестрой Натальи Дмитриевны. В фонвизинский кружок входили поэт П. П. Ершов и единственный в то время в городе декабрист Н. А. Чижов (1800—1848), бывший моряк, вступивший в тайное общество за месяц до восстания. Сам М. А. Фонвизин (1788—1854) — племянник автора «Недоросля», генерал-майор, участник многих битв Отечественной войны, в том числе Бородинской, стоял у истоков декабризма и прошел все этапы его развития: был членом Союза спасения, Союза Благоденствия, Северного общества.

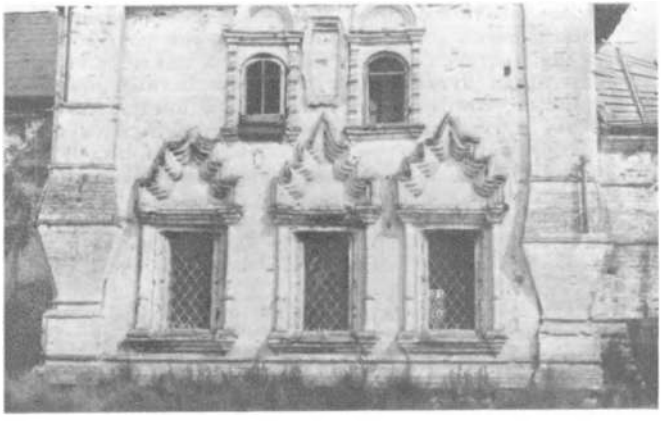
По прибытии в Тобольск других декабристов жизнь в доме Фонвизиных еще более оживилась. У них бывали П. С. Бобрищев-Пушкин, И. А. Анненков, А. М. Муравьев, Ф. Б. Вольф, П. Н. Свистунов, А. П. Барятинский, В. И. Штейнгель, В. К. Кюхельбекер. Посещали дом Фонвизиных и члены ялуторовской колонии декабристов — И. И. Пущин, И. Д. Якушкин, А. В. Ентальцев, Н. В. Басаргин. Дом Фонвизиных превратился в важный центр культурной жизни Тобольска. На почти ежедневных вечерах и встречах проводились дискуссии по политическим и философским вопросам. Библиотека, которую собрал Фонвизин, стала первой публичной библиотекой в городе. Большую общественную работу вела Наталья Дмитриевна вместе с Анненковой и Муравьевой. Их заботу ощущали ссыльные революционеры петрашевцы и польские повстанцы. Тепло отзывался о них Ф. М. Достоевский: «Ссыльные старого времени (т. е. не они, а жены их) заботились о нас, как о родне. Что за чудные души, испытанные 25-летним горем и самоотвержением!»[15]

В своем тобольском доме Михаил Александрович много работал, писал воспоминания, сочинения по истории и философии, составил проект постепенной ликвидации крепостного права путем превращения крепостных крестьян в обязанных. Этот проект, который он представил правительству в виде двух записок, предвосхитил появление государственного указа об обязанных крестьянах. В других работах Фонвизин выступал за введение в России «системы фермерства» и политического устройства по образцу английского парламента. Идеализм Фонвизина ярко проявился в его философском проекте «О социализме и коммунизме», где утверждалось, что в конечном итоге социализм превратится в христианство.

В феврале 1853 года Фонвизин получил разрешение покинуть Сибирь и в апреле выехал из Тобольска. Перед отъездом он приехал в Ялуторовск попрощаться с друзьями. Низким поклоном поблагодарил он Ивана Дмитриевича Якушкина за то, что в молодости тот принял его в тайное общество. Всего год прожил Михаил Александрович на родине, в своем подмосковном имении Марьино. Весной 1854 года в Тобольск пришла весть о его кончине.

Окна мезонина фонвизинского дома выходят на улицу Войкова (бывшую Ульяна Ремезова). Когда-то перспективу этой улицы обогащали две церкви — Ильинская (1751—1762), стоявшая на территории женского монастыря (на углу современной улицы Клары Цеткин), и Спасская (1709—1713), располагавшаяся ближе к берегу Иртыша. Ильинской церкви уже давно нет, а Спасская полуразрушена (сохранился лишь первый ярус), но красота этой древнейшей приходской церкви Тобольска видна даже в современном ее состоянии.

Спасская церковь — четвертая кирпичная приходская церковь города (три первые не сохранились). Деревянный храм на этом месте появился в 1587 году, когда завершилось строительство первого острога и первой тобольской церкви — Троицкой — на территории Малого города. На колокольне Спасской церкви некоторое время висел Угличский колокол, сосланный в 1593 году в Тобольск Борисом Годуновым. Первым сибирским митрополитом Филофеем Лещинским возле восстановленной после пожара деревянной церкви была заложена каменная, выстроенная «тщанием купца С. Третьякова». Во второй половине XVIII века к ее западному фасаду пристроена колокольня. В 1772 и 1791 годах сооружены два придела.



Тобольск.
Спасская церковь.
Начало XVIII в.
Фрагмент южного фасада

Если признать существование особого «тобольского барокко» (термин введен Б. П. Денике в 1919 году и используется современными исследователями), то в числе первых примеров этого направления в архитектуре нужно назвать Спасскую церковь. Монументальность, крупность деталей, сочность декора — все это в ней выражено с подкупающей наглядностью и откровенностью. Конечно, термин «барокко» в данном случае можно применять с известной условностью, только как выражение повышенной декоративности стен. Но сами стены (в отличие от столичного барокко) в Спасской церкви по-средневековому статичны, декор лишь «наложен» на стену, не трансформируя ее в «пульсирующую» массу. Общая статичность и массивность объемов церкви подчеркнута трапециевидной формой апсид и громоздкими угловыми лопатками с древнерусскими бочкообразными утолщениями в их нижней части. Фасады четверика напоминают фасады русских теремов с их небольшими окнами светелок наверху и больши-

ми нарядными окнами нижнего этажа. Многолепестковые «пламенеющие» навершия наличников Спасской церкви широко распространились в западносибирском зодчестве XVIII века, хотя мы не можем утверждать, что в этом здании они были применены впервые: точно такой же декор и такие же лопатки с утолщениями были в тюменском Троицком соборе, который сооружался одновременно со Спасской церковью каменщиками тобольского мастера Матвея Максимова. Логично предположить, что тобольская церковь строилась под руководством того же мастера.

Внутреннее пространство церкви оставляет впечатление простора и внушительности. Из тесного, низкого притвора попадаешь в квадратную, перекрытую цилиндрическим сводом трапезную, а из нее — в пространство собственно храма, вытянутое поперек главной оси церкви. Три глубоких предалтарных отсека обогащают это пространство. Лишившиеся штукатурки стены демонстрируют кирпичную кладку, и это усиливает суровость интерьеров.

В 1844 году в Спасской церкви состоялась панихида в память декабриста Александра Петровича Барятинского, отбывавшего в Тобольске ссылку с 1839 года. Умер он в тюремной больнице, куда вынужден был лечь из-за полного отсутствия средств на лечение. Тринадцатилетняя каторга в Чите и Петровском заводе лишила его здоровья и возвращался он оттуда, по свидетельству П. С. Бобрищева-Пушкина, «полумертвым и без денег». Пять лет поселения в Тобольске были годами постепенного угасания некогда одного из самых решительных и последовательных сторонников революционных действий, активного деятеля Южного общества, близкого друга и единомышленника П. И. Пестеля. За месяц до восстания штаб-ротмистр лейб-гвардии гусарского полка, адъютант главнокомандующего 2-й армией князь А. П. Барятинский стал руководителем Тульчинской управы Южного общества. На следствии он не скрывал своих взглядов, хотя на вопросы о деятельности Общества давал весьма туманные ответы. Отправляясь на каторгу, он взял с собой книгу своих стихов, которая вышла в Москве в 1824 году на французском языке. Суровая жизнь каторжанина не убила в нем поэтического дарования, как не лишила его убеждений воинствующего атеиста. В стихотворении «О Боге» Барятинский писал:

«Познай историю и естества уставы —
И скажешь наконец, что для его же славы,
Коль волею его мир обречен страдать, —
И был бы бог, его должны мы отрицать!»[16]

Похоронили Барятинского друзья-декабристы. Его имущество, оцененное на сумму 11 рублей 3 копейки, поступило в доход государства.

Знакомство с нагорным Тобольском лучше всего продолжить, направляясь от Спасской церкви по улице Клары Цеткин к старой границе города — бывшему земляному валу. Эта часть улицы застроена в основном зданиями конца XIX века и более поздними, вплоть до современных. Вдоль оплывшего уже вала проходит ныне улица Красноармейская. За валом начинается территория бывшего Зáвального предместья с большим зеленым массивом кладбища, расположенного между трактом и берегом Иртыша. Это тобольский некрополь — место захоронения людей, составивших славу не только города, но и России. Здесь А. Н. Радищев похоронил свою жену Е. Рубановскую. Здесь же могилы поэта П. П. Ершова и других известных людей. Из четырнадцати декабристов, отбывавших ссылку в Тобольске, семеро так и не увидели больше родных мест и похоронены друзьями здесь, на Зáвальном кладбище. Семь могил по обе стороны главной кладбищенской аллеи образовали своеобразную колонию: породнившиеся общим делом, каторгой и ссылкой, декабристы и после смерти были друг возле друга. Низкая литая оградка объединяет могилы С. М. Семенова, А. М. Муравьева и его дочери Лиды, Ф. В. Вольфа, Ф. М. Башмакова. Такой же оградой по другую сторону аллеи обнесены могилы С. Г. Краснокутского, В. К. Кюхельбекера, А. П. Барятинского. Вокруг стоят вековые березы, липы, ели, монументом высится большая каменная церковь Семи отроков. Тишина. Неподвижность. Время остановилось над этими священными могилами.

Самые большие и красивые надгробия над могилами А. М. Муравьева (1802—1853) и Ф. В. Вольфа (1795—1854). Одинаковость форм надгробий (высокие кресты на мощных постаментах) символизирует нераздучность этих двух людей, вместе прошедших каторгу, иркутскую и тобольскую ссылки. Рядом с могилой Муравьева — надгробная плита Степана Михайловича Семенова (1789—1852). Умный, широкообразованный разночинец, признанный вожак молодежи в Московском университете, убежденный противник самодержавия и крепостничества, Семенов с самого начала примкнул к тайному движению: был членом Священной артели и Союза спасения, состоял одним из руководителей Союза благоденствия. Юридическая

компетентность и осторожность на следствии помогли ему избежать каторги. Он был выслан в Омск «для употребления на службу» без лишения чинов. В Омске Семенов сразу проявил себя, ему даже поручили сопровождать известного натуралиста барона Александра Гумбольдта в его поездке по Западной Сибири. Однако высказанный Николаю I похвальный отзыв об учености Степана Михайловича имел следствием немедленный перевод Семенова в глухой Туринск. Восемь лет проработал Семенов канцелярским служителем в туринском окружном суде. Лишь в 1838 году ему было разрешено переехать в Тобольск, где он сразу был назначен столоначальником одного из отделений Главного управления Западной Сибири. Тяжелые испытания и длительная изоляция усилили его осторожность и замкнутость, но не лишили свойственных ему отзывчивости и доброжелательности, а тем более безупречной честности и неподкупности. Сначала в Тобольске, а затем в Омске, куда в 1839 году переехало Главное управление, Семенов помогал решать вопросы декабристов и местных жителей, постоянно боролся с лихоимством. В 1843 году Степан Михайлович вернулся в Тобольск, где и проработал последние девять лет своей жизни в губернском правлении, дослужившись до статского советника.

Человеческие судьбы всех декабристов оказались драматичны, а иные даже трагичны. Стоя у их могил, думаешь, какими были эти люди в жизни, как они любили, веселились, грустили, мечтали, как они росли и как принимали те главные решения, в которых так нуждался общественный прогресс, но путь к которым так резко перевернул их собственные судьбы. Л. Толстой писал: «Освободили крестьян не Александр II, а Радищев, Новиков, декабристы. Декабристы принесли себя в жертву»[17]. Эта сознательная самоотверженность ставит в один героический ряд и руководителя движения и рядового декабриста. Под скромной надгробной плитой покоится прах одного из таких рядовых декабристов, члена Южного общества Флегонта Мироновича Башмакова (1775—1859). Почти пятидесятилетним вступил он в тайное общество, имея за плечами богатейший военный опыт (он участвовал в итальянском походе Суворова, в войнах с Турцией и Швецией, в битвах Отечественной войны, служил на Кавказе и Украине). Как велика должна быть гражданская активность человека, который после тридцати лет военных опасностей и невзгод не успокоился, а связал свою жизнь с освободительным движением! Суд лишил его дворянского звания и приговорил к пожизненному поселению. Двадцать три года провел Баш-

маков в Туре и Кургане, и только в 1851 году, когда ему было уже 76 лет, он получил возможность поселиться в Тобольске. Через три года пришло разрешение покинуть Сибирь, но он не решился на переезд и остался доживать свои дни в Тобольске.

Могилы Краснокутского, Кюхельбекера и Барятинского имеют одинаковые надгробия в виде наклонных прямоугольных плит с литыми чугунными досками на них. Эта скромность и «солдатская» одинаковость трогают до глубины души: ведь каждый из похороненных здесь был личностью яркой, незаурядной. Семен Григорьевич Краснокутский — участник войны 1812 года, обер-прокурор сената, действительный статский советник — принадлежал к Южному обществу и был приговорен к двадцатилетнему поселению в Сибири. Витимская, а затем минусинская ссылки подорвали здоровье декабриста. Разбитого параличом, его перевезли в Красноярск, где он прожил девять лет, а затем — в Тобольск. Забота и внимание товарищей скра-

Тобольск.
Надгробия
на могилах декабристов
А. М. Муравьева
и Ф. Б. Вольфа
→

сили последние дни Краснокутского. Он умер в начале 1840 года.

Так же кратковременно и так же скорбно было пребывание в Тобольске Вильгельма Карловича Кюхельбекера (1797—1846) — близкого друга Пушкина и Грибоедова, одного из самых яростных сторонников крутых мер в борьбе с самодержавием. На Сенатскую площадь он пришел с оружием, стрелял в великого князя Михаила Павловича и генерала Воинова, пытался собрать и повести в штыки солдат, рассеянных залпами. После поражения восстания бежал в Польшу, но в Варшаве отдался властям, чувствуя невозможность отделить свою судьбу от судьбы своих товарищей-революционеров. Его приговорили к отсечению головы, но затем казнь заменили тюремным заключением и ссылкой. Около десяти лет провел он в одиночных камерах в кандалах и наручниках, а затем был переправлен на поселение в забайкальский городок Баргузин к младшему брату Михаилу, отбывавшему там с семьей ссылку. Однако

радость освобождения из казематов вскоре сменилась горьким разочарованием. К тому времени он был уже болен, не мог работать физически, а положение нахлебника тяготило его, честного и беспощадного к себе человека. В 1837 году он женился на дочери баргузинского почтмейстера Дросиде Ивановне, несколько воспрянул духом, вновь начал хлопотать о разрешении печатать свои стихи, но жизнь продолжала наносить ему удар за ударом. Прогрессирует туберкулез, слабеет зрение. В 1840 году Кюхельбекеры переезжают в Акшу, а в 1844 году — в Курган. Однако состояние здоровья Вильгельма Карловича все ухудшается, и он начинает хлопотать о переводе в Тобольск. Но даже и в эти тяжелейшие дни он продолжает писать стихи. В его дневнике появляется стихотворение «Участь русских поэтов», где есть горькие строки:

«Бог дал огонь их сердцу, свет уму.
Да! чувства в них восторженны и пылки:
Что ж? их бросают в черную тюрьму,
Морят морозом безнадежной ссылки...»[18].

Одно из своих последних стихотворений Кюхельбекер написал в январе 1846 года и посвятил его памяти Якубовича:

«Он был из первых в стае той орлиной,
Которой ведь и я принадлежал...»[19].

7 марта 1846 года Кюхельбекер с семьей прибыл в Тобольск. По дороге снова, как и на пути в Курган, он навестил Пущина в Ялуторовске и продиктовал ему свое литературное завещание. В Тобольске Кюхельбекера окружили заботой его друзья, поэт П. Ершов много и постоянно читал ему, из Ялуторовска приехал к нему Пущин. Там же, в Тобольске, Кюхельбекер с радостью узнал, что его статья «О терминологии русской грамматики» была опубликована журналом «Отечественные записки».

Между тем здоровье ссыльного декабриста резко ухудшалось. 11 июня 1846 года он написал последнее письмо В. А. Жуковскому. Через два месяца Кюхельбекер умер. Похоронить себя он просил между могил Краснокутского и Барятинского. Декабристы на руках отнесли его на Зáвальное кладбище.

Рядом с могилами декабристов стоит церковь Семи отроков эфесских. Построена она была в 1776 году «тщанием и иждивением» сибирского губернатора Д. И. Чичерина гео-

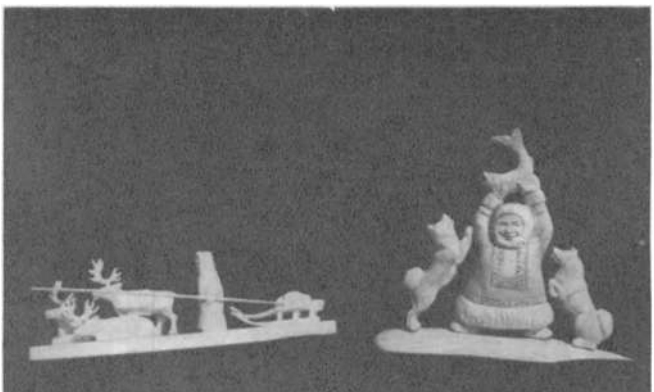
Тобольск.
Церковь
Семи отроков эфесских.
1776

дезии сержантом Андреем Абариным. Церковь сооружена троечастной, причем единственный — северный — придел, выстроенный в XIX веке, связан с трапезной лишь дверным проемом. В собственно храм попадаешь, лишь пройдя анфиладу трех тесных помещений — притвора, первого яруса колокольни и трапезной. Пространство храма невелико, но высота помещений и закругленные углы придают ему монументальность и значительность. Все перекрытия — плоские, лишь ярусы колокольни имеют цилиндрические своды. Архитектура церкви несет в себе черты переходного от барокко к классицизму периода — трехъярусная приземистая колокольня классицистически декорирована лишь профилированными карнизами и угловыми пилястрами, зато восьмерик собственно храма увенчан барочным фонариком на восьмигранном куполе, все углы его отмечены сдвоенными рустованными креповками, окна имеют барочные наличники. Однако в целом облик здания довольно скромен, как и подобает кладбищенским церквам.

Церковь Семи отроков — последняя приходская церковь Тобольска. Вместе с подгорной Захарьевской церковью она завершает сорокалетний период расцвета культового зодчества в Тобольске. Слава Тобольска как архитектурной жемчужины Сибири была бы невозможна без этого всплеска каменного храмового строительства 1740—1770-х годов, который обеспечил кремлю, дотоле одинокому в море деревянной застройки, необходимую поддержку и развитие в верхней и нижней частях города.

К востоку от Завального кладбища, в новом микрорайоне, расположена знаменитая косторезная фабрика. История ее возникновения и развития неотделима от истории косторезного промысла — одного из древнейших на Руси. Еще в X—XV веках косторезные мастерские наряду с ювелирными существовали в Киеве, Новгороде, Рязани. «Резьба руссов» славилась далеко за пределами Руси. Изображения в кости крупных животных, особенно из моржовых клыков («рыбьего зуба»), ценились наряду с коваными седлами и мехами. Поначалу из кости изготовляли отделку для оружия и предметы домашнего обихода; позднее появились костяные иконки и кресты. В XVI—XVII веках центром косторезного промысла становятся Холмогоры, где постепенно складывается своеобразная художественная школа. Преобладание ажурной и рельефной декоративной резьбы «на проем» и почти полное отсутствие круглой скульптуры стали характерной особенностью этой школы.

В XVII веке русские переселенцы организовали косторезный промысел в Тобольске. Этому способствовало обилие мамонтовой кости в Западной Сибири и знакомство с резьбой сибирских аборигенов. Не исключено, что на зарождение косторезного промысла здесь отчасти повлияли и пленные шведы. До конца XVIII века тобольские мастера изготовляли из кости украшения для оружия, пороховницы, табакерки, гребни, шкатулки. Затем появляется круглая скульптура. Очевидно, в этом сказалось влияние искусства аборигенов, которые из кости и дерева резали фигурки тотемных животных. В 1860-х годах увлекся резьбой по кости известный сибирский художник, воспитанник декабристов М. С. Знаменский, который много сделал для превращения косторезного ремесла в искусство, причем тяготеющее к критическому реализму. Под влиянием Знаменского занялся резьбой ссыльный польский революционер Игнатий Пляпас. Знаменитый тобольский косторез П. Г. Терентьев первую школу тоже прошел у Знаменского.



Тобольская резная кость. 1980

В 1872 году тобольский землемер, знаток археологии и этнографии И. Е. Овешков открыл косторезную мастерскую, несколько позже получившую название Сибирской. После того как изделия мастерской побывали на Екатеринбургской выставке (1887), заказы в Тобольск стали поступать из крупнейших городов России. Поэтому появилось еще несколько мастерских, в том числе и самая большая «Образцовая сибирская мастерская», организованная в 1893 году приехавшей из Петербурга Ю. И. Мельгуновой. Изделия тобольских мастерских были отмечены на выставках в Петербурге, Казани, Курске, Нижнем Новгороде. Именно в то время и сформировался окончательно стиль тобольского косторезного искусства — точная, детально проработанная реалистическая круглая скульптура, отличающаяся мягкой моделировкой, строгим отбором форм при общей «станковой» их трактовке, преобладанием жанровых композиций северной тематики. В отличие от холмогорской школы, где всегда превалировали декоративно-прикладные изделия и

кость превращалась в легкое ажурное кружево, тобольские косторезы создавали в основном настольную миниатюрную скульптуру, сохраняя при этом плотность и весомость кости, искусно выявляя ее структуру шлифовкой и полировкой.

К началу первой мировой войны тобольский косторезный промысел, так и не получивший официальной поддержки, практически угас. Лишь в 1929 году четыре старейших тобольских резчика организовали при артели «Кустарь» косторезный цех, который после Великой Отечественной войны перерос в фабрику. Возродилась былая слава тобольских мастеров. Изделия усложнились, стали преобладать многофигурные композиции, но прежние художественные принципы и традиции сохранились, хотя форма стала трактоваться более обобщенно, «плотно». По сути дела, современными тобольскими косторезами создан своеобразный национальный эпос — целая северная нация стала героем искусства изящной костяной скульптуры. Косторезное искусство распространилось и за пределы Тобольска. В Тюмени, например, очень интересно работают бывшие тобольяки Н. Распопов и В. Русаев.

Современная тобольская косторезная школа получила всеобщее признание. Работы этой школы хранятся во многих музеях мира, не раз демонстрировались на международных и всесоюзных выставках.

Прорезав микрорайоны нового строительства, нагорный тракт продолжает свой бег вдоль крутого правого берега Иртыша, по все той же громадной Алафейской горе. На восьмом километре, после деревни Защитино, дорога сбегает вниз. Кончается Алафейская гора, а справа все еще высится большой холм. Это Сузгун-Тура — бывшее татарское поселение, когда-то хорошо укрепленное (еще сохранились следы подковообразного вала), где, по преданию, жила красавица Сузге — любимая жена Кучума. Поэт П. П. Ершов, увлеченно изучавший историю Сибири, в 1837 году написал большую поэму «Сузге». В поэме не было привычной для исторической литературы того времени сусальности, поэтому Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин отказались ее печатать. Лишь через два года поэма была опубликована П. А. Плетневым в «Современнике» и заслужила сочувственный отклик В. Г. Белинского.

После Сузгун-Туры тракт проходит уже по нижней пойменной террасе, рассекая зону строящегося тобольского неф-

Тобольск.
Железнодорожный вокзал.
1974

текомплекса. Но господствует здесь все же не индустриальный пейзаж, а величественная, поросшая лесом стена пойменного обрыва верхней террасы.

Конечный пункт нашего путешествия по нагорному Тобольску — железнодорожный вокзал, построенный в 1974 году по проекту новосибирских специалистов. Композиционная схема здания не нова — вытянутый вдоль платформы объем пассажирских помещений с врезанным в него многоэтажным блоком гостиницы. Однако образное решение здания интересно и заслуживает внимания, так как кроме привычных уже настенных панно художественным элементом является и складчатое большепролетное покрытие зала, с торцов трактованное как символические палатки первопроходцев. Этот прием заставляет задуматься о его правомерности. Стремление превратить инженерную конструкцию в образную архитектурную форму было всегда присуще зодчеству. Знаменитый греческий античный ордер или конструкция готических соборов являют нам примеры подоб-

ной синтетичности и образности. Другую линию развития представляют архитектурные формы, копирующие формы окружающего мира. Эта линия развития дает художественные результаты только в том случае, когда формы для подражания уже давно и устойчиво осмыслены эстетическим сознанием общества как художественные или хотя бы символические (так возникли коринфская капитель-букет, лотосовидные колонны Египта и другие архитектурные элементы). Современной архитектуре, закономерно отказавшейся от традиционной образности и символичности, приходится часто (и вынужденно, из-за отсутствия единого архитектурного языка) идти этим вторым путем и превращать «повседневные» формы окружающего мира в архитектурные символы. В русле этих исканий и находится, очевидно, архитектура тобольского вокзала. Плодотворность этого пути не бесспорна, ее нужно еще доказать, но сделать это способно только время, значительная историческая дистанция.

Об архитектуре тобольского вокзала трудно составить окончательное мнение еще и потому, что вокруг него пока нет соответствующего окружения: здание кажется случайно выросшим прямо посреди глухой тайги. До старого города отсюда очень далеко, а новый сюда еще не подошел. Но строительство ведется высокими темпами, и недалеко то время, когда Тобольск превратится в большой город с населением, в четыре раза превышающим современную его численность. В связи с сооружением гигантского нефтехимического комплекса Тобольск переживает свое третье рождение. Сбываются слова Д. Менделеева, предвидевшего расцвет родного города. Сейчас к проектированию нового Тобольска привлечены тридцать специализированных институтов, на строительство отпущены очень большие средства. Но и проблем немало. Одна из важнейших — взаимосвязь новой и старой застройки. Ленгипрогор, разработавший генплан города, решил эту проблему просто, даже, пожалуй, слишком просто: новый общественный центр Тобольска располагается в нагорной части, значительно севернее кремля, и композиционно с ним никак не связан. При этом весь старый центр объявлен охранной зоной с запрещением там строительства. Все как будто хорошо, история сохраняется, но настораживает разобщенность, отсутствие органичной связи между старым и новым городом, что противоречит традициям русского градостроительства и, следовательно, идеям преемственности развития городов. Поэтому представляется, что новый центр Тобольска должен развиваться из исторически сложившегося ядра. Главная сложность та-

кого подхода — добиться того, чтобы старый центр органично и естественно вошел в новую структуру. При этом должно произойти эмоциональное обогащение как исторического ядра (оно не замрет в своем развитии, чего никогда не происходило в старых русских городах), так и новой застройки, в силу своей аскетичности безусловно нуждающейся в поддержке исторической архитектурой.

НИЖНИЙ ГОРОД. Самый древний путь в Тобольск — речной. Пройдя Туру и Тобол, суда по главной дуге Иртыша спускались вниз по реке к причалу. Здесь же, невдалеке от берега, гудела, волновалась базарная площадь. Сейчас водным путем прибывают лишь теплоходы местных и северных линий.

Красив Тобольск с воды. Издалека, от самого устья Тобола, над горизонтом встает кремль. По мере приближения он все растет, разворачивается, насыщается белым цветом... Темным ковром расстилается перед ним нижний город, прорезанный силуэтами церквей, окаймленный высокой стеной желто-зеленого обрыва.

Прямо от пристани дорога круто идет вверх. Поднимаясь по ней, можно сразу попасть в центр нижнего города. Но лучше начать знакомство с городом с прибрежной зоны и направиться от пристани вправо, вдоль красивой речушки Абрамовки, к бывшему Знаменскому монастырю.

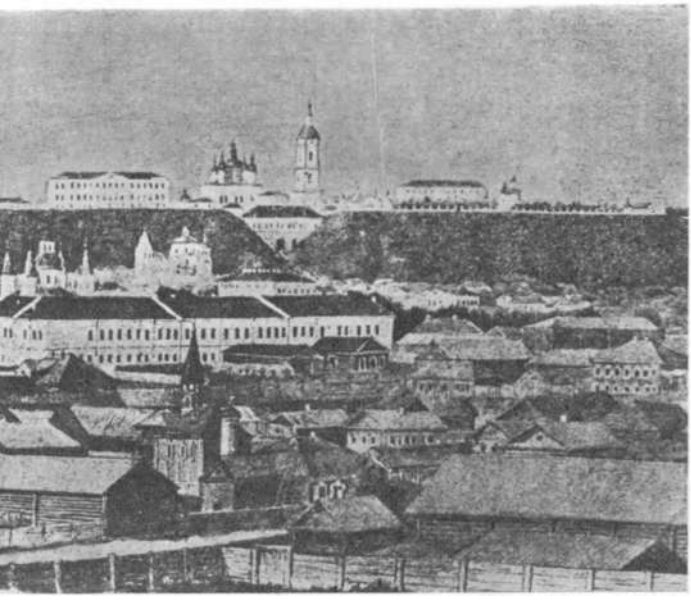
Тобольский Знаменский мужской монастырь — самый древний в Сибири. Он был основан в 1596 году и находился первоначально за Иртышом, близ устья Тобола. В 1610 году монастырь был переведен к верхнему посаду, а в 1623 году по воле архиепископа Киприана занял свое современное положение в подгорной части (в его старых нагорных постройках разместился женский монастырь). Таким образом, в первой четверти XVII века сложилась характерная для сибирских приречных городов структура Тобольска в виде вытянутой вдоль берега цепочки: монастырь — нижний посад — кремль — верхний посад — второй монастырь.

Деревянный Знаменский монастырь два раза горел. В 1685 году, почти одновременно с Софийским собором, была заложена в монастыре каменная Спасо-Преображенская церковь (не сохранилась); в 1730 году в северо-западном углу монастыря для монахов и настоятеля начали строить большой двухэтажный корпус, к восточному торцу которого через тридцать лет была пристроена двухэтажная церковь; в 1768 году к западной стене монастыря была при-

Тобольский Знаменский монастырь. Акварель худ. М. Знаменского. Середина XIX в.

строена сорокаметровая колокольня, от которой сохранилась лишь часть четверика. С 1770 года монастырь стал постепенно превращаться в главный культовый учебный центр Сибири. Сюда с Софийского двора была переведена славяно-латинская школа, преобразованная в семинарию. В первой четверти XIX века для семинарии было построено два здания, которые в 1870-х годах были включены в большой новый семинарский корпус. Проект этого здания прислали из Петербурга. «Столичный» размах, сдержанный, суховатый декор периода угасания классицизма особенно удивительны здесь, на дальней окраине Тобольска, среди подступающих вплотную одноэтажных деревянных зданий.

За много лет в семинарии собралась великолепная библиотека. Вплоть до 1920-х годов в ней хранилось, например, Евангелие, изданное Иваном Федоровым в Остроге у князя Константина Константиновича. Выпускниками семинарии были Мирович — поручик, попытавшийся в 1764 году освободить Иоанна Антоновича из Шлиссельбургской кре-



ности, и Петр Андреевич Словцов (Слонцов) - известный исследователь Сибири, друг Михаила Сперанского, человек передовых взглядов, много сделавший для просвещения народа. С тобольской семинарией связана и деятельность декабриста Фердинанда Богдановича Вольфа — бывшего штаб-лекаря 2-й армии, члена Южного общества, соратника Пестеля по Тульчинской управе Союза благоденствия. В Тобольск Вольф был переведен лишь в 1845 году, когда позади остались девять лет каторги и десять лет поселения под Иркутском. И везде за ним укреплялась слава бескорыстного отзывчивого человека, отличного врача. В тобольской семинарии Вольф читал лекции по гигиене; в последние годы жизни бесплатно выполнял обязанности врача тюремного замка. Сотни людей пришли в декабре 1854 года на похороны любимого всеми человека.

С 1880-х годов семинария стала одним из центров общественного движения в Тобольске. Еще в 1884 году здесь возникла нелегальная ученическая библиотека, в которой

Речка Абрамовка в Тобольске

Тобольск. Резьба на жилом доме. Начало XX в.

→

были работы Маркса, Энгельса, Добролюбова. В 1889 году в семинарии был раскрыт политический кружок, а в 1907 году сложился один из самых ранних социал-демократических кружков Тобольска (разгромлен в 1908 году). 23 марта 1917 года в здании состоялось объединенное заседание Совдепов, созданных в Тобольске после февральской революции.

Речка Абрамовка, близ которой стоял Знаменский монастырь, весной широко разливается, и вода вплотную подходит к домам, а в иные годы и затапливает их. С Большого Абрамовского моста открываются дальние панорамы. Здесь Тобольск напоминает большое приречное село с бесчисленными лодками на берегу, сходнями, растущими из воды кустами. На левом берегу Абрамовки сохранился большой массив старой деревянной застройки с характерными двухэтажными бревенчатыми домами, украшенны-

Тобольск.
Крестовоздвиженская церковь. 1770-е гг.
←

Тобольск.
Крестовоздвиженская церковь.
Интерьер. 1770-е гг.

ми фронтонами и резными подкарнизными фризами. В отличие от Тюмени в Тобольске почти не применяется для украшения домов глухая объемная резьба; преобладает пропильная, «на проем», резьба. Чрезвычайно распространены в Тобольске плоские резные кронштейны, поддерживающие карниз. Крупный ритм этих карнизов очень красиво венчает мощные плоскости бревенчатых стен, а фигурные водосточные трубы и ленты деревянных кружев под свесом кровли придают этим домам лиричность. Подобное сочетание мужественной сдержанности и нарядности есть, несомненно, результат длительной эволюции деревянного зодчества в Тобольске.

Осматривая этот район старого Тобольска, непременно выйдешь к Крестовоздвиженской церкви. Ее легкая колокольня, увенчанная шпилем — единственным сейчас в городе, — видна издалека и отовсюду. Стоит она, подобно на-

горной Петропавловской церкви, посреди небольшой площади, окруженная деревянными домами. Первые дома здесь появились в середине XVII века, и тогда же, в 1652 году, была построена деревянная церковь. В 1743 году она сгорела, но сразу же была отстроена вновь, а через десять лет невдалеке от нее заложили каменный храм. Купцы братья Медведевы пожертвовали храму искусственный холм, который они возвели посреди низкой болотистой поймы речки Покровки для собственного дома. На этом холме и построили большую двухэтажную церковь. Нижний храм был освящен в 1761 году, верхний — через десять лет. Церковь строилась на средства прихожан, денег не хватало, поэтому колокольня оставалась деревянной до 1779 года. Через несколько лет церковь приобрела законченный вид, но вскоре начался бесконечный, типичный для всех русских храмов процесс переделок и изменений. Появился северный придел, двухэтажный притвор с широкой, почти дворцовой лестницей на второй этаж, красивая ограда с домиком церковно-приходской школы. Интерьер верхнего храма в 1789 году был украшен алебастровыми изображениями и живописью. Этот интерьер почти полностью сохранился: красивый, под восьмигранным сомкнутым сводом просторный зал, прекрасно освещенный, украшен совершенно светским по характеру лепным декором. Хорошо прорисованные алебастровые «занавеси», растительный орнамент, розетки, гирлянды — все это выглядит очень необычно в храме, вставшем особняком на дальней окраине Тобольска.

Сейчас церковь пятиглава (причем главы расставлены широко). Но по архивным источникам известно, что церковь венчалась девятиглавием: еще четыре маленькие главки располагались над каждым из фронтонов четверика.

Крестовоздвиженская церковь — одиннадцатый каменный храм Тобольска. К этому времени барокко здесь совершило свой естественный круг развития от форм массивных и лаконичных к формам изысканно-легким, даже вычурным. Исчезла ясно видимая прежде статика и массивность стен. Первый этаж Крестовоздвиженской церкви еще несет в себе следы раннего барокко: окна там украшены знакомыми нам по Софийскому и Спасскому храмам многолепестковыми кокошниками. Но второй этаж, а особенно колокольня уже полностью соответствуют новой эстетике — для их архитектурного решения характерны легкость, устремленность вверх, светский характер декора, «игривые» фронтончики, необычное завершение коло-

кольни — шпиль с «перехватом» в основании. Эти новые формы были подхвачены и развиты в построенной чуть позже церкви Захария и Елизаветы, после чего влияние утверждающегося классицизма внесло наконец свои «успокаивающие» черты в архитектурное барокко Тобольска.

Крестовоздвиженская церковь — дальняя, но не последняя церковь нижнего города. Южнее ее, в бывшей казачьей слободе, стоит Андреевская церковь. Ее деревянная предшественница была построена в 1646 году, а в 1744 году купец А. Сумкин на ее месте поставил небольшой каменный «сруб». Через десять лет храм был надстроен, а в 1759 году достроена трапезная, придел и сооружена колокольня, которая в 1806 году из-за трещин была разобрана и заменена меньшей. В 1818 году возвели каменную церковную ограду.

В отличие от Крестовоздвиженской церкви Андреевская демонстрирует ранний этап тобольского барокко — массивный кубический объем четверика увенчан высоким куполом со световым фонариком. «Круглые» фронтоны с четырехлепестковыми люкарнами и уплощенным декором наличников не уменьшают значения массивных стен. Так как церковь строилась в несколько этапов, то четыре ее основных объема — храм, трапезная, придел и колокольня — соединились друг с другом свободно и бесхитростно. Даже алтарный выступ (двухапсидный) разместился асимметрично. Классицистический портик главного входа, несколько неожиданный здесь, дает почувствовать, насколько изменились архитектурные вкусы за шесть десятилетий.

Лаконичные мощные формы Андреевской церкви производят особенное впечатление здесь, в тихом предместье бывшей столицы Сибири.

Недалеко от Андреевской церкви, на улице Семакова, стоит дом (№ 65), в котором с 1845 года до самой своей смерти жил ссыльный декабрист Александр Михайлович Муравьев со своим другом Ф. Б. Вольфом. Будучи членом тайного общества, Муравьев поначалу принадлежал к республиканцам, а затем — к сторонникам умеренных действий. Его брат Никита Муравьев входил в инициативную группу по созданию Северного общества и являлся крупнейшим идеологом декабристского движения, хотя его «Конституция», значительно более умеренная, чем «Русская правда» Пестеля, не являлась основной платформой общества. Обоих братьев сослали на каторжные работы, а с 1836 года поселили в селе Урике под Иркут-

Тобольск.
Андреевская церковь.
Середина XVIII в.

ском. Туда же был определен и Вольф. В 1845 году декабристам разрешили переехать в Тобольск, но к тому времени их осталось только двое: Никита Муравьев умер в Урике.

В Тобольске Александр Муравьев был определен канцелярским служителем «без содержания» в общее губернское правление. Как человек, воспитанный на высоких гражданских идеалах, Муравьев много сделал для улучшения работы аппарата губернской власти, а также явился одним из инициаторов создания в городе первого женского учебного заведения. После его открытия он стал одним из его руководителей, провел большую работу по демократизации училища, которое ему удалось сделать общедоступным. Александр Михайлович организовал также театральную группу в Тобольске, ставил спектакли, проводил литературные вечера. Его кипучая деятельность была поддержана и другими декабристами. Тот след, который оставили декабристы в Тобольске, — еще одно доказательство, что декабризм не кончился 14 декабря 1825 го-

Тобольск.
Дом декабриста
А. М. Муравьева

да, как принято было считать долгое время. Последние исследования выявили множество новых аспектов темы «Декабристы и Сибирь». Сибирский край в этой теме рассматривается уже не только как место наказания и страданий декабристов, но и как арена их дальнейшей деятельности и развития демократической мысли сперва в рамках просветительства (1830—1840-е годы), а затем в области поисков справедливого решения аграрного вопроса (1840—1850-е годы). Лишь 1861 год можно считать завершающим последний этап декабризма.

От дома Муравьева направимся по одной из главных магистралей нижнего города — улице Мира (бывшая Пятницкая) — в центр подгорного Тобольска, к Базарной площади. Перспективу улицы замыкает мягкий абрис церкви Захария и Елизаветы, а над нею — силуэт кремля. Два века назад этой улицы не существовало, как не существова-

Тобольск.
Пятницкая церковь.
1760-е гг.

ло и всех других современных улиц нижнего города до «большого пожара» 1788 года, когда возникла реальная возможность осуществить прямоугольную планировку в Тобольске. Сохранившиеся каменные церкви явились своеобразными вехами при трассировке новых улиц и таким образом получили возможность восприниматься с дальних перспектив. Впрочем, они к этому были готовы, ибо силуэтность русского культового зодчества в Сибири никоим образом не угасла.

Улица Мира нешироκая, застроенная одно-двухэтажными домами (в большинстве своем деревянными), очень лирична, хотя и достаточно монументальна, особенно в своем начале. Немало на ней интересных зданий.

В дальнем конце улицы стоит Пятницкая церковь, давшая первоначальное название улице. Эта церковь похожа на Крестовоздвиженскую — обе построены трехчастными, двухэтажными, с почти идентичными первыми этажами. Но в Пятницкой церкви, заложенной через год пос-

ле закладки Крестовоздвиженского храма, в решении второго этажа неожиданно активно проявилось влияние классицизма: плоские пилястры расчертили фасады, декор наличников сдержан и упрощен, имеет ордерный характер. Простой междуэтажный карниз, в отличие от широкого пояса Крестовоздвиженской церкви, разделяет оба этажа.

В Пятницкой церкви сейчас разместились тобольские реставрационные мастерские — единственные на всю область. Главное внимание тобольские реставраторы уделяют кремлю, и их руками сделано немало — восстановлены кремлевские стены, башни, позолочены купола Софийского собора, восстановлена колокольня Угличского колокола и домик садовника. Одновременно реставрируется несколько церквей в Тобольске и Тюмени. На очереди — городские гражданские объекты, малые архитектурные формы, участки старого мощения улиц. Особо стоит задача консервации и реставрации деревянных зданий.

Невдалеке от Пятницкой церкви, на правой (восточной) стороне улицы, стоит сказочно-нарядный одноэтажный дом с таким же нарядным крестообразным мезонином. Как и везде в Тобольске, здесь применена в основном пропильная резьба и плоские кронштейны. Широкий резной подкарнизный фриз и фронтоны мезонина создают такое мощное завершение бревенчатого сруба-пятистенка, что даже резные наличники окон не могут состязаться с ним по силе воздействия.

На той же стороне улицы, но несколько дальше, в разрыве между домами неожиданно возникает белая вертикаль колокольни. За ней, как будто прячась, — широкий восьмигранный купол. Это Рождественская церковь — единственная сохранившаяся из трех тобольских церквей с основным объемом типа «восьмерик на четверике». Заложена она была одновременно с Андреевской церковью в 1744 году и, очевидно, поэтому имеет некоторые сходные с ней общие принципы объемного построения: широкую трапезную, которая в холодное время служила зимней церковью, свободную, живописную компоновку объемов, столпообразную колокольню в виде двухъярусного восьмерика на четверике, полную подчиненность декора массе стен. Но при всем этом оба храма значительно отличаются друг от друга способами венчания четвериков, формами апсид. Широкая трехчастная трапезная Рождественской церкви первоначальна, а в Андреевской церкви боковой придел трапезной пристроен позже. Более того,

Тобольск.
Мезонин дома на ул. Мира

Рождественская церковь более стройна благодаря восьмерику храма. Однако эта стройность, удивительным образом сочетающаяся с массивностью, плотностью объемов, не сразу воспринимается, ибо, оказавшись с конца XVIII века уже не в центре площади, а на углу двух небольших улиц и позже тесно обстроенная зданиями, Рождественская церковь утратила прежнее доминирующее значение и возможность кругового обзора ее.

Следующий квартал по улице Мира свидетельствует о близости центра — после сплошь деревянной застройки появился, наконец, каменный жилой дом (№ 18). Красивое двухэтажное здание было построено в конце XVIII века предположительно купцом Смородинниковым. Трехчастное деление фасада пилястрами, рустовка стен первого этажа, простая форма наличников, орнаментированный пояс под карнизом — все это говорит о явном влиянии клас-

Тобольск.
Рождественская церковь.
1740-е гг.

сицизма на барочную архитектуру Тобольска того времени (как и везде, в Тобольске классицизм проникал в архитектуру прежде всего через гражданские здания). Зато более поздняя двухэтажная деревянная пристройка, не подчиняясь никаким стилям, свободно, по-народному украшена накладной резьбой. Помещения первого этажа перекрыты коробовыми сводами. Второй этаж с его более просторными залами, плоскими перекрытиями, резными дверями, возможно, был построен позже купцом Дранишниковым, вторым владельцем дома.

В октябре 1852 года декабрист А. М. Муравьев организовал покупку этого дома для расширения открытого в августе того же года девичьего приходского училища. Через два года это училище было реорганизовано в Мариинскую женскую школу и переведено в новое здание.

Рядом со зданием бывшего училища стоит другой каменный дом — трехэтажный, с очень простым декором. Дом был начат строительством в 1788 году провиантмейстером

ПЕТР ПАВЛОВИЧ
ЕРШОВ

Северюковым. Достроив дом, он в 1795 году продал его Почтамту для почтовой конторы. Кирпич для этого строительства изготовлялся в Тюмени и доставлялся в Тобольск на баржах. Дом стоял на углу Благовещенской площади, на которой размещались также здание Благородного собрания и Благовещенская церковь, и потому играл очень важную роль в формировании центральной зоны нижнего города. В 1820-х годах дом был капитально перестроен архитектором Петром Прамером. Тогда же был изменен декор фасадов — сбиты пилястры, упрощены наличники, снижена высота кровли.

Около здания почтовой конторы улицу Мира пересекает улица Ершова. Здесь же, в небольшом скверике, стоит бюст П. П. Ершова (скульптор В. Белов), установленный в 1973 году, а невдалеке, на углу улицы Семакова, стоит одноэтажный деревянный дом, в котором поэт прожил последние семь лет своей жизни. Дом принадлежал дальнему родственнику Ершова Токареву, который в 1862 году,

Тобольск.
Памятник П. П. Ершову.
1973

←

узнав, что Петр Павлович вынужденно ушел в отставку с поста директора тобольской гимназии и остался без крова, «без денег, без здоровья, с порядочной толикой детей», предложил ему на время своего длительного отъезда в Крым поселиться в этом доме. Токарев был богачом, и его дом в то время окружали многочисленные службы, конюшня, теплица, баня, кухня с людской, каретник. Помещения в доме были просторны и располагались анфиладой. Однако расходы на поддержание дома и содержание трех человек прислуги были чрезвычайно тяжелы для Ершова, который лишь в 1863 году с помощью своего бывшего ученика — профессора Петербургского университета Д. И. Менделеева — смог выхлопотать себе небольшую пенсию.

Последние годы Ершов жил затворником, подолгу сидел в зале у окна, после обеда уединялся в своем кабинете. Болезнь и бедность тяжело действовали на него. Даже радостное известие о постановке в Петербурге балета по сказ-

ке «Конек-горбунок» он воспринимал прежде всего как некоторое материальное облегчение. Однако, порвав всякие связи с чиновным Тобольском (за что приобрел славу гордеца и заносчивого человека), Ершов тем не менее охотно принимал ссыльных поляков, а за одного из них отдал замуж свою старшую дочь. По Тобольску ходили в списках эпиграммы, написанные Ершовым в эти годы. Эпиграммы были хлесткими, даже злыми:

«Тебя я умным признавал,
Ясновельможная особа,
А ты меня с глупцом сравнял...
Быть может, мы ошиблись оба?»[20]

За полгода до смерти Петр Павлович получил приглашение в столичное Благородное собрание на юбилей университета и испытал радостное потрясение от того, что его не забыли. С университетом были связаны самые яркие страницы жизни. Там девятнадцатилетним юношей он написал своего «Конька-Горбунка», там же, в столице, он получил поддержку Пушкина, Жуковского, Плетнева и окрылил себя надеждами и планами, которым — увы! — не суждено было сбыться в родном, но враждебном его духу Тобольске.

Ершов умер в доме Токарева 18 августа 1869 года. 20 августа весь Тобольск хоронил поэта. Улицы были запружены народом. Над гробом возвышалась гора осенних астр. Впоследствии на Завальном кладбище Ершову был поставлен мраморный памятник.

Зданию почтамта на другой стороне бывшей Благовещенской площади соответствует почти такое же большое здание, построенное для себя тобольским откупщиком Куклиным после пожара 1788 года. В 1817 году после банкротства Куклина дом был взят в казну и использовался для проживания генерал-губернатора Западной Сибири. С 1833 года в доме бывали многие декабристы по делам, связанным с пребыванием их на поселении. 31 декабря 1861 года перед заключением в тобольский тюремный замок в дом губернатора был доставлен революционер-демократ, поэт и публицист, соратник Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова М. И. Михайлов, обвиненный в составлении и распространении революционной прокламации «К молодому поколению».

Дом Куклина интересен не только как исторический, но и как архитектурный памятник времен становления тоболь-

Тобольск.
Бывш. дом
генерал-губернатора.
Конец XVIII в.

ского каменного гражданского зодчества. До пожара 1788 года в Тобольске было построено лишь шесть-восемь каменных гражданских зданий. При осуществлении послепожарного генплана города всячески поощрялось каменное строительство. На волне этого строительного бума в Тобольске почти одновременно появилось около десяти больших каменных домов. Все они имели весьма сдержанную архитектуру фасадов, в чем несомненно сказалось влияние пришедшего в то время в Сибирь классицизма. Дом Куклина строился по новой для Тобольска коридорной планировочной схеме, дополненной в первом этаже традиционной анфиладой помещений. В 1864 году дом был удлинен к югу на три сажени, внутри была сделана частичная перепланировка, на потолке центрального зала появилась лепнина. Что касается фасадов, то здесь влияние местных традиций деревянного зодчества привело к появлению мощного карниза на узких декоративных кронштейнах — деталь, характерная именно для Тобольска.

Тобольск.
Бывш. дом
купцов Корниловых
(теперь здание банка).
1916

В 1916 году почти напротив дома Куклина встал другой дом — тоже двухэтажный, с полуподвалом, построенный купцами Корниловыми (теперь в нем банк). Эти два купеческих дома имеют примерно одинаковые объем и высоту. Но как резко отличается их архитектура! Между ними — больше века. Дом Куклина — простодушная провинциальная реплика позднего классицизма. Дом Корниловых — представитель архитектуры эпохи эклектики, почти столичный образец модного в то время «проторенессанса», настоящий дом-дворец. Так и стоят эти два дома, как пропилеи, между бывшими плац-парадной «официальной» Благовещенской площадью и торгово-деловой Базарной площадью, которые вместе с соединяющими их двумя улицами и составляют центр подгорного Тобольска.

Подобное пространственное рассредоточение городского центра не редкость в истории зодчества. Даже в городах, имевших детинцы, торговые центры располагались, как правило, вне крепости. В Тобольске рассредоточенность центра

диктовалась и условиями топографии местности. Ведь торговую зону так и не удалось перевести наверх, к кремлю. А в XVIII—XIX веках в нижнем городе размещаются и важнейшие здания городской власти — магистрат, затем здание городской думы. Неизменным остается лишь положение духовного центра — Софийского двора на Троицком мысу. Комплекс Наместнического дворца потерял значение единственного и важнейшего административного центра.

Плац-парадная Благовещенская площадь в плане представляет почти правильный квадрат. Восточная сторона занята была кварталом с Благовещенской церковью (не сохранилась), западная — зданием городской думы (на его месте сейчас кинотеатр). Здания почтамта и бывш. дома Куклина составляют соответственно южную и северную стороны площади. По своему положению в застройке площадь относится к типу «внутренних», «закрытых». Но, находясь на ней, этой закрытости совсем не ощущаешь. Над крышами домов — белая лента кремлевских стен. Совсем рядом шумит Базарная площадь. Притягивает к себе уже совсем близкая громада Захарьевской церкви. Наш путь — туда.

•

Но не будем все же спешить на Базарную площадь. На пути у нас на четной стороне улицы еще один дом, мимо которого нельзя пройти равнодушно. Вон он — большой, двухэтажный, поднятый на высокий цокольный этаж, с красивыми барочными фасадами. Это дом купцов Володимировых — первое частное каменное здание Тобольска, построенное в конце 1760-х годов. За последующие двадцать лет в городе было возведено еще четыре каменных жилых дома. После пожара 1788 года все эти здания были восстановлены и частично изменены, при этом в доме Володимировых разместили казенную аптеку («приторгован» под аптеку дом был еще до пожара).

Дом Володимировых — вторая после здания богадельни Богородицкой церкви тобольская гражданская постройка в стиле барокко. Гражданская барочная архитектура формировалась в городе под явным влиянием культовой архитектуры, особенно строящейся тогда Захарьевской церкви — одного из лучших произведений барокко в Сибири. И все же архитектура дома Володимировых получила довольно сдержанный, «регулярный» характер, больше соответствовавший петровскому, чем процветавшему тогда елизаветинскому барокко. Эта регулярность и упорядоченность создана ритмичным чередованием пилястр большого орде-

Тобольск.
Бывш. дом
купцов Володимировых.
1760-е гг.

ра. Однако в интерьере дома барочная анфилада помещений отсутствием строгой геометричности все-таки больше похожа на древнюю палатную планировку.

Когда-то дом Володимировых имел ограду с красивыми воротами. Парадный вход с лестницей располагался в своеобразных сенях — двухэтажном каменном пристрое с северной стороны дома. Ограда и ворота всегда были непременной частью любого городского дома, они придавали ансамблевость застройке — иногда в пределах участка, нередко — целым кварталам. Оставшись без ограды, дом Володимировых потерял и часть своей былой выразительности, когда он, массивный, красивый, настоящим дворцом возвышался среди хаотичной деревянной застройки нижнего города, — ведь Пятницкой улицы ко времени постройки дома еще не существовало, она была пробита лишь через двадцать лет, после «большого пожара», причем таким образом, что прошла около дома. После этого дом стал по-старинному торцом выходить на улицу (в XIX веке дом «переориенти-

ровали», продлив торцевой фасад вдоль улицы влево и вправо). Очевидно, уже в то время в Тобольске начали руководствоваться новым, хотя и не утвержденным планом, который был разработан в 1767 году по приказу губернатора Чичерина преподавателями и учениками открытой в городе геодезической школы. Создание плана Тобольска — прямой результат организационной и методической деятельности петербургской «Комиссии о строении С.-Петербурга и Москвы», созданной в 1762 году. Тобольский план был утвержден Екатериной II лишь в 1776 году. Но через восемь лет он был переработан А. Гучевым и вновь утвержден, однако лишь пожар 1788 года позволил начать широкое осуществление этого плана. При этом первые пять каменных зданий нижнего города определили своими фасадами направления будущих улиц. И первым среди них был дом Володимировых.

Базарная площадь в Тобольске расположена у самой реки, в том самом месте, где в 1582 году казаки Ермака высадились на берег. До сих пор площадь не имеет четких границ. Раньше она простиралась до самого берега, всегда заваленного бочками, тюками, застроенного соляными сараями, хлебными амбарами, всевозможными складами, — до начала XIX века Тобольск крупно торговал. Большой деревянный гостиный двор на площади никогда не был пустым. К концу прошлого века появился каменный гостиный двор (теперь в нем универмаг), но былого «кипения» уже не было — Тобольск угасал, превратившись из губернского города в уездный. «Будущность г. Тобольска темна: и предположение о светлой заре возрождения его мало вероятно»[21], — писал в 1886 году историк и краевед К. Голодников. Для таких горьких слов в то время действительно были основания, но нужно отметить и другое — богатое архитектурное наследство, полученное Тобольском. К концу прошлого века в городе было пятьдесят шесть каменных зданий, две с половиной тысячи деревянных домов, двадцать три каменные церкви. Каждая из церквей была не просто культовым зданием, но и украшением города, его улиц, площадей, панорам... Базарную площадь, например, украсила большая двухэтажная церковь Захария и Елизаветы.

Долго, почти семнадцать лет, строилась Захарьевская церковь и была освящена в 1776 году. Стоявшая на этом месте деревянная церковь, построенная при митрополите Сильвестре в 1752 году, сгорела через пять лет, что и дало

Тобольск.
Церковь
Захария и Елизаветы.
1770-е гг.
←

Тобольск.
Церковь
Захария и Елизаветы.
1770-е гг.
Деталь венчания

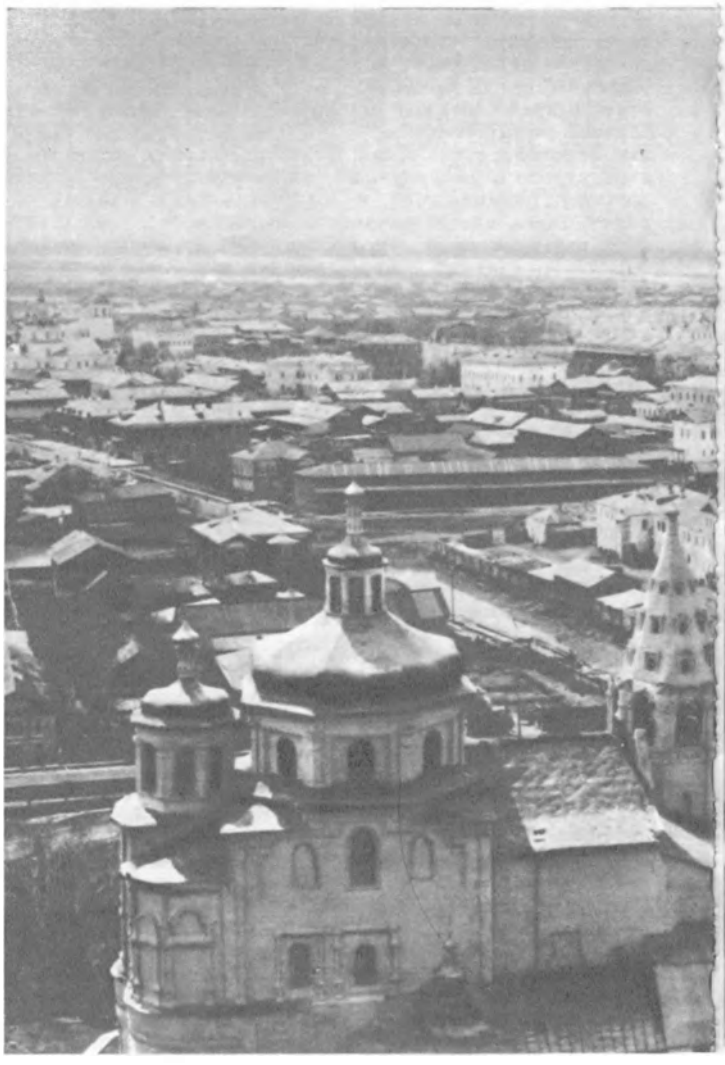
повод начать возведение каменного храма. Храм получился очень декоративным даже по отношению к одному из своих непосредственных образцов — тобольской Крестовоздвиженской церкви. Тобольское барокко в Захарьевской церкви достигло своей наивысшей точки развития. Все объемы — пятигранная главная апсида, два придела с полукруглыми апсидами, четверик храма, притвор — слиты воедино, образуя плотный монолит. Скульптурность сооружения подчеркивают срезанные верхние углы четверика, украшенные картушами с круглыми люнетами. Эти картуши вместе с фигурными фронтонами по осям храма образуют своеобразный восьмерик, обеспечивший выразительный переход от четверика к восьмигранному куполу. Барокко, как известно, вернуло русской архитектуре пятиглавие, но уже в сугубо декоративной его трактовке. Это проявилось и в Захарьевской церкви — ее пятиглавие создано небольшими декоративными главками.

Захарьевская церковь не только удивительно декоратив-

на, она по-сибирски монументальна. Этот эффект создается не только скругленностью всех наружных углов здания, но и профилировкой тянутых пилястр летней церкви (верхнего этажа), мощными «капителями» широких пилястр зимнего храма (первого этажа), «плотным» решением венчающей части четверика, когда угловые картуши и фигурные фронтоны очень органично соединяются с восьмигранным куполом. Безудержная декоративность подчиняется строгому ритмическому и объемно-композиционному порядку. Такая противоречивая целостность — признак высшего развития стиля. Но в Захарьевской церкви проявил себя также высокий синтез «столичных» и тобольских архитектурных форм. Глядя на церковь (и старые гравюры с ее изображением), вспоминаешь постройки П. Зарудного в Москве, а также постройки петербургского барокко с их характерными наличниками арочных проемов, сложными формами фронтонов. Но вот ярусность глав, колончатые обрамления оконных проемов, характерные дугообразные навершия наличников первого этажа, строенные кронштейны пилястр зимней церкви — все это черты традиционной тобольской архитектуры. Здесь возможен творческий вклад строителя церкви местного мастера Городничева (имя автора проекта пока выяснить не удалось).

Уже началась реставрация церкви. В восстановленном виде она вновь будет выполнять свою градостроительную роль — связывать вертикали нижнего города с ансамблем Троицкого мыса и формировать прибрежную панораму Тобольска.

Невдалеке от Захарьевской церкви начинается улица Розы Люксембург (бывшая Богоявленская). Плавно изгибаясь, она очень естественно пролегла между подошвой Троицкого мыса и речкой Курдюмкой — бывшей границей нижнего посада. Эта естественность, очевидно, и решила судьбу улицы: при реконструкции города в конце XVIII века она не была спрямлена. Эффектный ландшафт до сих пор придает этой улице особое очарование. С одной стороны улицы чуть не до неба громоздятся крутые склоны. На другой стороне поросший ивняком берег Курдюмки темной лентой связывает начало и конец улицы, мелькает меж домами, а, проскальзывая под мостом, открывается неожиданно дальней перспективой, этаким романтическим ажурным коридором среди сомкнувшихся над водой ветвей. Когда-то близ этого моста, почти у самой подошвы Троицкого мыса, стояла большая двухэтажная церковь Богояв-



ления (позже Богородицкая), перестроенная из одноэтажной в 1744 году. Церковь не только украшала улицу, но и была важным связующим звеном между ансамблем кремля и застройкой нижнего города. При церкви в середине XVIII века была возведена одноэтажная каменная богадельня (переулок Розы Люксембург, 5). Это здание, в отличие от церкви, сохранилось и при знакомстве с городом не должно быть обойдено. Ведь это, по-существу, первое барочное гражданское здание Тобольска. Отсюда, со стен этого совсем небольшого дома, сошла характерная криволинейная форма наличников и, несколько усложнившись, поселилась на фасадах многих жилых зданий города 1760—1790-х годов начиная с дома Володимировых. А с фасадов каменных зданий форма наличников перешла, видимо, на фасады деревянных домов.

В конце улицы Розы Люксембург стоит длинное двухэтажное здание. Это бывшая губернская классическая гимназия — здание, связанное с именами многих выдающихся

Тобольск.
Панорама нижнего города.
Фото начала XX в.

←

Тобольск.
Здание гимназии. XVIII в.

→

людей. Первоначально это был двухпалатный, двухэтажный дом купцов Корнильевых, построенный ими в 1770-х годах. В 1780-х годах за недоимку дом был передан городской управе. Уцелев во время пожара 1788 года, дом стал служить резиденцией правителя Тобольского наместничества А. В. Алябьева. Здесь же, в этом доме, прошли первые годы его сына, будущего композитора А. А. Алябьева. В 1791 году у Алябьевых в доме часто бывал А. Н. Радищев. В то время (до 1794 года) в доме выступал первый в Сибири профессиональный театр. В 1797 году в здание было переведено Главное народное училище, в связи с чем первоначальный объем удвоился пристройкой. 10 марта 1810 года, в день восшествия на престол Александра I, училище было преобразовано в четырехклассную гимназию. С этого года в гимназии стал работать Иван Павлович Менделеев — до 1818 года учителем, а с 1827 по 1835 год — директором. Ко времени его директорства здание гимназии было опять перестроено, теперь уже по проекту губернского архитекто-

ра Малышева. По оси главного фасада был устроен четырехколонный портик, а над входом установлена деревянная статуя Минервы — богини просвещения и мудрости. Деревянный флигель семьи Менделеевых стоял невдалеке от гимназического сада, большого, простиравшегося до самого берега Курдюмки, с красивой деревянной галереей и обязательной для тех времен беседкой. Дом Менделеевых был одним из очагов культуры в городе. Здесь собиралась городская интеллигенция, была одна из лучших в Тобольске библиотек, которой пользовались многие, в том числе юный Петр Ершов, поступивший вместе с братом в гимназию в 1827 году. Братья учились лучше всех и пользовались особым расположением директора. В доме Менделеевых Ершов познакомился и со Словцовым, который пробудил у него интерес к истории Сибири. Большое влияние на духовное развитие Ершова оказала дружба с А. А. Алябьевым. Знаменитый композитор, участник Отечественной войны, подполковник в отставке А. Алябьев в 1825 году оказался замешанным в судебном деле, связанном с внезапной смертью одного из партнеров по карточной игре, и был заключен в тюрьму. В 1828 году его лишили дворянского звания, орденов и чинов и сослали в Тобольск. Здесь он должен был совершать публичные покаяния три раза в день, стоя на коленях перед алтарем. Гордый Алябьев ни за что не хотел становиться на колени, и тогда синод предписал заключить его в монастырь. Но от монахов тобольского Знаменского монастыря Алябьев сумел «откупиться» сочинением культовых произведений.

Выход из личного кризиса Алябьев искал в активной творческой деятельности. Он давал концерты, создал большой оркестр (три хора и сто музыкантов), который для него самого оказался хорошей школой. Об алябьевском оркестре писали даже столичные газеты. Сорокалетний композитор очень подружился с четырнадцатилетним Петром Ершовым, прививал ему любовь к музыке и поэзии, привлекал к организации концертов. Часть концертов проходила в актовом зале гимназии.

В 1836 году гимназия стала семиклассной. В этом же году, закончив Петербургский университет и уже будучи автором известной сказки «Конек-горбунок», Ершов вместе с матерью вернулся в Тобольск и стал преподавать в гимназии. Тем же назначением министра директором гимназии был назначен бюрократ Е. М. Качурин — антипод Ершова, в течение последующих двенадцати лет отравлявший его жизнь. Ревностно и прямолинейно следовал Качурин рескрипту Николая I, согласно которому система об-

разования должна быть построена так, чтобы «каждый, не быв ниже своего состояния, также не стремился чрез меру возвыситься над тем, в коем, по обыкновенному течению дел, ему суждено оставаться»[22]. В 1840 году Качурин запретил деятельность гимназического театра, руководимого Ершовым. Ограничения, приказы, распоряжения следовали один за другим. Приказано было даже снять с фасада гимназии статую Минервы за то, что жители Тобольска называли ее «Венеркой», а гимназисты использовали для своих проказ.

В начале 1844 года Ершов назначается инспектором гимназии с сохранением учительской должности. Вокруг него складывается оппозиционная Качурину группа молодых учителей. Ершов постепенно выходит из многолетнего душевного кризиса. В немалой степени этому способствовало его сближение с кружком декабристов. В 1857 году новый тобольский губернатор, В. А. Арцимович, — деятель, о котором положительно отзывался А. Ф. Кони, добился назначения Ершова на пост директора гимназии. Этот поворот судьбы возродил былую энергию Ершова. Но силы его были уже не те. Длительные конфликты с Качуриным и сменившим его Чигиринцевым, многолетняя судебная тяжба по делу о пропаже в гимназической конюшне, постоянные финансовые затруднения, смерть детей и первой жены, неудачи с публикациями и многое другое основательно подорвали здоровье Ершова. И тем не менее новый директор очень много сделал для улучшения работы гимназии и народного образования в губернии. Но в 1862 году Ершов неожиданно для всех уходит в отставку. Причины отставки до сих пор по-настоящему не ясны.

С тобольской гимназией связаны и многие другие известные имена. В гимназии учились Д. И. Менделеев, декабрист Г. С. Батеньков, соратник Н. А Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина публицист Г. З. Елисеев, один из первых народников-тоболяков А. А. Сыромятников. В 1837 году гимназию посетил В. А. Жуковский, сопровождавший наследника (будущего Александра II) в его поездке по Сибири. Для обсуждения вопросов народного образования в гимназии неоднократно бывали декабристы Н. В. Басаргин, М. А. Фонвизин, Н. А. Чижов. Некоторые ученики Главного народного училища принимали участие в издании (с сентября 1789 года) первого сибирского журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» и в работе сформировавшегося вокруг журнала общественно-литературного кружка. По своему характеру «Иртыш...» примыкал к демократическому направлению русской журналистики. Издание жур-

нала (всего вышло двадцать четыре номера) сделало Тобольск в конце 1780 — начале 1790-х годов центром русской провинциальной журналистики. До этого в течение одного 1786 года выходил в Ярославле журнал «Уединенный пошехонец».

Распространению журнала способствовал А. В. Алябьев. Активно работали в «Иртыше...» губернский прокурор И. И. Бахтин, писавший стихи, просвещенный сановник Е. П. Кашкин (пермский и тобольский генерал-губернатор, затем пермский наместник), Н. Смирнов — бывший крепостной Голицыных, очень образованный, владеющий тремя языками человек, сосланный в Тобольск за попытку бежать за границу. Фактическим редактором и руководителем кружка и журнала был Панкратий Платонович Сумароков — внучатый племянник А. П. Сумарокова, сосланный в 1787 году за гусарскую шалость в Тобольск (после освобождения в 1802 году он некоторое время будет редактором «Вестника Европы», сменив на этом посту Н. М. Карамзина). Печатался журнал в первой частной сибирской типографии, открытой купцом Василием Яковлевичем Корнильевым — образованным, культурным человеком, активно и заинтересованно принимавшим участие в издании журнала. Ему же принадлежала и первая в Сибири бумажная фабрика. В корнильевской типографии была напечатана первая сибирская книга «Училище любви», переведенная с французского Сумароковым. С 1795 года дело отца официально продолжил его сын Дмитрий (фактически он уже давно занимался делами типографии). Кроме издания «Иртыша...» и книг Дмитрий Корнильев подготовил и издал «Исторический журнал», посвященный Сибири, а также издавал «Библиотеку ученую, экономическую и пр.». Дочь Дмитрия Корнильева Мария стала матерью Д. И. Менделеева.

Улица Богоявленская, на которой стояла гимназия, как и многие другие улицы Тобольска в XIX веке, была замощена толстыми деревянными плахами, и это придавало ей монументальность, несмотря на то, что большинство зданий на ней было деревянными. Особенно монументально завершение улицы, где она вливалась в широкий, пологий и тоже мощенный плахами Никольский взвоз. В конце XIX века на улице появилось два новых каменных здания. Напротив старого корпуса гимназии был построен новый, очень добротный, в духе казенного ампира. А на месте деревянного здания театра, построенного в 1794 году, была возведена краснокирпичная кирха. Улица приобрела новый, еще более крупный масштаб. Прогулка по ней доставляет

большое удовольствие разнообразием видовых перспектив, частой и неожиданной сменой ракурсов.

Почти напротив Прямского взвоза берет начало еще одна важная магистраль нижнего города — улица Ленина (бывшая Большая Архангельская). Изогнувшись перед мостом через Курдюмку, улица распрямляется и уходит к дальней, южной окраине Тобольска. Первый квартал весь застроен двухэтажными домами с потемневшими от времени срубами, с обязательными наличниками окон и карнизами на резных кронштейнах. Большие дворы этих домов за высокими заборами всегда уютны, загромождены поленницами, наполнены запахами старого дерева и устоявшегося быта. Почти из каждого двора виден кремль и купола одной-двух церквей нижнего города. Улицу украшает большая Михаило-Архангельская церковь, построенная в основном в течение 1745—1754 годов (хотя полная строительная история памятника сложна, окончательный облик церкви сложился не сразу). Церковь двухэтажная, с зимним и летним храмами. Построена по привычной для Тобольска троечастной схеме, однако для подъема на второй этаж здесь устроены не внутренняя, а наружная лестница на аркадах. Так появилась в Тобольске церковь со всходом.

Церковь на высоком подклете со всходом — это древнерусский тип. Каким образом он в середине XVIII века пришел в далекий Тобольск — неизвестно, хотя сам собой напрашивается вывод о влиянии архитектурного творчества выходцев с русского Севера. С другой стороны, эпохе барокко вообще свойственно возрождение интереса к древнерусским формам. Известная «драматизация» и «театрализация» архитектурных сюжетов, присущая барокко, в Михаило-Архангельской церкви проявила себя в усложненной организации подхода и входа в здание. Действительно, входы на участок были организованы со стороны алтаря, поэтому человек проходил вдоль протяженного фасада, богато декорированного, что уже само по себе создавало определенный эмоциональный настрой. На открытую галерею лестницы можно было попасть только из темной закрытой паперти. На втором этаже человек вновь попадал в затесненный темный ярус колокольни, из которого входил в низкую светлую трапезную, а затем — в залитый светом высокий летний храм под куполом со световым фонарем.

Церковь Михаила Архангела была начата строительством всего через год после закладки Андреевской церкви, но сти-

Тобольск.
Церковь
Михаила Архангела.
Середина XVIII в.

листика барокко проявилась в ней гораздо отчетливее, причем именно в «тобольском варианте». Кроме традиционно тобольской композиции церкви (если не считать всходов) можно отметить характерные колонки, перехваченные «дыньками» в наличниках, «пламенеющие» очелья наличников первого этажа, ярусный верх колокольни, крупность форм всего декора, формы куполов и фонариков, круглые фронтоны с четырехлепестковыми люнетами по осям четверика. Строители церкви сделали решительный шаг от древнерусской архитектуры к новой, но не оторвались от тобольских корней. Этот новый профессиональный подход к архитектурной форме позволяет предположить, что автором Михаило-Архангельской церкви (а возможно и некоторых других в Тобольске) был «ямской охотник» Кузьма Черепанов (1712—1774) — опытный зодчий, резчик, человек, собравший в своем доме библиотеку из четырехсот томов и хорошо разбиравшийся в математике, механике, истории. В 1772 году Кузьму Черепанова посетил

Тобольск.
Ограда церкви
Михаила Архангела

академик И. П. Фальк и был восхищен его образованностью и художественной одаренностью. Таким же одаренным самоучкой был и брат Кузьмы Черепанова Иван (1724—1795) — автор знаменитой черепановской летописи («Сибирской хронографии»), тоже известный историк, зодчий, резчик и живописец. Именно он выполнил резной иконостас для церкви Михаила Архангела.

Любовь к знаниям и искусству к братьям перешла от отца — «тяглеца ямщицкой слободы» Леонтия Черепанова, который к шестидесяти годам закончил переписку «Повести краткой о Александре Великом от церковного историка Георгия Кедрина». Братья немало построили и сделали в Тобольске, но работали и в других сибирских городах — Омске, Петропавловске, Бийске. Живописцами и резчиками стали и их сыновья Федор Иванович, Семен Иванович, Александр Кузьмич. Деятельность ученого ямщицкого семейства оставила заметный след в культуре Сибири. Такое самобытное явление, как тобольское архитектурное барокко,

Тобольск.
Здание театра.
Конец XIX в.

вне сомнения, формировалось не без участия Черепановых.

Пока еще нет единого мнения относительно правомерности выделения самостоятельного «тобольского» барокко. Некоторые исследователи склонны выделять лишь более общее направление — «сибирское» барокко, объясняя его происхождение и характер декора влиянием азиатского искусства. Конечно, нельзя отрицать этого влияния, особенно на архитектуру Восточной Сибири, но когда речь идет о тобольском зодчестве, то здесь скорее нужно говорить о западном, в частности украинском, влиянии, чем о восточном, а также о влиянии архитектуры русского Севера. Но и эти влияния не могут все объяснить. Самобытность, способность к самостоятельному творчеству как проявление неискоренимой жажды этого творчества воплотились в формах не придуманных, но переплавленных и переосмысленных под влиянием множества факторов тобольской истории и тобольского бытия.

Чем, например, объяснить неповторимую форму и удивительную монументальность церковных оград в Тобольске? Ограды эти — настоящие произведения искусства, каждая со своим характером, но непременно на мощном высоком цоколе, с массивными, часто расширяющимися книзу, как пирамиды, колоннами и коваными металлическими узорами между ними. Такова и ограда церкви Михаила Архангела. Металлический узор, составленный из стилизованных монограмм МА, украшенные полуколонками столбы на постаментах, упруго выгнутый посредине цоколь — все это образует сложное сочетание хороводности и строгого ритма. Почти полквартала занимает эта ограда. Без нее громоздкие объемы церкви Михаила Архангела не могли бы так органично и мягко вписаться в окружающую невысокую застройку.

Путешествие по подгорному Тобольску мы завершим знакомством со знаменитым деревянным зданием тобольского театра. Расположено оно невдалеке от церкви Михаила Архангела, на углу улиц Ленина и Декабристов. Перед театром довольно большая площадь, что не только повышает значительность здания, но и позволяет полнее ощутить его великолепные пространственные качества.

Поэт, наверное, назвал бы здание тобольского театра праздничной сюитой. Действительно, откровенная праздничность, даже маскарадность, — первое и очень устойчивое впечатление от архитектуры этого здания. Двухэтажный театр построен в «русском стиле», столь распространенном в конце XIX века. Древний строительный материал — дерево, для которого русской архитектурой были найдены столь органичные и самобытные формы, позволил применить их и в конце XIX века, лишь несколько трансформировав. Даже общая композиция, несмотря на ее симметричность, построена по старому хоромному принципу, сочленением нескольких «хоромин» различной высоты и объема. Главная ось и композиционный центр здания выделены своеобразным портиком на фигурных колоннах и «теремным» шатром со светелкой. Очень важны для композиции две островерхие башенки на главном фасаде. Они удачно развивают древнерусскую тему и настолько обогащают пространство, что здание превращается в целый городок. Каждая деталь в этом городке удивительным образом сочетает в себе «воспоминания» о древности и современность. Вся резьба пропильная, под карнизами размещены типичные для Тобольска плоские кронштейны, наличники

окон как будто сошли с жилых домов XIX века, подкарнизный фриз и цоколь выполнены в виде дощатых заборчиков. В 1898 году, когда строилось это здание, одна газета писала: «В сравнительно бедном Тобольске принялись строить чуть ли не дворец-театр с широкими планами создать «общедоступный народный театр»». Да, пожалуй, именно так, именно дворец-театр выстроили тоболяки на свои, народные деньги (три года шел сбор пожертвований), и не только выстроили, но и сохранили. И теперь это здание, как уникальное, известно даже за рубежом.

В сентябре 1899 года в новом театре состоялся первый спектакль — комедия А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся». Почти двести лет отделяет его от другой даты — 8 мая 1705 года, когда первая в Тобольске театральная группа из учеников славяно-русской школы вышла на свое первое публичное представление. Профессиональная труппа была создана в конце XVIII века наместником А. В. Алябьевым. В этой труппе было двенадцать актеров и четыре актрисы. Комическую оперу А. О. Аблесимова «Мельник-колдун, обманщик и сват» в их исполнении в 1791 году смотрел А. Н. Радищев.

Театральная площадь расположена в самом центре подгорного Тобольска. Стоя на ней, хорошо видишь и кремль, и главы нижних церквей, и всю стену высокой пойменной террасы, обращенную к южной части небосклона. И от этого на площади уютно, не хочется уходить от красивого театра, его серых бревенчатых стен, от этого разнообразия домов, окруживших площадь со всех сторон. Нужно не спеша побродить по городу, среди рядовой застройки, еще и еще раз вернуться к уже виденному. Бывшая столица Сибири таит в себе много интересного и неоткрытого.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Сибирские летописи. Спб., 1907, с. 24—25.

[2] *Шукшин В.* Рассказы. М., 1979, с. 231.

[3] До появления в Пермской земле Ермак разбойничал на Волге и Каспии, за что был объявлен преступником. Правда, в последнее время появились версии В. И. Сергеева и Р. Г. Скрынникова, утверждающие, что разбойничал Иван Кольцо, а царская опала на Ермака — лишь ход дипломатической игры с Ногайской Ордой.

[4] *Словцов.* Письма из Сибири 1826 года. М., 1828, с. 42.

[5] См.: *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982, с. 161.

[6] «Пермская старина», вып. 6. Пермь, 1895, с. XXVII.

[7] *Сулоцкий А.* Описание краткое всех церквей, существующих в г. Тобольске, и пространное Тобольского Софийского собора. М., 1852, с. 92.

[8] Цит. по кн.: *Копылова С. В.* Каменное строительство в Сибири. Конец XVII—XVIII в. Новосибирск, 1979, с. 20.

[9] Там же, с. 177.

[10] См.: *Кириллов В. В.* Ансамбль Тобольского кремля. — В кн.: Русское искусство первой четверти XVIII в. Материалы и исследования. М., 1974, с. 54.

[11] Цит. по кн.: *Кочедамов В. И.* Тобольск. Тюмень, 1963, с. 70.

[12] *Радищев А. Н.* Стихотворения. Л., 1975, с. 75.

[13] *Менделеев Д.* Уральская железная промышленность в 1899 году. Спб., 1900, с. 445.

[14] Цит. по кн.: Декабристы рассказывают. М., 1975, с. 260.

[15] Цит. по кн.: *Копылов А., Прибыльский Ю.* Тобольск. Изд. 2-е. Свердловск, 1975, с. 83.

[16] Цит. по кн.: Поэзия декабристов. Л., 1950, с. 649.

[17] Цит. по кн.: Декабристы рассказывают, с. 316.

[18] Цит. по кн.: Поэзия декабристов, с. 339.

[19] Там же, с. 340.

[20] Цит. по кн.: *Утков В. Г.* Гражданин Тобольска. Свердловск, 1972, с. 137.

[21] *Голодников К.* Город Тобольск и его окрестности. Тобольск, 1886, с. 139.

[22] Цит. по кн.: *Утков В. Г.* Гражданин Тобольска, с. 75.

[23] «Степной край», 1898, № 70.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Абрамов Н. О старинных каменных строениях в Тобольске. — «Тобольские губернские ведомости», 1864, № 45.

Беспалова Л. Тюменский край и писатели XIX века. Свердловск, 1970.

Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов — сибирский картограф и географ. М., 1965.

Гольденберг Л. А. Михаил Федорович Соймонов. М., 1973.

Грамматин А. Иоанно-Введенский третьеклассный женский монастырь. — «Тобольские Епархиальные ведомости», 1889, № 17/18, с. 363—376.

Громыко М. М. Сибирские купцы Корнильевы. — «Известия Сибирского отделения АН СССР», 1972, № 6 (Серия общественных наук, вып. 2), с. 23.

Дворцова В. А. Н. Радищев в Западной Сибири. Тюмень, 1958.

Завалишин И. Описание Западной Сибири. М., 1862.

Замахаев С. М., Цветаев Г. А. Историческая записка о Тобольской гимназии 1789—1889 годов. Тобольск, 1889.

Знаменский М. С. Исторические окрестности Тобольска. Тюмень, 1901.

Кириллов В. В. Тобольск. М., 1984.

Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX в. Новосибирск, 1974.

Копылова С. В. Каменное строительство в Сибири. Конец XVII—XVIII в. Новосибирск, 1979.

Кочедамов В. И. Тобольск. Тюмень, 1963.

Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М., 1978.

Кузнецов (Тобольский) Е. В. О распорядках Чичерина в Тобольске. Тобольск, 1891.

Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. Свердловск, 1975.

Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1—2. М.—Л., 1937.

Наш край в документах и иллюстрациях. Тюмень, 1966.

Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982.

Пушкарев Л. Н. Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества. М., 1984.

Рощевский П. И. Декабристы в тобольском изгнании. Свердловск, 1975.

Сибирские летописи. Спб., 1871.

Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982.

Списки населенных мест Российской империи, т. 60. Тобольская губерния. Спб., 1871.

Сулоцкий А. Описание краткое всех церквей, существующих в г. Тобольске, и пространное Тобольского Софийского собора. М., 1852.

Утков В. Г. Гражданин Тобольска. Свердловск, 1972.

Все чертежи и бо́льшая часть фотографий выполнены автором.
Обмеры и обследования памятников архитектуры Тобольска выполнялись автором совместно с Б. А. Жученко.

Фотографии на стр. 74—75, 92, 120—121, 126, 164 выполнены С. А. Тартаковским и В. Г. Кравчуком.

СВЕТОЗАР ПАВЛОВИЧ ЗАВАРИХИН

В ДРЕВНЕМ ЦЕНТРЕ СИБИРИ

Редактор
Г. П. ПЕРЕПЕЛКИНА

Художник серии
Ю. К. КУРВАТОВ

Художественный редактор
Е. Е. СМИРНОВ

Подготовка фотооригиналов
Е. А. БЕЛОВ

Технический редактор
А. Н. ХАНИНА

Корректоры
Е. Р. ЛАВРОВА,
Н. Н. ПРОКОФЬЕВА

ИБ № 2617
Сдано в набор 12.02.86. Подписано к печати 24.02.87. А07004. Формат издания $70\times90^{1}/_{32}$. Бумага типдручная. Гарнитура школьная. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,02. Усл. кр.-отт. 14,30. Уч.-изд. л. 9,261. Изд. № 1438. Тираж 150 000. Заказ 2927. Цена 70 коп. Издательство «Искусство», 103009, Москва, Собиновский пер., 3. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 170024, г. Калинин, пр. Ленина, 5.

КНИГА С. П. ЗАВАРИХИНА

ПРОДОЛЖАЕТ ВЫШЕДШУЮ РАНЬШЕ

В СЕРИИ «ДОРОГИ К ПРЕКРАСНОМУ»

КНИГУ «ВОРОТА В СИБИРЬ»,

КОТОРОЙ АВТОР КАК БЫ ОТКРЫВАЛ ЧИТАТЕЛЮ

ПУТЬ НА СИБИРЬ.

ОНА ЗНАКОМИТ ЧИТАТЕЛЯ

СО ВТОРЫМ РУССКИМ ГОРОДОМ

СИБИРИ — ЕЕ ДРЕВНИМ ЦЕНТРОМ — ТОБОЛЬСКОМ —

И СЕЛАМИ, РАСПОЛОЖЕННЫМИ

ПО РЕКАМ ТОБОЛ, ИРТЫШ,

ВАГАЙ, — С ИХ ИСТОРИЕЙ,

КУЛЬТУРОЙ И АРХИТЕКТУРОЙ.

70 коп.

ДОРОГИ К ПРЕКРАСНОМУ

ДОРОГИ К ПРЕКРАСНОМУ
ДОРОГИ К ПРЕКРАСНОМУ
ДОРОГИ К ПРЕКРАСНОМУ